

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2019. Т. 27(1–4). № 3

ISSN 1999-9917

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-74889 от 11.02.2019.

Главный редактор А. А. Крымов

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://mcp.editorum.ru/>

Дата выхода в свет 26.09.2019. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России» – 73800;
интернет-каталог «Российская периодика» (www.aipk.org) – 73800.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

Российский индекс научного цитирования;
КиберЛенинка;

Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук.

© Академия ФСИН России, 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Крымов Александр Александрович,
главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Аксенова Галина Ивановна,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Антонян Юрий Миранович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Блинков Олег Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Кашуба Юрий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Лебедев Семен Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Наумов Анатолий Валентинович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Огородников Владимир Иванович,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Плешаков Владимир Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Поздняков Вячеслав Михайлович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Полищук Николай Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Поникаров Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Ромашов Роман Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Старостин Сергей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сухов Анатолий Николаевич,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Тюгаева Нина Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань)

Черемисова Ирина Валерьяновна,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Черный Евгений Владимирович,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Чистяков Алексей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Шаталов Александр Семенович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Юнусов Абдулжабар Агабалаевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

EDITORIAL BOARD

- Krymov Aleksandr Aleksandrovich,**
Editor-in-chief, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Aksenova Galina Ivanovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Antonjan Jurij Miranovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Blinkov Oleg Evgen'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Gavrilov Boris Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Kashuba Jurij Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Lebedev Semen Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Naumov Anatolij Valentinovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Ogorodnikov Vladimir Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor (Russia, Ryazan)
- Pleshakov Vladimir Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Polishhuk Nikolaj Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Ponikarov Vladimir Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Romashov Roman Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, St. Petersburg)
- Starostin Sergej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Suhov Anatolij Nikolaevich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Tjugueva Nina Alekseevna,**
Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Cheremisova Irina Valer'janovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Volgograd)
- Chernyj Evgenij Vladimirovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Simferopol)
- Chistjakov Aleksej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Shatalov Aleksandr Semenovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Junusov Abdulzhabar Agabalaevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

В фокусе приоритетного внимания любого государства постоянно находится проблема преступности. Она очень давняя и чрезвычайно серьезная, в силу этого постоянно требует научного осмысления. Разумный человек всегда властен над своими поступками. Но иногда, особенно в условиях социальной неустроенности, разламывающих общество противоречий и конфликтов, он совершает поступки, противоречащие закону. Предупредить, уберечь, помочь – в этом и состоит цель, во имя и ради которой создан журнал «Человек: преступление и наказание». Слово «человек» в его наименовании не является терминологической новацией. Человек в сфере действия уголовной юстиции в широком смысле – вот магистральная и основная проблематика журнала. К ее освещению и раскрытию во всем многообразии возможных аспектов приглашаются правоведаы, управленцы, психологи, педагоги, философы, социологи, религиозные деятели, медики-психиатры – все, кого интересуют и волнуют человеческие проблемы в таком их специфическом понимании. Важными направлениями деятельности журнала являются публикация результатов междисциплинарных исследований по вопросам модернизации систем исполнения наказаний, уголовно-исполнительной политики, участия в этом процессе гражданского общества, защиты прав и законных интересов осужденных, объединение усилий ученых различных стран в решении общих пенитенциарных проблем.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями; соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The problem of crime is always in the focus of priority attention of any state. It is very old and extremely serious, that is why it constantly requires scientific understanding. A reasonable man can always control his actions. But sometimes, especially in conditions of social disorder, breaking the society of contradictions and conflicts, he commits acts against the law. To warn, to protect, to help is the purpose for which the journal “Man: crime and punishment” was created. The word “man” is not a terminological innovation. A man in the sphere of criminal justice in a broad sense is the main problem of the journal. Lawyers, managers, psychologists, teachers, philosophers, sociologists, religious leaders, physicians, psychiatrists and all who are interested and concerned about human problems in such specific understanding are invited to cover and disclose it in a variety of possible aspects. Important activities of the journal are the publication of the interdisciplinary research results on the modernization of penal systems, penal policy, participation of civil society in this process, the protection of the rights and legitimate interests of convicts and combining the efforts of scientists from different countries in solving common prison problems.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement; free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange; compliance with international ethical editorial rules.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 288** *Игнатенко В. И.* Нужна ли категория «антиобщественный образ жизни» для криминологии?
- 295** *Шамсунов С. Х., Жиляев Р. М.* Возвращаясь к вопросу противодействия рецидивной преступности иностранных граждан

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 300** *Чистяков А. А., Нгуен Т. Т. Х., Хуинь Х. Т.* Организованная преступность и противодействие ей в Социалистической Республике Вьетнам
- 306** *Добряков Д. А.* К вопросу о частных пенитенциарных учреждениях в Соединенных Штатах Америки и Республике Корея

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 310** *Беляева Л. И.* О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция): взгляд сквозь столетие

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 324** *Паршков А. В., Рахмаев Э. С., Нурдин А.А.* Криминологическое исследование уровня коррупции среди работников уголовно-исполнительной системы

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 330** *Акимошкин В. И.* К вопросу о мнимой обороне и фактической ошибке в уголовном праве
- 335** *Куфлева В. Н., Соболев Д. В., Фирсов В. В.* Проблемные аспекты квалификации преступлений с использованием беспилотного транспортного средства
- 343** *Минстер М. В.* Некоторые условия, способствующие совершению рецидива преступлений лиц женского пола
- 352** *Рахматуллин Р. Р.* Частная криминалистическая теория раскрытия преступлений как импульс для совершенствования раскрытия преступлений
- 359** *Пермиловская Е. А.* Соотношение уголовного наказания в виде ограничения свободы с иными мерами государственного принуждения

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 366** *Тюгаева Н. А.* Методы обучения и психолого-педагогические технологии: сущность, тенденции развития
- 380** *Китова Д. А., Шаков А. М.* Отношение к коррупционному поведению в структуре представлений современной молодежи
- 390** *Реутова В. И.* Взаимосвязь управленческих компетенций с личностными качествами руководителей органов внутренних дел

ПЕРСОНАЛИИ

- 396** 80 лет исполняется заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации доктору педагогических наук, профессору полковнику внутренней службы в отставке Нине Алексеевне Тюгаевой

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

- 399** *Ignatenko V. I.* Is the category of anti-social lifestyle necessary for criminology?
- 400** *Shamsunov S. Kh., Zhilyaev R. M.* Returning to the issue of counteracting recidivism of foreign citizens

ABROAD

- 401** *Chistyakov A. A., Nguen T. T. Kh., Khuin' Kh. T.* Organized crime and counteracting it in the Socialist Republic of Vietnam
- 402** *Dobryakov D. A.* On the issue of private prisons in the United States of America and the Republic of Korea

TIME LENS

- 403** *Belyaeva L. I.* On deprivation of liberty, as a measure of punishment, and the order of serving such punishment (Temporary instruction): a look through the century

MANAGEMENT VECTOR

- 405** *Parshkov A. V., Rakhmaev E. S., Nuzhdin A. A.* Criminological study of the level of corruption among employees of the penitentiary system

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 407** *Akimochkin V. I.* On the issue of imaginary defense and factual errors in criminal law
- 407** *Kufleva V. N., Sobolev D. V., Firsov V. V.* Problematic aspects of crimes qualification with the use of unmanned vehicle
- 409** *Minster M. V.* Some conditions conducive to the commission of crime recidivism by female persons
- 410** *Rakhmatullin R. R.* Private forensic theory of crime detection as an impulse for improvement of crime detection
- 411** *Permilovskaya E. A.* Correlation of criminal punishment in the form of restriction of freedom with other measures of state coercion

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 412** *Tyugaeva N. A.* Teaching methods, psychological and pedagogical technologies: essence, development trends
- 414** *Kitova D. A., Shakov A. M.* Attitude to corruption behavior in the structure of modern youth perceptions
- 416** *Reutova V. I.* Interrelation of managerial competences with personal qualities of heads of Internal Affairs bodies

Personalia

- 417** 80 years anniversary of the Honored worker of the Higher school of the Russian Federation, doctor of pedagogical Sciences, Professor, Colonel of internal service in retirement Nina Alekseevna Tyugaeva

УДК 343.9

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.288-294

ВИКТОР ИВАНОВИЧ ИГНАТЕНКО,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kioprapu@mail.ru

НУЖНА ЛИ КАТЕГОРИЯ «АНТИОБЩЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» ДЛЯ КРИМИНОЛОГИИ?

Для цитирования

Игнатенко, В. И. Нужна ли категория «антиобщественный образ жизни» для криминологии? / В. И. Игнатенко // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 3. – С. 288–294. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.288-294.

Аннотация. В статье рассматривается категория антиобщественного образа жизни, приводятся его основные характеристики, классификация. Под антиобщественным образом жизни подразумевается повседневная деятельность, обусловленная возрастными и психологическими особенностями личности, сферы которой или одна из них (учебно-трудовая, семейно-бытовая, производственная, досуговая) получили под влиянием негативной среды определенную деформацию, что способствовало формированию отклоняющегося от социальных и правовых норм поведения, в том числе совершению правонарушений. По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что категория «антиобщественный образ жизни» нуждается в детальном изучении.

В настоящее время отечественная уголовно-правовая система направлена на борьбу с преступностью и антиобщественным поведением. Необходимо ее переориентировать на антиобщественный образ жизни, порождающий указанные негативные явления. Для этого, по всей вероятности, нужна реформа самой уголовно-правовой системы, особенно силовых структур (смена названия «милиция» на «полиция» не меняет сути дела, преступность продолжает расти и становится более агрессивной и организованной). Категория «антиобщественный образ жизни» подлежит обязательному включению в учебные программы по курсу «Криминология», основу которого должна составлять не борьба с преступностью, к предупреждению именно антиобщественного образа жизни как причины преступности. Таким образом будет сформирован новый подход к предупреждению преступности, имеющий упреждающий характер, при котором внимание будет уделяться не

© Игнатенко В. И., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

борьбе со следствием – преступностью, а предупреждению антиобщественного образа жизни, то есть причине преступности.

Ключевые слова: образ жизни, антиобщественный образ жизни, деформация, особенности, досуг, профилактика, подросток, преступление.

Ни в одном из отечественных учебников по криминологии не рассматривается категория «антиобщественный образ жизни». Может быть, она вообще не нужна?

Известно, что в любой науке имеются так называемые белые пятна, то есть проблемы малоизученные или вообще не исследованные. В криминологии таким белым пятном является категория «антиобщественный образ жизни». Определяя социологическую природу этой категории, следует признать ее юридическую сущность, в связи с чем она должна изучаться криминологической наукой. Совершенно справедливо немецкий криминолог Г. Шнайдер, автор учебника «Криминология», пишет: «Криминолог должен быть не только юристом, но и обществоведом (социологом, психологом, педагогом)» [1, с. 9]. Криминологи за основу категории «антиобщественный образ жизни» взяли понятие, принятое в социологии, рассматривающей образ жизни как реально практикуемые нормы поведения людей, способ их повседневной деятельности в сферах труда, быта, досуга в производстве материальных и духовных благ [2, с. 46].

Чтобы на научной основе анализировать и характеризовать антиобщественный образ жизни, нужно знать, что такое образ жизни. Из социологической литературы известно, что образ жизни – это сложная и противоречивая категория, которая определяется общественным строем, развитием производительных сил и производственных отношений, степенью культуры и цивилизации. Все это ведет к формированию общепринятого, благополучного образа жизни, под которым понимаются одобряемые обществом и большинством населения способы поведения, что стимулирует его нравственные и законопослушные формы проявления. От образа жизни следует отличать уровень жизни. По мнению А. С. Ревайкина, уровень жизни – это «сложная социально-экономическая категория, которая выражает уровень их удовлетворения, а также условия в обществе для развития и удовлетворения этих потребностей» [3, с. 11]. Следует обратить внимание и на культуру образа жизни, которая проявляется в поведении и общении, стиле одежды, разговоре, соблюдении традиций и норм человеческого общежития. В образе жизни проявляется и статус личности: молодой человек может быть рабочим, служащим, спортсменом, лидером группы и т. п.

Известно, что такие негативные явления, как пьянство, наркомания, проституция, являются лишь внешним выражением поведения, а внутренней сущностью будет образ жизни человека, который подчиняет себе все помыслы, интересы, потребности. Раньше негативные формы и особенности образа жизни существовали под названием «нормы другой жизни». Образ жизни, определяясь объективными условиями среды, зависит и от субъективных факторов, от того, какие цели ставит перед собой личность, чему посвящает свою жизнь, какую направленность имеют его взгляды, потребности и устремления.

Усвоив основные черты образа жизни, можно перейти к анализу категории «антиобщественный образ жизни», особенности которого включают в себя и значительную часть общепринятого образа жизни, то есть антиобщественный образ жизни нельзя отгораживать китайской стеной от общепринятого, благополучного образа жизни. Категорию «антиобщественный образ жизни» впервые применил известный ученый доктор юридических

наук, профессор Ю. М. Антонян. Он пишет: «Изучение антиобщественного образа жизни – это один из путей (пока еще только используемых) более глубокого исследования преступного поведения, а следовательно, и совершенствования профилактики преступлений» [4, с. 69]. Следует обратить внимание на то, что писать об антиобщественном образе жизни при социализме в начале 80-х годов – это, можно сказать, определенная смелость и даже героизм, когда в стране господствовала концепция, выраженная в словах профессора Н. Ф. Кузнецовой: «Полная ликвидация преступности и искоренение всех причин, ее порождающих, – историческая перспектива длительного перерастания социализма в коммунизм» [5, с. 202].

Профессор С. И. Дементьев пишет: «За последние десять лет рождаемость в России резко упала, стало больше самоубийств среди детей; больше двух тысяч из них ежегодно кончают свою жизнь, за ничтожно малым исключением население России стало жить хуже, беднее, бесправнее» [6, с. 159–160]. Все это порождает антиобщественный образ жизни.

В связи с тем что в криминологической литературе имеется лишь оценка важности указанной категории, эту проблему придется рассмотреть более подробно и излагать собственное мнение об этой малоизвестной в криминологии проблеме. Категория «антиобщественный образ жизни» является ценной для криминологии потому, что включает в себя такие важные понятия, как «делинквентность», «девиантность», а также давно известные на Руси пороки: пьянство, наркотизм, проституция и другие антиобщественные явления. Можно сказать, что антиобщественный образ жизни – это индикатор, который помогает уловить все тонкости порочного поведения и общения, степень их деградации и на этой основе определить пути его исправления. Антиобщественный образ жизни, являясь негативным явлением, играет определенную роль в борьбе с преступностью. Известно, что от совершения преступлений удерживает не столько тяжесть наказания, сколько вероятность разоблачения и его неотвратимость. Вероятность разоблачения тем выше, чем больше известно о таком образе жизни. Даже не зная о фактах совершения преступлений, но выяснив особенности поведения и образа жизни личности, можно с высокой степенью вероятности определить преступника.

Уяснив и оценив важность категории «образ жизни» для криминологии, можно дать определение антиобщественного образа жизни – это повседневная деятельность, обусловленная возрастными и психологическими особенностями личности, сферы которой или одна из них (учебно-трудовая, семейно-бытовая, производственная, досуговая) получили под влиянием негативной среды определенную деформацию, что способствовало формированию отклоняющегося от социальных и правовых норм поведения, в том числе совершению правонарушений.

Антиобщественный образ жизни правонарушителей находит выражение не только в противоправном поведении, но и в их искаженной жизненной позиции, которая охватывает широкий диапазон отношений личности к различным видам жизнедеятельности – к труду и общественной работе, образованию и культуре, способам проведения досуга и общению с окружающими. Дальнейшее исследование этой проблемы показало, что антиобщественный образ жизни имеет:

- три уровня: общесоциальный, специально-криминологический (особенный) и индивидуальный;
- величину (объем) жизненных сфер (одна или несколько из них имеют определенную деформацию);

- структуру (виды деятельности, в том числе негативного характера);
- степень влияния на окружающих (незначительная, значительная, более значительная);
- способ приобретения материальных и нравственных ценностей (общепринятый, безнравственный, противоправный).

Антиобщественный образ жизни можно классифицировать:

- по степени лишения свободы: малосвободный, полусвободный, изолированный;
- степени изоляции: а) значительно изолированный (тюрьма, следственный изолятор); б) изолированный (колонии всех видов режима); в) полуизолированный (колонии-поселения).

Характеризуя антиобщественный образ жизни, следует исходить из общепринятых понятий образа жизни, содержание которых определяется тремя основными параметрами:

- уровнем жизни, то есть наличием комфортабельного жилья, величиной зарплаты, материальных ценностей (машина, дача, видеотехника и т. п.); иными словами, уровень жизни свидетельствует о возможности удовлетворения интересов и потребностей;
- качеством жизни, то есть насколько качественно и полно удовлетворяются материальные и духовные потребности (питание, одежда, обувь, посещение развлекательных заведений, зарубежные поездки и т. п.);
- стилем жизни, в котором проявляются устоявшиеся умения и навыки, то есть стереотипы привычного поведения в соответствующих жизненных ситуациях, проявляющихся в различных сферах образа жизни.

Именно этими тремя основными элементами характеризуется степень благополучия образа жизни и различные от него отклонения, ведущие к его деформации и превращающие его в антиобщественный. Заслуживает внимания классификация антиобщественного образа жизни по степени деформации. Деформация – это изменение предмета или явления под воздействием каких-либо сил (факторов). Касаясь вопроса деформации, профессор Г. А. Аванесов отмечает: «Социальная деформация формируется тогда, когда в общественном развитии перевешивают негативные отношения, в том числе и криминального свойства» [7, с. 7]. Антиобщественный образ жизни имеет своеобразную идеологию, взгляды, ценностные ориентации и в соответствии со степенью деформации делится на следующие типы.

1. Аморальный образ жизни имеет малозначительную деформацию, связанную с нарушением нравственных норм, регулируемых моральными правилами и кодексами (клятва Гиппократова, Кодекс этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных служащих уголовно-исполнительной системы и т. п.).

2. Асоциальный образ жизни имеет незначительную деформацию, связанную с нарушением правил человеческого общежития (неправильная парковка машин, выгул собак без ошейника или в запрещенном месте и т. п.). Следует отметить, что понятия «аморальный образ жизни» и «асоциальный образ жизни», близкие по смыслу, в уголовно-правовой литературе нередко используются как однопорядковые, но в теории антиобщественного образа жизни этого допускать не следует, они совершенно разные и регулируются соответствующими правилами и нормами.

3. Предкриминальный образ жизни имеет значительную деформацию, связанную с нарушением не только нравственных норм, но и норм права: административного, трудового, гражданского и других правовых норм. Такой образ жизни становится криминальным при повторном нарушении норм права, например, административного.

4. Криминальный образ жизни имеет значительную деформацию, связанную с нарушением норм уголовного права. При криминальном образе жизни используется уголовный жаргон, который нужен для того, чтобы: а) выделиться из окружающих; б) законспирироваться; в) понимать и правильно общаться с членами криминальной группировки; г) обеспечить криминальную специализацию; д) соблюдать воровские традиции, клятвы и т. п. Нередко эти элементы образа жизни наблюдаются и в менее деформированных типах антиобщественного образа жизни.

5. Преступный образ жизни имеет более значительную деформацию, связанную с нарушением правил человеческого общежития и правовых норм, отличается большим влиянием на окружающих, нередко превращается в нелегальную криминальную профессию. В его основе – рецидив преступлений, а сам образ жизни является средством существования и превращается в нелегальную криминальную профессию.

6. Тюремный образ жизни имеет сильную деформацию, связанную с лишением свободы. Такой образ жизни зависит от нарушения норм уголовно-исполнительного права и регулируется правилами соблюдения режима отбывания наказания.

Приведенная классификация позволяет оценивать личность не только по внешним проявлениям, то есть по антиобщественному поведению, но и по степени деформации образа жизни, что способствует более глубокой и реальной оценке личности правонарушителя. Нередко антиобщественный образ жизни прикрывается легальной деятельностью, общепринятым образом жизни. Так, двойную жизнь вели ряд выявленных правоохранительными органами губернаторов и высокопоставленных работников силовых структур, в том числе руководителей различных учреждений и ведомств, генералов, министров и других чиновников высокого ранга.

В чем же заключается проблема антиобщественного образа жизни? Следует отметить, что интерес к этой теме у нас возник еще в начале 1970-х годов во время работы в Свердловском юридическом институте при подготовке кандидатской диссертации и выяснении причин преступности в стране. В дальнейшем в период службы работы в Рязанской высшей школе МВД СССР, готовившей сотрудников для пенитенциарной системы страны, данная проблема получила свое практическое воплощение в рамках шефской работы с несовершеннолетними правонарушителями.

Результаты не заставили себя долго ждать: преступность в регионе за два года снизилась в три раза. Наше выступление на заседании Российской криминологической ассоциации (президент – профессор А. И. Долгова) и на VI Международном конгрессе криминологов социалистических стран, который состоялся в 1986 г. в г. Москве, посвященное проблемам антиобщественного образа жизни несовершеннолетних, вызвало диссонанс на фоне выступлений представителей других стран, содержание которых было пропитано партийной идеологией и восхвалением преимуществ социалистического образа жизни по сравнению с капиталистическим [8].

Отсутствие в криминологии категории «антиобщественный образ жизни» обусловило тему докторской диссертации «Основы предупреждения антиобщественного образа жизни и рецидива преступлений несовершеннолетних (криминологический и пенитенциарный аспект)», которая была защищена в Московском юридическом институте (научный консультант – профессор Н. И. Ветров) в 1993 г. Диссертационный совет юридического института сделал важный вывод: «Предупреждение антиобщественного образа жизни – это новое научное направление междисциплинарного характера, интегрирующее знания, прежде всего, криминологии, социологии, педагогики, психологии, отдельных отраслей права и управления. В связи с этим категория «антиобщественный образ

жизни» должна стать объектом пристального внимания криминологии и найти широкое применение в разработке различных вопросов борьбы с преступностью» [9, с. 340].

Вскоре курс «Антиобщественный образ жизни и его предупреждение» был включен в учебный процесс, но уже через два года удален из учебного плана. Причина – отсутствие учебного материала по проблеме антиобщественного образа жизни. В целях устранения этого недостатка нами был подготовлен учебный курс лекций «Антиобщественный образ жизни и рецидив преступлений несовершеннолетних (криминологический и пенитенциарный аспект)», но руководство вуза наотрез отказалось его издавать. Пришлось обратиться за помощью в Псковский юридический институт ФСИН России. Просьбу удовлетворили, и в 2007 г. курс лекций был опубликован. Однако категория антиобщественного образа жизни так и осталась незамеченной в учебной литературе по криминологии. С целью популяризации проблемы антиобщественного образа жизни мы ежегодно стали проводить Всероссийский круглый стол на тему «Антиобщественный образ жизни и преступность молодежи». Уже состоялось пять мероприятий по этой проблеме. В сборниках по итогам круглых столов публикуются работы маститых ученых и молодых исследователей (соискателей и аспирантов).

По всей вероятности, категорию «антиобщественный образ жизни» не только нужно включить в учебник по криминологии, но и более подробно исследовать все важные стороны этой проблемы. В настоящее время отечественная уголовно-правовая система направлена на борьбу с преступностью и антиобщественным поведением. Необходимо ее переориентировать на антиобщественный образ жизни, порождающий указанные негативные явления. Нужна реформа уголовно-правовой системы, особенно силовых структур (смена названия «милиция» на «полиция» не меняет сути дела, преступность продолжает расти и становится более агрессивной и лучше организованной).

Что касается молодежи, то профессор С. И. Дементьев подчеркивает: «Если не будет государственной программы о воспитании молодежи, которую в первую очередь должны проводить правительство и президент, тогда вскоре пойдет речь о введении в уголовный закон нового состава преступления в виде психолого-физиологического геноцида» [6, с. 245].

Небольшой объем статьи не позволил рассмотреть некоторые важные вопросы. Полагаем, что они будут отражены в будущих публикациях. Считаем, что категория «антиобщественный образ жизни» должна быть включена в учебные программы по криминологии, а еще лучше – подготовлен новый учебник «Криминология», в основе которого была бы не борьба с преступностью, а предупреждение антиобщественного образа жизни, который является причиной преступности. При старом подходе мы все время запаздывали в борьбе с различными антиобщественными явлениями, в том числе с преступностью, а новый подход имеет упреждающий характер.

Библиографический список

1. Шнайдер Г. Й. Криминология : учебник. М., 1994. 504 с.
2. Бутенко А. П. Социалистический образ жизни: проблемы и суждения. М., 1978. 365 с.
3. Ревайкин А. С. Уровень жизни населения (методология и проблемы регионального исследования). М., 1989. 144 с.
4. Антонян Ю. М. Антиобщественный образ жизни как криминологическая проблема // Советское государство и право. 1981. № 3. С. 68–76.
5. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. 208 с.

6. Дементьев С. И. Преступления века (политико-правовой анализ). Краснодар, 2004. 319 с.

7. Аванесов Г. А. Наука криминология: накопленный опыт, современные проблемы, перспективы развития // Криминологический журнал. 2004. № 1(6). С. 3–9.

8. Игнатенко В. И. Борьба с антиобщественным образом жизни подростков – важное направление предупреждения преступности несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. 1988. Вып. 47. С. 181–182.

9. Игнатенко В. И. Основы предупреждения антиобщественного образа жизни и рецидива преступлений несовершеннолетних (криминологический и пенитенциарный аспекты) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 433 с.

УДК 343.911

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.295-299

САЛИХ ХАБИБОВИЧ ШАМСУНОВ,

доктор юридических наук, профессор,

главный научный сотрудник,

НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,

ORCID 0000-0002-1194-6905,

e-mail: shamsunov46@mail.ru;

РУСТАМ МУХАМЕДОВИЧ ЖИЛЯЕВ,

начальник отдела,

НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,

ORCID 0000-0002-7246-4299,

e-mail: giliaev_rustam@mail.ru

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ВОПРОСУ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Для цитирования

Шамсунов, С. Х. Возвращаясь к вопросу противодействия рецидивной преступности иностранных граждан / С. Х. Шамсунов, Р. М. Жилиев // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 3. – С. 295–299. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.295-299.

Аннотация. Статья подготовлена по результатам выполнения научно-исследовательской работы «Законодательные меры, направленные на противодействие рецидивной преступности незаконных мигрантов» (пункт 9.5.2 плана научно-исследовательских работ НИИ ФСИН России на 2017 год). Инициатором указанной научно-исследовательской работы выступило управление исполнения приговоров и специального учета Федеральной службы исполнения наказаний, поставив задачу сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию действующего законодательства, направленные на противодействие рецидивной преступности незаконных мигрантов. В процессе выполнения работы проанализированы федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы, относящиеся к проблеме рецидивной преступности иностранных граждан. Рассмотрены основные международные правовые акты, отдельные решения высших судов Российской Федерации и международных судов по вопросам, относящимся к теме исследования. Определены и систематизированы основные проблемы, снижающие эффективность борьбы с рецидивной преступностью незаконных мигрантов, а также уголовное законодательство ряда зарубежных

© Шамсунов С. Х., Жилиев Р. М., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

стран, содержащее нормы о применении к иностранным гражданам (в том числе незаконным мигрантам) специальных видов наказаний. Разработаны анкеты, и проведен социологический опрос осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства, отбывающих наказание в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (в том числе незаконно находившихся на территории Российской Федерации до совершения преступления). Составлен криминологический портрет осужденного к лишению свободы иностранного гражданина и лица без гражданства, незаконно находящегося на территории Российской Федерации, у которого судом признано наличие рецидива преступлений. Подготовлены предложения по законодательному решению проблем повышения эффективности противодействия рецидивной преступности незаконных мигрантов.

Ключевые слова: иностранные граждане, мигранты, осужденные, рецидивная преступность, противодействие, предложения.

В 2018 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства (далее – иностранные граждане) на территории России совершено более 38,6 тыс. преступлений, из которых 34,3 тыс. (88,9 %) преступлений совершены гражданами государств, входивших в состав бывшего СССР (далее – СНГ) (сайт МВД России : <https://мвд.рф/reports/item/16053092>). В этом же году в исправительных учреждениях (ИУ) уголовно-исполнительной системы Российской Федерации содержалось более 28,1 тыс. иностранных граждан, из которых 91,4 % – это граждане СНГ (статистические данные получены из форм отчетности ФСИН России «УИС-8» и «ФСИН-1» за 2018 г.).

Проведенный анализ показал, что большая часть (63,48 %) осужденных иностранных граждан, находившихся в 2018 г. в ИУ, отбывали наказание за особо тяжкие преступления, немногим менее трети (29,65 %) – за тяжкие преступления, менее десятой части (6,44 %) – за преступления небольшой и средней тяжести и менее 1 % – за неосторожные преступления (табл. 1).

Проведенное Научно-исследовательским институтом Федеральной службы исполнения наказаний (далее – институт) исследование, в котором приняли участие практические работники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и осужденные иностранные граждане, у которых судом признано наличие рецидива преступлений (далее – осужденные иностранные граждане), показало следующее [1].

Таблица 1

Сведения о численности и составе осужденных иностранных граждан, отбывавших наказание в виде лишения свободы в ИУ в 2018 г.

Категории преступлений	Всего	Мужчины	Женщины
Особо тяжкие преступления	17 876	16 255	1621
Тяжкие преступления	8350	7378	972
Преступления средней тяжести	1568	1207	361
Умышленные преступления небольшой тяжести	246	166	80
Неосторожные преступления	121	115	6

Таблица 2

Распределение по возрасту осужденных иностранных граждан, %

19–21 год	22–25 лет	26–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 и более лет
0,86	3,78	10,95	38,80	31,27	12,89	1,45

Исходя из результатов социологического опроса среди осужденных иностранных граждан преобладают граждане Украины (20,88 %), Таджикистана (16,80 %), Узбекистана (15,17 %), Азербайджана (11,75 %), доля которых в сумме превышает половину всех осужденных иностранных граждан (64,60 %). Затем следуют граждане Беларуси (7,34 %), Армении (7,01 %), Казахстана (6,53 %), Молдовы (5,06 %), Грузии (4,89 %), Кыргызстана (3,26 %) и Туркменистана (1,31 %) [1, с. 8].

На вопрос об отношении к религии почти половина (48,87 %) осужденных иностранных граждан причислила себя к православию, более трети (33,37 %) – к исламу, менее 3 % – к иному вероисповеданию (христианам иной конфессии, буддистам, кришнаитам и т. д.), к атеистам – более 15 % [1, с. 11].

Повышенной криминальной активностью среди рассматриваемой категории осужденных обладают мужчины в возрасте от 30 до 49 лет (70 % от числа опрошенных осужденных иностранцев), из них наиболее склонными к совершению преступлений являются лица в возрасте 30–39 лет (38,80 %) (табл. 2).

Изучение криминального прошлого осужденных иностранных граждан показало, что более трети (36 % и 33 % соответственно) на момент осуждения уже имели судимость за совершение преступлений средней тяжести и тяжкие преступления, двое из десяти (21,14 %) – за преступление небольшой тяжести и каждый десятый (9,5 %) – за особо тяжкое преступление. Более того, каждый десятый (10 %) осужденный иностранный гражданин признан судом опасным рецидивистом, 4 % – особо опасным, почти каждый второй (43,26 %) – условно-досрочно освобожден из мест лишения свободы [1, с. 12–13].

Среди осужденных иностранных граждан значительная часть (29,67 %) отбывает наказание за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, более 40 % – за кражи, грабежи и разбои, остальная часть – за преступления против личности, в том числе убийства (18,7 %), изнасилования и другие преступления (11,57 %) [1, с. 14].

Большинство (77,46 %) осужденных иностранных граждан совершили повторные преступления без помощи других лиц, в соучастии – 22,54 %, в которых выступили в качестве исполнителя – 9,73 %, организатора – 5,30 %, пособника – 10,2 % и подстрекателя – 1,4 % [1, с. 16].

Вызывает тревогу то обстоятельство, что более половины (55,58 %) осужденных иностранных граждан привлекались в Российской Федерации к уголовной ответственности три и более раза, но большинство из них (77,6 %) не имели на родине криминального опыта [1, с. 16].

Интересно, что почти половина осужденных иностранных граждан привлекались на территории Российской Федерации к административной ответственности, но лишь менее чем к 8 % из них применялось административное выдворение за пределы страны. По нашему мнению, данное обстоятельство свидетельствует о некоторых недостатках в работе подразделений в сфере миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений и преступлений.

Исходя из данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (<http://www.cdep.ru>) более 13 % преступлений совершается в состоянии алкогольного и 0,86 % наркотического и иного опьянения. Данный показатель среди осужденных иностранных граждан в разы превышает приведенные выше цифры. В частности, рассматриваемой категорией осужденных 60 % преступлений совершено в состоянии алкогольного и 22,87 % наркотического и иного опьянения [1, с. 17].

По мнению криминологов, без выявления мотивов преступного поведения виновного невозможно реально достичь целей уголовного наказания. Проведенное институтом социологическое исследование показало, что более половины (50,80 %) осужденных иностранных граждан совершили преступления по корыстным мотивам (добыча средств на существование, алкоголь и наркотики), 12,8 – по эгоистическим мотивам (поднять свой «авторитет» у «земляков» и ближайшего окружения), 9,8 – желая получить «острые ощущения» и 32,9 % – по иным мотивам. Почти треть (27,86 %) из них имеет непогашенные иски, связанные с возмещением ущерба (вреда), причиненного преступлением на сумму от 13,4 до 169,3 тыс. руб. [2, с. 13–14].

Большинство (88,1 %) осужденных иностранных граждан, принявших участие в исследовании, считают себя виновными в совершенном преступлении, 12,3 % – признают вину частично, 10,6 % – не признают вину. Раскаиваются в совершенном преступлении и сочувствуют потерпевшим от преступных действий 66,5 % и 30,7 %, не раскаиваются и относятся безразлично к потерпевшим от преступления – 9,2 % и 35,7 % [2, с. 30].

Исходя из представленных результатов можно сделать вывод о морально-нравственной деградации значительной части осужденных иностранных граждан.

Продолжительность изоляции от общества у большинства (каждый второй) осужденных иностранных граждан составляет свыше 5 лет, у каждого четвертого превышает 10 лет, что подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования существующего института административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранных граждан в страны их гражданства.

Исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений является основной целью уголовно-исполнительного законодательства (ч. 1 ст. 1 УИК РФ).

Лакмусовой бумажкой, позволяющей оценить эффективность психологической, социальной, воспитательной и иной проводимой с осужденными работы, является постпенитенциарный рецидив (его рост либо сокращение), а в отношении иностранных граждан – свидетельствует еще и о действенности института административного выдворения за пределы Российской Федерации (ст. 3.10 КоАП РФ) криминально активных граждан зарубежных стран.

Исследование показало, что 26,82 % осужденных иностранных граждан, принявших участие в исследовании, вновь преступили уголовный закон в течение года после отбытия предыдущего наказания, от 1 до 2 лет – 31,89 %, от 2 до 5 лет – 27,19, от 5 до 10 лет – 11 и более 10 лет – 3,09 % [1, с. 18–19].

Продолжает оставаться актуальной и проблема заболеваемости осужденных иностранных граждан опасными для окружающих инфекционными заболеваниями (туберкулез, ВИЧ-инфекция, гепатиты и т. д.). Например, в 2018 г. в специализированных лечебно-исправительных учреждениях для больных туберкулезом находилось 664 (в 2011 г. – 1287) иностранных граждан (лечение которых обошлось бюджету в сотни тысяч рублей) [3, с. 84]. В 2012 г. зарегистрирован 291 случай первичного выявления ВИЧ-инфекции у осужденных иностранных граждан (в 2018 г. подобных случаев

не зарегистрировано) [3, с. 85]. Стоимость годового курса лечения антиретровирусными препаратами одного больного ВИЧ-инфекцией достигает 65–150 тыс. рублей [5].

После освобождения из мест лишения свободы выданное иностранному гражданину разрешение на временное проживание на территории Российской Федерации аннулируется и иностранные граждане, не соблюдающие сроки пребывания или проживания в Российской Федерации, подлежат депортации (ст. 7, 9, 31 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»). Согласно процедуре, определенной ч. 4 ст. 25.10 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», принятие органами исполнительной власти решения о нежелательности их пребывания на территории страны является формальным. Таким образом, возникает насущная необходимость дополнения положений УК РФ новыми нормами, предусматривающими принудительное выдворение за пределы страны иностранных граждан, совершивших преступления на территории Российской Федерации, в качестве основного по преступлениям небольшой и средней тяжести и дополнительного по тяжким и особо тяжким преступлениям [6, с. 268]. В частности, нуждается в дополнении гл. 4, ст. 44, гл. 9 УК РФ положением о том, что совершение иностранным гражданином и лицом без гражданства на территории Российской Федерации умышленного преступления является основанием для назначения наказания в виде принудительного выдворения за пределы Российской Федерации.

Принятие предлагаемых изменений положительно сказалось бы на состоянии преступности в стране, сокращении числа резонансных преступлений, в том числе террористической направленности, а также экономии бюджетных средств, затрачиваемых на расследование уголовных дел, судебное разбирательство, исполнение уголовного наказания, помогло бы разгрузить следственные изоляторы в крупных городах.

Библиографический список

1. Гирько С. И., Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н. Законодательные меры, направленные на противодействие рецидивной преступности незаконных мигрантов : аналитический материал с предложениями. М., 2017. 58 с.
2. Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н. Характеристика осужденных иностранных граждан : аналитический материал. М., 2017. 38 с.
3. Дроздова Е. А., Кудряшов О. В. Проблемы предупреждения рецидивной преступности среди осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 84–86.
4. Богородская Е. М. В Москве значительно сократилась смертность от туберкулеза // Труд.ru. 2014. URL : http://www.trud.ru/article/04-04-2014/1310390_v_moskve_znachitelno_sokratilas_smernost_ot_tuberkuleza.html (дата обращения: 06.05.2019).
5. Невинная И. Пациенты просят фармкомпании снизить цены на лекарства от ВИЧ и СПИД // Российская газета. 2014. 8 мая. URL : <http://www.rg.ru/2014/05/08/lekarstvo-site-anons.html> (дата обращения: 06.05.2019).
6. Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н. Выдворение за пределы Российской Федерации как альтернатива лишению свободы // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 296–298.

УДК 343.911 (597)

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.300-305

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЧИСТЯКОВ,

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,

Юридический институт Российского университета дружбы народов,

г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: sauber60@yandex.ru;

ТХИ ТХУ ХЫОНГ НГУЕН,

кандидат юридических наук,

заместитель начальника кафедры,

Институт общественной безопасности

Министерства общественной безопасности Вьетнама,

г. Хошимин, Социалистическая Республика Вьетнам,

e-mail: nguyenthithuhoongdhan@gmail.com;

ХЫУ ТИНЬ ХУИНЬ,

магистрант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,

Юридический институт Российского университета дружбы народов,

г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: huutinh.tv84@gmail.com

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЕЙ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

Для цитирования

Чистяков, А. А. Организованная преступность и противодействие ей в Социалистической Республике Вьетнам / А. А. Чистяков, Т. Т. Х. Нгуен, Х. Т. Хуинь // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 3. – С. 300–305. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.300-305.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы организованной преступности и ее предотвращения во Вьетнаме. Актуальность исследования определяется сложившейся ситуацией, а также тенденциями развития организованной преступности, криминальной обстановкой, вызывающей угрозу общественной безопасности во Вьетнаме. Сопоставляя материалы Министерства общественной безопасности Вьетнама, авторы обращают внимание на то, что за период с 2014 по 2018 год количество преступлений, совершенных организованными группами, уменьшилось в 1,07 раза. При этом количество преступников увеличилось в 1,33 раза по сравнению с периодом 2010–2013 гг. Предложены некоторые рекомендации по предотвра-

---

© Чистяков А. А., Нгуен Т. Т. Х., Хуинь Х. Т., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

щению исследуемого вида преступлений, в том числе социально-экономические и законодательные, а также меры по повышению эффективности деятельности правоохранительных органов, противодействующих организованной преступности.

Ключевые слова: организованная преступность, предупреждение организованной преступности, преступная группировка, борьба с организованной преступностью, преступность во Вьетнаме.

В последние годы, наряду с ухудшением положения с организованной преступностью в мире, во Вьетнаме ситуация с противодействием ей также усложнилась. Во Вьетнаме организованная преступность появилась позже и в меньших масштабах, чем это было и есть в Китае и Японии, но тенденция развития этого вида преступлений создает проблемы, особенно в области прогнозирования, статистики и обнаружения этого типа преступлений.

По мнению доктора Нгуен Фонг Хоа, деятельность организованной преступности во Вьетнаме возникла во времена французского колониального периода и была сильно развита в Южном Вьетнаме в период Американской войны (1954–1975 гг.) [1]. В этот период преступные группы организовывались в стиле «черных сообществ», такие как «Триада» (в Китае) и «14К» (одна из ветвей «Триады», которая действовала в Гонконге). Сфера деятельности организованных преступных группировок в основном была сосредоточена в области экономической деятельности, где была высока концентрация тыловых подразделений войск и баз логистики США и т. п. После освобождения и до 1986 г. наблюдался рост организованной преступности, увеличивалось количество организованных преступных групп и численность их членов, а серьезность характера отражалась в подвижном межпровинциальном, межгородском, транснациональном характере деятельности преступных организаций.

В настоящее время особенность деятельности организованных преступных групп выражается в направленности сговора, объединения в группы граждан, которые приехали из других провинций и городов центрального назначения, с гражданами Социалистической Республики Вьетнам (СРВ), проживающими в зарубежных странах, и иностранцами и т. д. Увеличивается количество организованных преступных групп, использующих огнестрельное оружие, которое в дальнейшем применяется при убийствах владельцев ювелирных магазинов, разбойных нападениях на прохожих, водителей такси. В последнее время сферой деятельности организованных групп являются преступления, совершаемые на почве взаимной мести, похищения людей, торговля людьми, отмывание средств, добытых преступным путем, преступления с применением средств высоких технологий, незаконный оборот наркотиков, вымогательство имущества, протекция и организация азартных игр и футбольных тотализаторов, протекция мест незаконной добычи ископаемых, контрабанда, наемные преступления с применением холодного оружия, коррупция, финансово-банковские преступления и т. п. [2].

По данным Министерства общественной безопасности Вьетнама, в период с 2014 по 2018 год по всей стране было ликвидировано около 11 767 организованных преступных групп (привлечено к уголовной ответственности более 55 355 преступников), в частности, в 2016 г. было ликвидировано 2446 преступных групп, в 2017 г. – 3736, в 2018 г. – 2721, с 16 декабря 2018 по 15 января 2019 года – 256 преступных групп [3]. В среднем ежегодно силами полиции СРВ ликвидируется около 2290 преступных групп, а к ответственности ежегодно привлекается более 10 200 виновных.

Сравнение количества преступлений, совершенных организованными группами во Вьетнаме за указанный период, с показателями за 2004–2013 гг. свидетельствует о ежегодном снижении их числа на 1480. Думается, что это достигается с тем, что с 2014 г. Министерство общественной безопасности СРВ приняло план № 03/КН-ВСА «Об усилении предупреждения и борьбы с организованной преступностью» [4], направленный на усиление предупреждения создания, раскрытия и устранения организованных преступных групп. В особенности данный план направлен против широкого распространения и функционирования преступных групп в форме «черного сообщества». Это привело к снижению количества преступных группировок во Вьетнаме. Продолжая закреплять успех плана № 03/КН-ВСА, 14 ноября 2017 г. министр общественной безопасности СРВ утвердил проект плана № 02 «О предупреждении и борьбе с организованной и транснациональной преступностью» в рамках Национальной стратегии по предупреждению преступности и борьбе с ней на период 2016–2025 гг., с пролонгацией до 2030 г., принятой Правительством СРВ [5].

Хотя ситуация с организованной преступностью в СРВ улучшается, но с точки зрения качественных характеристик она становится все сложнее, поскольку преступные организации стали более разветвленные, действуют изощреннее, профессионально скрываются от преследования. Организованные преступные группы часто создают подпольные организации, имеющие законную «оболочку» для управления преступной деятельностью. Многие организованные преступные группы связываются с коррумпированными служащими и сотрудниками, чтобы те содействовали сокрытию преступной деятельности, маскировке последствий преступлений. Наиболее типичный случай последнего времени – уголовное дело против Фан Ван Виня (бывший генерал-лейтенант, Генеральный директор Главного управления полиции по предупреждению и борьбе с преступностью – управление IV Министерства общественной безопасности СРВ) и Нгуен Тхань Хоа (бывший генерал-майор, начальник отдела полиции по предупреждению и борьбе с преступностью в сфере применений высоких технологий – С50) в провинции Фу Тхо Вьетнама. В середине 2011 г. Фан Ван Винь поручил Нгуен Тхань Хоа изучить и подготовить предложения о создании подпольной компании (оболочки) для обслуживания служебных потребностей полиции (отдел С50). Для этого Фан Ван Винь познакомил Нгуен Тхань Хоа со своим знакомым Нгуен Ван Дуонгом. Стороны пришли к преступному соглашению, что позволило Нгуен Ван Дуонгу создать подпольную компанию «СНС» для отдела С50, но фактически эта компания осуществляла онлайн-организацию азартных игр в казино. В период с 2012 по 2017 год незаконная прибыль компании «СНС» от онлайн-организации азартных игр и казино составила 1,656 млрд вьетнамских донгов (по курсу – свыше 82,8 млн дол. США) [6].

В настоящее время правовая доктрина Вьетнама выделяет следующие типы организованных преступных групп: простая организованная группа, структурированная (сложная) организованная группа, организованная преступная группировка, бандитское формирование и преступное сообщество.

Каждое организованное преступное формирование с большим количеством членов (например, преступное сообщество) обычно включает в себя структуру три уровня структурных звеньев: на верхнем – руководящее звено (группа лидеров, элитарная группа, советники и т. д.), на среднем – командующее звено (организованно-контрольные звенья и группы безопасности), на нижнем уровне – исполнительное звено (непосредственные исполнители разных видов преступлений, как экономических, так и общеуголовных). Дисциплина в организованных преступных группах, преступных сообществах обусловлена неписаным законом молчания [7]. Для осуществления преступной деятельности лидер

каждой организованной преступной группы, преступного сообщества обычно осуществляет единоличное руководство через помощников. Помощники руководят нижестоящими уровнями организации через старших групп исполнительного звена. Старшие этих групп непосредственно руководят преступной деятельностью, причем безоговорочно подчиняются требованиям руководителей вышестоящего уровня, не интересуясь поводами и целью осуществления преступных приказов.

Таким образом, сотрудники правоохранительных органов обычно арестовывают только исполнителей – старших групп исполнительных звеньев и исполнителей, непосредственно совершивших преступления. Даже в некоторых крупных преступных группах, действующих по принципу «черного сообщества», руководители не равны по значимости, их можно разделить на два-три разных уровня авторитетности, но среди руководителей преступного сообщества всегда имеется всеми признанный авторитет, который единолично осуществляет руководство сообществом, и все называют его «магнат». Как известно, по делу «Чыонг Ван Кам и сообщники» обвинений было выдвинуто 179 чел., из которых 19 были бывшими должностными лицами государственных органов и обвинялись в убийстве, незаконном владении и использовании военного оружия, умышленном причинении вреда, завладении чужим имуществом, организации азартных игр и нелегальных казино, общественных беспорядков, мошенничестве. В этой организации Чыонг Ван Кам был лидером, он взял на себя и тайное руководство большинством преступных групп, осуществляя руководство большей сферой деятельности преступными группами в различных регионах, включая г. Хошимин и ряд соседних провинций, а также города Ханой, Хайфонг, Нам Дин. Сам Чыонг Ван Кам был связан с международной преступной организацией [8].

В научной литературе обращается внимание на следующие тенденции в современной деятельности организованной преступности в СРВ:

- организованные преступные группы стали часто использовать пробелы в законодательстве, чтобы совершать преступления, а также поддержку сотрудников государственного аппарата, пусть и самого низкого уровня. Чтобы избежать наказания, члены организованных преступных групп все чаще используют физическое воздействие, запугивая свои жертвы;

- организованные преступные группы для создания трудностей в расследовании и выявлении совершаемых ими преступлений, управлении силами общественной безопасности активно перемещаются между городами, провинциями и регионами в целях осуществления преступной деятельности;

- организованные преступные группы формализуют свою незаконную деятельность, облекая преступные группы в не противоречащие законодательству формы для осуществления преступной деятельности и сокрытия следов преступлений, чтобы избежать обнаружения и изобличения со стороны оперативных и следственных органов;

- организованные преступные группы, как правило, осуществляют многопрофильную преступную деятельность, извлекая из нее сверхприбыль. Поскольку в настоящее время силы общественной безопасности разделены, следственные органы не могут эффективно противостоять организованной преступности. Как правило, при расследовании подобной категории дел обращают внимание только на одну сторону общекриминальной или экономической составляющей, что ограничивает возможности полного и всестороннего расследования этих дел;

- международное сотрудничество в борьбе с организованной преступностью часто характеризуется невысокой оперативностью, частыми задержками, медлительностью,

излишним контролем за деятельностью оперативников, что ведет не к действенной взаимосвязи оперативно-следственных служб, а к их бездействию. Методы международного содействия и взаимосотрудничества в области противодействия организованной преступности следуют правилам, существовавшим десятки лет назад, они не обновляются в соответствии с нынешней реальностью. Некоторые правительственные соглашения о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью недоступны для тех, кто непосредственно работает над ее предотвращением;

– из-за многоуровневой структуры преступных организаций, их иерархичности и замкнутости звеньев правоохранителям очень трудно вскрывать всю сеть преступной организации. Именно поэтому в большинстве случаев сотрудниками полиции должны быть достигнуты эффективные меры поощрения лиц, сотрудничающих с полицией, особенно это касается ранее судимых, бывших членов преступных организаций, которые раскаялись в своем неправомерном поведении. Они знают внутреннюю структуру организации, могут должным образом охарактеризовать членов и преступную деятельность всей преступной организации. Однако законодательная база, позволяющая действительно сотрудничать с ними, отсутствует. Это препятствует эффективному сотрудничеству и взаимодействию с гражданами, особенно имеющими судимость, которые хотят оказывать помощь полиции.

Учитывая изложенное, отметим, что в Социалистической Республике Вьетнам ситуация с организованной преступностью становится все более сложной. Чтобы повысить качество и эффективность предупреждения и борьбы с организованной преступностью, должна проводиться тяжелая и трудоемкая работа, которая способствовала бы ослаблению и ликвидации преступных организованных групп.

Для эффективного противодействия организованной преступности, по нашему мнению, надлежало бы провести следующие мероприятия:

1) продолжить выполнение положений Национальной стратегии по предупреждению преступности и борьбе с ней на период 2016–2025 гг., с пролонгацией до 2030 г. Правительства СБР, причем особое внимание следует обратить на реализацию проекта № 02 «О предупреждении и борьбе с организованной преступностью, транснациональной преступностью»;

2) подразделениям полиции надлежит более тесно сотрудничать с государственными органами, местными властными органами и общественностью, чтобы в кратчайшие сроки устанавливать наличие преступных группировок, банд, действующих в настоящее время, а равно новые преступные формирования либо вновь образованные (выяснение персональных установок на лидеров преступных групп, количество членов, характер и места их деятельности и т. п.);

3) необходимо принять закон «О защите жизни, здоровья и иных прав свидетелей, лиц, сотрудничающих и оказывающих помощь правоохранительным органам в борьбе с преступностью, членов их семей, родственников и близких». Кроме того, следует выработать комплекс мер по реализации политики материального и духовного вознаграждения и поощрения этих лиц;

4) усилить взаимосвязи между правоохранительными органами Вьетнама и других стран для своевременного обмена информацией и проведения совместной деятельности по борьбе с организованной преступностью;

5) осуществлять подготовку квалифицированных сотрудников, повышая эффективность выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых организованными группами;

б) укреплять отношения международного сотрудничества в борьбе с преступностью, особенно организованной и транснациональной. Это сотрудничество надлежит наполнить конкретным и действенным содержанием, учитывая достижения в плане эффективного противодействия организованной преступности.

Библиографический список

1. Нгуен Ф. Х. Обсуждение понятий организованной преступности и транснациональной организованной преступности // Юридический журнал. 2005. № 3. С. 92–93.
2. Ву К. Х., Нгуен В. Ч. Организованные преступные группы во Вьетнаме и пути их устранения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9. С. 2036–2043.
3. Мос, Т. n.d., *The Criminal Police Department summarizes the year of prevention*, viewed 10 January 2019, <http://bocongan.gov.vn/tin-noi-bat/cuc-can-h-sat-hinh-su-tong-ket-cong-tac-nam-2018-trien-khai-nhiem-vu-nam-2019-t24605.html>.
4. *Vietnamese Government, Plan on strengthening the fight against organized crime in the new situation*, 2014 № 03/KH-BCA.
5. *Ministry of Public Security of Vietnam, Scheme on prevention of organized crimes and transnational crimes*, 2017 № 02 / ĐА-BCA.
6. Nguyen, H. n.d., *Trial of billion VND gambling case: Nguyen Thanh Hoa was proposed from 7 years 6 months to 8 years in prison*, viewed 10 January 2019, <http://baovanhoa.vn/phap-luat/artmid/622/articleid/13163/xet-xu-vu-an-danh-bac-nghin-ti-nguyen-thanh-hoa-bi-de-Comfort-tu1607-nam-6-thang-den-8-nam-tu>.
7. Tran, H. U. n.d., *Fighting against and preventing organized crime and transnational crimes in international economic integration*, viewed 10 January 2019, <http://www2.hvcsnd.edu.vn/vn/Home/Phap-luat/84/799/Dau-tranh-phong-chong-toi-pham-co-to-chuc-va-toi-pham-xuyen-quoc-gia-trong-hoi-nhap-kinh-te.aspx>.
8. *Series of Nam Cam* n.d., viewed 10 January 2019, <https://baomoi.com/nam-cam-ky-1-hanh-trinh-tro-thanh-ong-trum-giang-ho-sai-gon/c/25271700/epi>.

УДК 343.8(73+519)
DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.306-309

ДЕНИС АНДРЕЕВИЧ ДОБРЯКОВ,
кандидат юридических наук,
ассистент кафедры судебной власти,
правоохранительной и правозащитной деятельности,
Юридический институт Российского университета дружбы народов,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: den-dobryakov@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЧАСТНЫХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ И РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Для цитирования

Добряков, Д. А. К вопросу о частных пенитенциарных учреждениях в Соединенных Штатах Америки и Республике Корея / Д. А. Добряков // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 3. – С. 306–309. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.306-309.

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ опыта Соединенных Штатов Америки и Республики Корея по созданию и эксплуатации частных пенитенциарных учреждений (тюрем) как крайней формы реализации идеи государственно-частного партнерства в деятельности уголовно-исполнительной системы. Рассматриваются различия в масштабе и конкретных особенностях организации деятельности таких учреждений в названных странах, сопоставляются требования, предъявляемые к их сотрудникам. Отдельно анализируется опыт Республики Корея по созданию частной тюрьмы некоммерческим фондом в некоммерческих (фактически благотворительных) целях, который представляется прогрессивным и подходящим для участия частных юридических лиц в исполнении наказаний.

Ключевые слова: лишение свободы, пенитенциарное учреждение, частная тюрьма, уголовно-исполнительная система, государственно-частное партнерство.

Частные пенитенциарные учреждения (частные тюрьмы) представляют собой сложное и неоднозначное явление. В современном виде данные учреждения появились в результате реализации государственно-частного партнерства для повышения эффективности исполнения лишения свободы и сокращения расходов государства на содержание собственной пенитенциарной системы [1, с. 2]. И если сама по себе идея государственно-частного партнерства в области исполнения наказаний не вызывает нареканий, являясь оправданной и целесообразной, то концепция частных тюрем как крайнее, наиболее «радикальное» выражение названной идеи не может быть оценена столь позитивно.

© Добряков Д. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Государственно-частное партнерство в области исполнения наказаний возможно в различных формах – от привлечения частных компаний для оказания тех или иных услуг до передачи таким компаниям права на создание и управление тюрьмами с частичной компенсацией их затрат за счет государственного бюджета [2, с. 151]. Привлечение частных компаний к оказанию услуг государству в части обеспечения исполнения наказаний является повсеместно распространенной практикой, привычной и для российской уголовно-исполнительной системы, можно упомянуть хотя бы участие частных юридических лиц в технической поддержке информационных технологий в учреждениях УИС или оказание услуг по страхованию жизни и здоровья.

В свою очередь, частные тюрьмы до настоящего времени достаточно редки, хотя и встречаются во многих странах мира (например, в Великобритании, Франции, странах Балтии, Бразилии, Австралии, ЮАР и пр.) [3, с. 268]. Отметим, что частные тюрьмы в тех или иных странах могут отличаться по степени «частности»: к осуществлению деятельности одних негосударственные организации привлекаются наравне с участием самого государства, другие же полностью передаются в «частные руки» с сохранением более или менее строгого контроля со стороны государственных институтов. Последние тюрьмы, частные в полном смысле этого слова (то есть принадлежащие негосударственным организациям), приобрели наибольшее значение для уголовно-исполнительной системы в США, где они стали также и одиозным примером чрезмерной свободы бизнеса в достаточно «деликатной» и требующей высокой ответственности области исполнения наказаний.

В США создание и управление частными тюрьмами стало именно бизнесом, притом достаточно прибыльным. Стремление любого предпринимателя к прибыли, составляющей основную цель его деятельности естественно, следовательно, нет ничего удивительного в том, что он заинтересован в получении максимальных дивидендов и минимизации собственных затрат.

С 1983 г., когда был заключен первый в США контракт на приватизацию тюрьмы (в штате Теннесси) [1, с. 2], сформировалась целая тюремная индустрия. В частных тюрьмах содержится около 128 тыс. осужденных, что составляет около 8,5 % от общей численности лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях США, причем с 2000 г. это число выросло на 47 % [4].

Осужденные в частных тюрьмах привлекаются к труду, и это одна из основ тюремного бизнеса. При оплате труда заключенных 17–25 центов в час и минимизации затрат на их охрану (в одном из пенитенциарных учреждений пять служащих обеспечивают охрану 750 осужденных) тюремная индустрия производит значительную долю военного обмундирования и амуниции (от форменных ремней до касок и бронежилетов), монтажных инструментов, бытовой техники, электроники, мебели и многого другого. «Клиентами» тюремного «аутсорсинга» являются Microsoft, IBM, Intel, Hewlett-Packard, Boeing, PierreCardin, причем эти компании организуют производство внутри тюрем и используют труд заключенных, что легализовано по меньшей мере в 37 штатах [5, с. 436–437].

Более того, коммерческая привлекательность тюремного бизнеса и неравномерное распределение тюрем на территории США привели к появлению специфического и родственного работоторговле феномена «продажи» заключенных, приговоренных на длительные сроки, – в бедных округах штатов строятся тюрьмы, в которые переводятся заключенные из других округов, а прибыль, формируемая из государственных дотаций на их содержание и платы со стороны корпораций за дешевую рабочую силу, делится между участниками «сделки» и посредниками [5, с. 437]. При этом только одна из

тюремных корпораций США – Американская исправительная корпорация (Corrections Corporation of America (CCA); после «ребрендинга» – CoreCivic) имеет в собственности 50 пенитенциарных учреждений и обеспечивает деятельность еще одиннадцати, среди которых большая часть – тюрьмы для мужчин, но есть также и одна тюрьма для детей [6].

Совершенно иной как по содержанию, так и по масштабу опыт создания частных пенитенциарных учреждений имеется в Республике Корея, где уже почти десять лет существует частная тюрьма «Соманг» [7] (дословно – тюрьма «Надежда», основана в декабре 2010 г.), являющаяся не только первой частной тюрьмой в Республике Корея, но и одной из первых во всей Азии [8, с. 361].

Тюрьма «Соманг» была основана религиозным фондом «Агапе» и в первые три года своего существования показала неплохие результаты: из 228 лиц, которые отбыли сроки лишения свободы в данном пенитенциарном учреждении, только двое вновь совершили преступление за рассматриваемый период [9].

Хотя пытаться оценить эффективность тюрьмы «Соманг» в долгосрочном противодействии рецидивной преступности достаточно сложно и сейчас (ввиду труднодоступности соответствующей информации), сам по себе факт существования данной тюрьмы является знаменательным – она была основана некоммерческой организацией, скорее, как благотворительное учреждение социальной направленности с акцентом на воспитание и социальную адаптацию осужденных, а не как источник обогащения за счет их принудительного труда, что делает тюрьму «Соманг» первой в своем роде не только в Азии, но и во всем мире (по крайней мере, так считают в Республике Корея) [10].

Следует отметить, что порядок исполнения и отбывания лишения свободы в государственных и частных пенитенциарных учреждениях Республики Корея практически не отличается и определяется Законом Республики Корея «Об обращении с заключенными и их содержании в пенитенциарных учреждениях» с поправкой на ряд специальных положений, закрепленных в Законе Республики Корея «О создании и функционировании частных пенитенциарных учреждений», в соответствии с которым как физические, так и юридические лица, получающие разрешение на создание и эксплуатацию частных тюрем, должны в точности соблюдать требования, установленные для государственных пенитенциарных учреждений, а их деятельность находится под постоянным контролем Министерства юстиции (заключает контракт на создание и эксплуатацию каждого из таких учреждений (ст. 3–9), проводит их инспекционные проверки (ст. 22), определяет объем финансирования для покрытия текущих расходов (ст. 23) и т. д.).

При рассмотрении проблемы частных пенитенциарных учреждений нельзя обойти стороной и вопрос качественного состава персонала, нанимаемого негосударственными организациями для непосредственного обеспечения деятельности контролируемых ими тюрем.

В Республике Корея на законодательном уровне закреплён перечень требований, которым должны соответствовать сотрудники частных пенитенциарных учреждений. В целом они тождественны требованиям, предъявляемым к государственным служащим: полная дееспособность, непризнание банкротом, отсутствие судимости (как таковой, «судимости» в Республике Корея нет, но в отдельных статьях указывается конкретный срок, который должен пройти с момента отбытия наказания за совершение конкретных видов преступлений для снятия всех следующих из факта осуждения ограничений), отсутствие дисциплинарных взысканий на предыдущем месте работы и т. д. (ст. 11 Закона Республики Корея «О создании и функционировании частных пенитенциарных учреждений»; ст. 33 Закона Республики Корея «О государственных служащих»).

В свою очередь, в США подход к подбору персонала несколько иной – в уже упомянутой CoreCivic кандидат нанимается на работу, если он «дышит, имеет действующее водительское удостоверение и хочет работать», а также пройдет тестирование, состоящее из трех вопросов – имя генерального директора CoreCivic, имена основателей компании и причины, побудившие их основать компанию в 1983 г. [6].

Необходимо отметить, что как южнокорейская, так и американская концепции частных тюрем противоречат нормам международного права, а именно Конвенции № 29 Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда» (принята в г. Женеве 28 июня 1930 г.), в соответствии с которой лица, отбывающие наказания в местах лишения свободы, не могут быть уступлены или переданы в распоряжение частных физических или юридических лиц, поскольку эти лица привлекаются к обязательному для них труду, а такой труд должен находиться под контролем государственных органов и осуществляться в государственных пенитенциарных учреждениях. Впрочем, ни для США, ни для Республики Корея данная конвенция не имеет значения, поскольку эти государства (в том числе Китай, Афганистан, Тувалу и т. д.) ее не ратифицировали [11].

Интересно, что противоречие есть только между национальным правом Республики Корея и международным правом, тогда как практический опыт этого государства по созданию частной тюрьмы в конфликт с положениями Конвенции № 29 МОТ не вступает. Именно этот опыт представляется наиболее ценным для Российской Федерации, и, хотя создание частной тюрьмы некоммерческой организацией в некоммерческих целях является скорее исключением из мировой практики, чем нормой, эта идея является наиболее прогрессивной и гуманной по отношению к осужденным.

Библиографический список

1. Радченко Е. П. Международный опыт формирования и функционирования систем частных тюрем // *Baikal Research Journal*. 2013. № 2.
2. Сморгунова А. Л. Стратегии контроля над преступностью в США и Великобритании: приватизация тюрем // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2007. № 46. С. 149–158.
3. Тимофеева Е. А. Частные тюрьмы за рубежом: историко-правовые и экономические аспекты функционирования (США, Франция, Великобритания, Япония) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 2(42). С. 267–271.
4. 'Private Prisons in the United States', *The Sentencing Project*, 2 August 2018, viewed 13 May 2019, <https://www.sentencingproject.org/publications/private-prisons-united-states>.
5. Ромашов Р. А., Тонков Е. Н. Тюрьма как «Град земной». СПб., 2014. 656 с.
6. Shane, Bauer 2016, 'My four months as a private prison guard', *Mother Jones*, viewed 13 May 2019, <https://www.motherjones.com/politics/2016/06/cca-private-prisons-corrections-corporation-inmates-investigation-bauer/#correction-two>.
7. 소망교도소홈페이지, viewed 20 May 2019, <http://somangcorrection.org>.
8. 범죄백서 2016년: 통권제33호. – 법무연수원, 2017. 733면.
9. 재범 0%에 도전한다...아시아최초민영교도소 1000일 // *중앙일보*, viewed 13 May 2019, <http://news.joins.com/article/12451594>.
10. 재단법인아가페소망교도소착공, 크리스천투데이, viewed 20 May 2019, <http://www.christiantoday.co.kr/news/193390>.
11. *Countries that have not ratified this Convention, Information System on International Labour Standards, International Labour*, viewed 12 May 2019, http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:11310:0::NO::P11310_INSTRUMENT_ID:312174.

УДК 343.241

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.310-323

ЛАРИСА ИВАНОВНА БЕЛЯЕВА,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: beliaeva_055@mail.ru

О ЛИШЕНИИ СВОБОДЫ, КАК О МЕРЕ НАКАЗАНИЯ, И О ПОРЯДКЕ ОТБЫВАНИЯ ТАКОГО (ВРЕМЕННАЯ ИНСТРУКЦИЯ): ВЗГЛЯД СКВОЗЬ СТОЛЕТИЕ

Для цитирования

Беляева, Л. И. О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция): взгляд сквозь столетие / Л. И. Беляева // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 3. – С. 310–323. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.310-323.

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства, обусловившие появление Временной инструкции «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового», анализируются ее содержание и влияние на правоприменительную практику. Включение в научный оборот значительного числа архивных источников, их сравнительный анализ позволили охарактеризовать особенности такого юридического документа и показать последствия его применения на практике. Отмечается, что Временная инструкция сыграла роль стабилизатора, что позволило приостановить распад исправительных учреждений и криминальный беспредел. В условиях разрушения старого и формирования нового государственного аппарата она позволила практическим работникам определить профессиональную и личную линию поведения, поскольку давала разъяснения относительно того, что требуется от персонала, как следует относиться к заключенным, какие меры применять и прочее. Временная инструкция устанавливала хотя и общие, но вполне официальные требования к поведению заключенных и выражала взгляды на сущность и содержание лишения свободы, особенности его исполнения и отбывания. Временная инструкция явилась первым правовым актом, закрепившим систему учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, и общие начала их деятельности, заложила основы развития системы мест лишения свободы, которые в дальнейшем перешли от учреждений тюремного типа к учреждениям воспитательного характера.

© Беляева Л. И., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: лишение свободы, наказание, временная инструкция, места заключения, средства воспитания, организация труда, профессиональное обучение, подготовка кадров, индивидуальный подход, нарушители режима, помощь освобожденным из мест заключения.

Для того чтобы понять и оценить значение исторического документа в развитии определенных общественных отношений, необходимо принять во внимание условия, обстановку, в которых он появился. Не избежать этого и применительно к Временной инструкции «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового» (утверждена Постановлением НКЮ от 23 июля 1918 г.), появившейся 100 лет назад.

Нельзя сказать, что это был доселе неизвестный тип документа. Достаточно вспомнить, что исполнение наказания в виде лишения свободы в Российской империи регламентировалось уставами о содержащихся под стражей и ссыльных, Общей тюремной инструкцией и др.

Тем не менее Временная инструкция заслуживает исследовательского внимания. На жизни царской тюрьмы не могли не отразиться социальные события, происходившие в стране: Первая мировая война и связанная с ней эвакуация, революционные преобразования, Гражданская война и пр. При этом неизменными оставались тюремные здания, тюремные работники, тюремные сидельцы. Хотя жизнь в тюрьме менялась, и не всегда в лучшую сторону.

Во времена правления левых эсеров, отмечал П. И. Стучка, в Комиссариате юстиции даже забыли, что существует особое Главное управление местами заключения, оно продолжало существовать в старом составе [1]. Как следствие этого, свидетельствуют архивные документы, Главное управление, не подвергшееся персональным переменам, саботировало работу, с местами связи не поддерживало. В провинции действовали кто во что горазд.

В первые семь-восемь месяцев этого периода деятельность Главного управления местами заключения как бы замерла, застыла, как отмечалось в отчете Центрального карательного отдела НКЮ VII Съезду Советов. Ясного представления о методах управления не было. Все это привело к тому, что в некоторых местах распространилось самоуправление заключенных, выразившееся в полном регулировании ими самими всей внутренней жизни, администрация лишь присутствовала при том. Понятно, что с таким положением мириться было нельзя, надо было что-то предпринимать.

Преобразования в области исполнения наказания начались вскоре после изменений в государственной власти. Это выразилось в отмене ряда нормативных правовых актов, изменении режима содержания заключенных, порядка взаимоотношений администрации с ними. Однако эти преобразования носили фрагментарный характер и часто без всяких правовых оснований, силой революционного творчества масс, руководствовавшихся лишь собственным революционным правосознанием [2, с. 11]. Между тем время, социальные преобразования требовали создания новой правовой основы деятельности мест заключения, что позволило бы изменить их жизнь, дух, назначение. Определенные шаги в этом направлении были осуществлены. В начале 1918 г. были приняты Инструкция о порядке содержания в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, Постановление НКЮ РСФСР «О тюремных рабочих командах» и др. В них нашли отражение идеи гуманизации исполнения наказаний: отмена каторжного труда, введение его оплаты, регламентация внутренней тюремной жизни и др.

Принципиальным являлось положение о том, что труд не должен быть средством усиления репрессии. Он рассматривался как необходимое условие жизни и не мог быть чрезмерно тяжелым, что определялось характером и объемом работы обычного чернорабочего, вводилась его оплата. Несмотря на такие позитивные начала, этого было недостаточно, и требовались более системные решения.

Основные направления преобразования прежней тюремной системы были определены в циркуляре НКЮ РСФСР от 24 мая 1918 г. № 3777. Именно в нем заявлялось, что прежняя тюремная система упраздняется, а все ее функции переходят к особым органам местных комиссариатов юстиции. При этом Главное управление местами заключения переименовывалось в Карательный отдел НКЮ. В циркуляре отмечалось, что главное состоит не в переименовании, а в том, что цель всех изменений заключается не только в переломе во всей системе управления местами заключения, но и в самой постановке отбывания наказания. Для этого прежде всего необходимо на местах вместо старого безжизненного аппарата создать новый жизнеспособный. Важно также организовать общественные работы. Трудовая жизнь для тюрьмы обязательна, но не в прежнем виде [ГА РФ. Оп. 2. Д. 587. Л. 3–4].

Эти положения нашли отражение во Временной инструкции НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового». Этот документ принципиально отличался от ранее принятых тем, что в нем была изложена система правил, требований, регламентирующих основные направления деятельности, связанные с исполнением наказания.

Тезис о том, что уставы о содержащихся под стражей и о ссыльных утратили силу, был закреплен в п. 1 Временной инструкции.

Инструкция отменяла деление мест заключения на разряды по тяжести наказания, устанавливала обязательность труда заключенных, необходимость развития сельскохозяйственных колоний и учреждений для несовершеннолетних.

Действие Инструкции распространялось на лиц, лишенных свободы, а также на приговоренных к кратковременным (до 3 месяцев) принудительным работам без заключения под стражу на время, свободное от работы, и подследственных. Устанавливалась новая система мест заключения, к которой относились:

- 1) общие места заключения (тюрьма);
- 2) реформатории и земледельческие колонии как учреждения воспитательно-карательные, в особенности для молодых преступников;
- 3) испытательные заведения для лиц, по отношению к которым имеются основания для послабления режима или досрочного освобождения;
- 4) карательно-лечебные заведения для помещения лиц с заметно выраженными дефектами, дегенератов и т. п.;
- 5) тюремные больницы.

Кроме того, Инструкция сохраняла арестные дома для кратковременного содержания задержанных милицией и числящихся за народными судами и для арестантов, подлежащих пересылке.

Несмотря на то что новая власть категорически отвергала опыт деятельности дореволюционного тюремного ведомства, ей все-таки не удалось обойтись без него. В п. 2 Временной инструкции обозначены учреждения воспитательно-карательные для молодых преступников. И если реформатории были чем-то новым, заимствованным из-за рубежа, то земледельческие колонии – результат воплощения в России идеи о том, что несовершеннолетние правонарушители должны содержаться в учреждениях, для них

только и предназначенных, и отдельно от взрослых [3]. Опыт деятельности этих учреждений в XIX – начале XX в. в настоящее время изучен и обобщен [4].

Составители Инструкции, конечно, стремились избежать преемственности в формировании документов, регламентирующих процесс исполнения наказаний. В известной мере это удавалось, хотя от общих положений отойти было невозможно. Так, в Инструкции имеется раздел «Организация руководства применением наказаний». Очевидно, что здесь речь может и должна идти об управлении местами заключения. Именно так и назывался этот раздел в Общей тюремной инструкции. Содержательно эти инструкции отличались друг от друга. Однако их логика объективно не могла быть различной. В таком документе должны быть определены место и роль администрации, порядок управления, права и обязанности персонала и заключенных, меры воздействия на них, материально-техническое обеспечение и пр. В этом смысле прав М. Г. Детков, утверждая, что Инструкция продолжила дореволюционную практику регулирования процесса исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы [5, с. 11–12].

Принципиальные различия этих документов заключались в том, что Временная инструкция ориентировала на формирование новой системы мест лишения свободы, на оказание воспитательного воздействия на осужденных и учет при этом их индивидуальных особенностей. Уже сама структура Карательного отдела НКЮ (п. 7) является свидетельством тому. Отдел состоял из нескольких отделений и совещаний: 1-е отделение – по выработке воспитательно-трудовых методов и карательных мер, 2-е – распределительное, 3-е – техническое, 4-е – сельскохозяйственное, 5-е – врачебно-санитарное, 6-е – снабжения, 7-е – строительное, 8-е – конвойное, 9-е – помощи отбывшим наказание. Этим определялись основные направления, способные преобразовать места заключения.

В указанном документе в прямой постановке не содержалось норм о целях и задачах лишения свободы, принципах исполнения наказания, правовом положении персонала мест заключения и осужденных, содержащихся в них. Однако анализ документа позволяет отметить его гуманистический, социально ориентированный характер.

Как следует из п. 7 Инструкции, в местах заключения должно осуществляться воспитание, которое позволит лицу, отбывшему наказание, приспособиться к жизни на свободе. В этих целях предусматривалось использование определенных средств воспитания: труд, профессиональное обучение, общее образование и воспитание, режим и условия содержания, поощрения и взыскания. В Инструкции они именуется воспитательно-трудовыми мерами.

В соответствии с господствующей идеей главным средством воспитания по Инструкции является труд, который следует организовать во всех местах заключения. Для этого в них должны быть устроены и оборудованы мастерские, снабженные инвентарем, инструментами и материалами. Предусматривалось обязательное техническое инструктирование работающих. При этом в Инструкции отмечались некоторые особенности организации труда в общих местах заключения (тюрьмах): он мог быть организован в самой тюрьме или за ее пределами.

Центральный карательный отдел своим циркуляром № 32 от 7 августа 1918 г. предусмотрел создание некоторых мастерских, организацию работ заключенных вне тюрьмы. Циркуляр № 32 от 4 сентября 1918 г. установил обязательность работ для всех здоровых заключенных.

Инструкция устанавливала, что сельскохозяйственный труд также нуждается в соответствующем обеспечении инвентарем, материалами, кадрами.

Согласно п. 21 Инструкции все трудоспособные осужденные должны привлекаться к физическому труду, при этом следовало принимать во внимание состояние здоровья и рекомендации медперсонала по распределению на соответствующих работах (пп. 7, 18, 21, 27).

Работа осужденных в соответствии с Инструкцией оплачивалась. В п. 27 устанавливались общие положения об оплате труда. При этом обращалось внимание на то, что вознаграждение за труд в местах заключения производится по ставкам профессиональных союзов конкретной местности. Такой подход, безусловно, позволял, с одной стороны, исключить из жизни мест заключения отношение к труду как средству кары, а с другой – установить связь с жизнью за пределами учреждения. Именно с той жизнью, в которую предстояло возвращаться.

Ценным представляется положение о том, что распределение по категориям и установление сделных расценок осуществлялось коллегиально: заведующим работами, инструкторами и представителями заключенных, рекомендованных инструкторами.

Доходы (заработок) и расходы каждого заключенного в соответствии с Инструкцией учитывались на лицевом счете и в специальной книжке.

Нельзя не признать, что это вполне педагогические решения, способствующие формированию жизненных перспектив ответственности и самостоятельности.

Примечательно, что Инструкция предусматривала привлечение к труду, хотя бы и неквалифицированному, подсудимых, то есть оказание воспитательного воздействия и на этих лиц.

В Инструкции закреплялось общее положение о том, что в местах заключения должно быть организовано профессиональное обучение. Однако ни его содержание, ни направления не определялись, хотя сравнительное толкование положений Инструкции позволяет сделать некоторые предположения. Составителям Инструкции в целом о профессиональном обучении было известно из предшествующего опыта. Система профессионального образования в России включала в себя профессионально-технические или ремесленные школы, курсы, сельскохозяйственные школы и училища [6–9]. Элементы этой системы были отчасти использованы в тюремной системе [10–13], но наиболее успешно – в воспитании несовершеннолетних правонарушителей. В дореволюционных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей сложилась определенная система организации такого обучения [14]. Некоторые из элементов этого опыта проступают в Инструкции. В частности, как следует из нее, профессиональное обучение могло осуществляться по двум направлениям: техническому (производственному) и сельскохозяйственному. При этом в Инструкции особое внимание уделялось земледельческим колониям и созданию колоний – земледельческих школ. Земледельческие школы, школы садоводства – это опыт российских исправительных учреждений для несовершеннолетних. Они существовали в Воронежском, Смоленском, Симферопольском, Тульском и других исправительных заведениях [4, с. 188–189].

Ничего удивительного в том, что этот опыт оказался востребованным в новых условиях, нет. Ведь многие специалисты, носители прогрессивных для этого времени идей, приняли новую власть с надеждой на воплощение этих идей. Известно, что в 1918 г., то есть в период формирования Инструкции, в Центральном карательном отделе НКЮ служили С. В. Познышев [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 613. Л. 2], П. Г. Бельский, П. В. Всесвятский [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 617. Л. 4], И. М. Диомидов [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 568. Л. 62], Н. В. Терзиев [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 628. Л. 8], Е. Н. Тарновский [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 20. Л. 61] и др. Все они были специалистами в организации исправления несовер-

шеннолетних правонарушителей. В Инструкции видится реализация ряда идей, высказанных еще до революции, правда, в несколько ином виде.

Несмотря на то что места лишения свободы изолируют конкретных людей от социума, дух общественной жизни распространяется и сюда. Одной из главенствующих идей, связанных с преобразованием жизни, была идея о всеобщем образовании. Естественно, что она воплотилась и в Инструкции, которая устанавливала обязательность общего образования и воспитания. Воспитание следовало строить согласно провозглашенным ценностям и идеалам.

Отметим положение о подготовке кадров для работы в местах заключения. Во-первых, в Инструкции говорилось о необходимости формирования кадрового состава учителей: «Создание кадра учителей». До сего времени таких кадров не было, хотя школьное обучение и осуществлялось, но добровольцами.

Во-вторых, в Инструкции был поставлен вопрос об организации курсов для работников тюремного дела. Шаг не новый. В свое время при Главном тюремном управлении тюремные курсы существовали [ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1.4.2. Д. 4929. Л. 158; Ф. 7420. Оп. 1. Д. 122, Л. 40].

Несколько позднее, когда уже в новых условиях такие курсы были учреждены, ими заведовал профессор С. В. Познышев [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 634. Л. 117], преподавателем состоял профессор Г. С. Фельдштейн [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 634. Л. 151] и другие известные специалисты в области тюремного дела.

В-третьих, и это наиболее ценное, Инструкция ориентировала на привлечение к работе педагогического состава и специалистов в конкретных отраслях: технических, сельскохозяйственных, медицинских и пр. Эта мысль находит развитие в п. 10, где особо отмечается, что местные карательные отделы должны включать в себя специалистов-педагогов (или психиатров), инженеров, агрономов, врачей.

Инструкция определяла типовую штатную структуру места заключения: начальник (заведующий), один-два помощника, заведующий работами со штатом инспекторов по специальностям и направлениям, заведующий воспитательной частью, при нем штат воспитателей для отдельных групп заключенных, заведующий учебной частью и учителя, врач. Неоднократно отмечалось, что необходимо подбирать для работы соответствующий персонал, специалистов.

В Инструкции излагалось одно из главных требований к деятельности карательных органов – подчинение всем законам, распоряжениям Центрального карательного отдела и его контролю. Это, безусловно, должно было способствовать установлению режима законности в местах заключения.

Вполне в духе времени предусматривались коллегиальные органы, назначением которых являлось рассмотрение практических вопросов и выработка соответствующих рекомендаций. Это были постоянные совещания, состоящие при соответствующих отделениях Карательного отдела. Таких отделений было девять, но согласно п. 8 совещаний могло быть три в зависимости от характера вопросов, которые следовало рассматривать:

1) совещание по пенитенциарным вопросам теоретического характера. В нем предполагалось представительство 1, 2, 5, 9-го отделений;

2) совещание по вопросам практического применения воспитательно-трудовых мер в организации работ (1, 2, 3, 4, 5-е отделения);

3) совещание по вопросам административно-хозяйственным (3, 5, 6, 7-е отделения).

Очевидно, что предполагалось активное использование научных знаний в практике исполнения наказания в виде лишения свободы; выработка единообразных подходов

к разрешению практических вопросов; четкая организация административно-хозяйственной деятельности: оборудование помещений, обеспечение лечения, снабжение продуктовым и вещевым довольствием и пр.

Состав совещаний предусматривался относительно определенно. Так, устанавливалось, что сюда входят заведующие соответствующими отделениями, их помощники и сведующие лица, причем круг сведующих лиц очерчен для первого совещания. Сведующие лица, участвующие в нем, могли быть как сотрудниками отдела, так и посторонними.

Некоторые сведения о характере и содержании таких совещаний сохранились в архивах [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 617].

Такие же совещания предписывались к организации на местах. В состав таких совещаний при местных карательных отделах согласно п. 10 включались педагоги и специалисты как из числа служащих, так и извне, что, конечно, должно было укреплять связь с жизнью, формировать перспективы развития.

Непосредственно в местах лишения свободы также предусматривалась работа коллегиальных органов. Пунктом 11 определялось, что при заведующем состоит коллегия, в состав которой входят: он сам, его помощники и лица педагогического, врачебного и инструкторского состава в соответствии с рекомендациями местных комиссариатов юстиции. Кроме того, коллегиальным органом являлись распределительные комиссии, в состав которых входили заведующий (заместитель) карательного отдела, заведующий местами заключения и приглашенные специалисты. Задачей комиссии являлось распределение лиц, находящихся во временном отделении тюрьмы, по разрядам лишения свободы. Распределение осужденных – вопрос не праздный. Более того, он был довольно сложным и важным. Это проистекало из того, что суд не определял учреждение, в которое следовало помещать осужденного, и разряд в соответствии с объявленной прогрессивной системой.

Инструкцией предусматривался обязательный учет осужденных, поступивших в места заключения, и контроль за их движением: перевод в другое место заключения, освобождение (п. 15).

Все осужденные направлялись в общую тюрьму во временное отделение, в котором они содержались до распределения. Как следует из Инструкции, распределение осуществлялось по родам и размерам наказания (п. 7, 2-е отделение), по категориям и группам (пп. 7, 11): по разрядам лишения свободы (п. 16). Понятно, что для столь детальной и объемной работы требовалась специальная структура, способная к осуществлению поставленных задач.

Инструкция в качестве таковых определяла распределительные комиссии (пп. 16, 17). Комиссиям предписывалось, кроме того, представление народному суду (в отношении осужденных) либо следственной комиссии (в отношении подследственных) о досрочном условном освобождении от наказания или об освобождении под залог, поручительстве, отобрании подписки о явке в суд по вызову (п. 20). В соответствии с п. 28 Инструкции комиссии надлежало принимать решения относительно лиц, признанных неисправившимися, о применении предусмотренных мер репрессии.

От комиссии зависело признание неисправимых осужденных хулиганами, погромщиками или упорными рецидивистами, за которым следовало представление в местный Революционный трибунал для решения вопроса об их дальнейшей изоляции (п. 29). Поскольку в самой Инструкции никаких указаний относительно организации деятельности комиссии не содержалось, то было принято положение об организации распределительных комиссий, которое и восполнило имеющийся пробел [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 590. Л. 79–79 об.; Ф. А-353. Оп. 2. Д. 591. Л. 48–48 об.].

Инструкция закрепляла принцип индивидуализации исполнения наказания. В ней в общих, но достаточно четких положениях устанавливались требования индивидуального подхода к заключенным. Об этом говорится в п. 7 «Применение различных видов тюремного заключения и работ к отдельным категориям преступников. Принцип применения разумного режима в связи с результатами действия исправительных мер».

Специальным разделом Инструкции определялся порядок содержания в местах лишения свободы. Устанавливалось, что все осужденные, являющиеся трудоспособными, должны привлекаться к труду. Лишенные свободы должны содержаться в помещении постоянно, за исключением времени, отведенного на работу, другие занятия, предусмотренные внутренним порядком, и прогулки.

Вся жизнь в учреждении подчинялась внутреннему распорядку, который устанавливался местными карательными отделами. При этом в соответствии с п. 24 сохраняли свою силу и положения Общей тюремной инструкции, которые не были отменены и не противоречили Временной инструкции. Очевидно, что преемственность здесь налицо.

Гуманистические устремления новой власти проявлялись в том, что лицам, осужденным на срок до 1 года, и подсудимым по семейным обстоятельствам разрешалось предоставление отпуска на срок не более 2 недель (п. 23); труд оплачивался по общепрофессиональным ставкам. Примерное поведение поощрялось досрочным освобождением от отбывания наказания (пп. 7, 20); жалобы и заявления не должны были оставаться без рассмотрения (п. 7; 2, 8-е отделения). При этом, правда, Инструкция была недостаточно последовательной: не были определены стимулирующие положительное поведение меры, кроме досрочного условного освобождения, которое, кстати, российскому законодательству известно с более ранних времен – с 1866 г. [15], а российскому правоприменителю – с 1871 г., когда оно стало применяться по отношению к несовершеннолетним.

Более определенной Инструкция была по отношению к нарушителям установленных ею правил и правил внутреннего распорядка.

Временная инструкция дифференцировала нарушителей режима содержания в зависимости от характера нарушений. Это лица, нарушающие порядок и дисциплину, и лица, отказывающиеся работать без основательных для этого причин.

К первой группе нарушителей предусматривались следующие меры воздействия:

- 1) ужесточение режима содержания (лишение свиданий, переписки и пр.);
- 2) усиление изоляции (одиночное заключение, карцер до 14 дней);
- 3) перевод в специальные тюрьмы (изоляция лиц, проявляющих упорное недопустимое поведение).

К лицам, отказывающимся от работы, предусматривалось применение довольно жестких мер. С момента отказа от работы на счет осужденного записывались все расходы, связанные с содержанием в учреждении. При этом отказчик предупреждался о том, что он будет находиться в тюрьме до тех пор, пока сальдо не выровняется в его пользу, даже если для этого потребуется время, превосходящее срок наказания.

Если это не оказывало воздействия, осужденный мог быть переведен на уменьшенный, в сравнении с другими, продовольственный паек как неработающий.

Если же и эти меры оказывались недостаточными, Инструкция предусматривала направление в изолятор (тюрьму) как неисправимого.

Примечательно, что в документе установлены «барьеры» для субъективизма, волюнтаризма и злоупотреблений по отношению к осужденным. Так, все ограничения,

предусмотренные для нарушителей, могли устанавливаться с согласия распределительной комиссии. Перевод в специальные тюрьмы (изоляторы) мог применяться только комиссией, удлинение срока лишения свободы свыше 1 месяца – решением местного народного суда, по представлению комиссии.

Вместе с тем небезопасным было то обстоятельство, что заключенный мог направляться в учреждение, существование которого не имело правовых оснований. Ведь в числе мест заключения в п. 3 никаких изоляторов или иных мест заключения, кроме общих, не предусмотрено. Мало того, в одном случае изолятор – это специальная тюрьма, а в другом он же, как следует из п. 28, – особая тюрьма.

Толкование этой нормы, с учетом характера нарушений, особенностей лиц, к которым эта мера могла применяться, порядка перевода и органов, правомочных на это, заставляет прийти к выводу о том, что речь идет еще о двух видах мест заключений, существование которых как бы само собой разумеется, и действие Инструкции на них не распространяется.

Такое положение вещей – шаг к узаконенному беззаконию.

Инструкция предписывала соответствующее медицинское обследование арестантов, продовольственное и вещевое снабжение, оборудование помещений, их освещение и отопление, охрану и конвоирование заключенных.

Вполне логично, что Инструкция указывала на необходимость надзора за отбывающими наказание и попечения, принятие мер к образованию патронатов на местах, организации съездов представителей патронатов. Стоит отметить, что вопрос о патронате, под которым понималась помощь лицам, выходящим из тюрьмы, в организации самостоятельной жизни на свободе, не являлся новацией. Вопросы теории и практики патроната активно разрабатывались в отечественной и зарубежной литературе еще в XIX в. [16]. Большой вклад в разработку учения о патронате внесли В. А. Акимов, Е. М. Баранцевич, С. К. Гогель, Я. И. Курлянд, Г. В. Демченко, П. И. Люблинский, С. В. Познышев, Г. С. Фельдштейн [17–26] и др. Последние исследователи, как уже отмечалось, служили в НКЮ, были носителями передовых идей и опыта, который и отразился в анализируемом документе. Показательно, что в Инструкции сохранена терминология, сформированная в дореволюционный период: «патронат», «съезд представителей патронатов». В свое время исследователи проблем патроната отмечали как один из самых серьезных недостатков его организации то, что он целиком зависит от общественных сил и государство никак в нем не участвует [26].

В Инструкции мы видим решение этой проблемы. В ее п. 7 9-го отделения речь идет об образовании патронатов при местных советах, что актуально и сегодня.

Однако спустя некоторое время указанная терминология была исключена из жизни. На смену патронату пришли комитеты помощи освобожденным из мест заключения [ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 11. Д. 2. Л. 42–45].

Внимательный анализ Инструкции позволяет констатировать, что в ней нашли отражение наиболее прогрессивные принципы исполнения наказания в виде лишения свободы и содержания под стражей: гуманизм, законность, педагогизация процесса правоприменения, индивидуальный подход к заключенным, использование мер поощрения и взыскания; сотрудничество администрации и заключенных; коллегиальность в решении важных вопросов; активность и самостоятельность осужденных и др. Однако реализация положений Инструкции далеко отошла от ее идеалов. Воплотить их в жизнь оказалось не по силам героям того времени: не было ни средств, ни людей. Старых тюремных служащих на местах без разбора не только увольняли, но и уничтожали. Только в центральном

аппарате оставались некоторые из прежних сотрудников тюремных ведомств: П. И. Лерхе [ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 85. Д. 4300], В. М. Мелких [ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 86. Д. 329] и др. На смену прежним служащим приходили новые силы, в недалеком прошлом сами тюремные сидельцы, часто просто уголовники, имевшие свое видение жизни тюрьмы.

Результаты проведения в жизнь Временной инструкции памятливы и, к сожалению, печальны. Архивные свидетельства говорят о том, как это было, и доносят до современников голоса эпохи.

Вступление в силу Временной инструкции положило начало созданию новых учреждений для исполнения наказания, что в условиях войны и разрухи, социальной нестабильности было совсем не просто. Карательный отдел НКЮ искал пути решения этого вопроса и находил архивные свидетельства таковых.

19 ноября 1918 г. в НКЮ состоялось совещание по пенитенциарным вопросам, где в числе прочих обсуждался вопрос о судьбе реформаториев, организация которых предусматривалась Временной инструкцией, и они фактически уже существовали. Единичные пока. Как свидетельствует журнал № 5 указанного совещания, в нем принимал участие и директор Московского реформатория П. В. Всесвятский.

Совещание пришло к выводу о том, что реализовывать положение Инструкции об организации реформаториев следует путем приспособления монастырей под места заключения. Согласно этому решению был подготовлен соответствующий циркуляр [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 617. Л. 4].

27 ноября 1918 г. в губернские отделы юстиции был направлен циркуляр № 90 о том, что Временная инструкция предписывает создание специальных учреждений, в частности реформаториев – испытательных и лечебных карательных учреждений, которые требуют особой устроенности и оборудования зданий. Отмечалось, что тюрьмы не могут быть для этого приспособлены, рассчитывать на постройку новых зданий ввиду отсутствия средств и людей нет оснований, а потребность в этих учреждениях является столь острой, что необходимо приспособить под них какие-либо уже существующие помещения. Центральный карательный отдел полагал, что для этой цели вполне подойдут монастыри, в которых имеется все необходимое для обслуживания большого количества людей: кухни, трапезные, кельи, мастерские, сады, огороды и пр. Исходя из этого губернским отделам поручалось как можно быстрее выяснить, каковы возможности использования в указанном направлении монастырей, имеющихся в губерниях [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 585. Л. 85–85 об.]. Такие возможности, как мы знаем, нашлись.

Практически одновременно на места был направлен циркуляр от 30 ноября 1918 г. № 89 об организации сельскохозяйственных колоний [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 585. Л. 87]. Для отечественной системы мест заключения это был новый тип учреждений. Работа по их созданию началась еще весной 1918 г.

В соответствии с Постановлением СНК от 24 мая 1918 г. бывшая в ведении попечительства над освобождаемыми из мест заключения лицами земледельческая колония имени Грачевых при с. Троицком Подольского уезда перешла в распоряжение Карательного отдела НКЮ. О ней, пожалуй, можно сказать особо. Она была учреждена в 1910 г. Московским обществом ремесленно-земледельческих колоний для лиц, освобождаемых из мест заключения, и имела своей целью трудовое призрение и обучение сельскохозяйственным работам с тем, чтобы помочь вернуться к нормальной жизни [27, с. 11–15]. Со временем здесь открыли воскресную школу, ввели должность врача, который лечил от алкоголизма. По существу, это был центр социальной помощи выходцам из тюрьмы [16, с. 20–21]. Членами этого общества были известные люди: К. П. Бахрушин,

Н. И. Гучков – московский городской глава, В. Ф. Джунковский – московский губернатор, А. А. Андрианов – московский градоначальник, С. В. Познышев – профессор Московского университета и др. Эту колонию с ее инфраструктурой, штатами, материальными ценностями, еще сохранившимися, решено было использовать для создания сельскохозяйственной колонии. Наблюдение за колонией и организация дел в ней были поручены Московской губернской тюремной коллегии, которая стала именовать заведение 1-я Московская трудовая колония для лишенных свободы. Функционировать она начала с 1 июля 1918 г. [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 627. Л. 2].

Первым заведующим колонии был назначен М. И. Трушковский [ГА РФ. Ф. 474. Оп. 6. Д. 58. Л. 25]. Архивные документы свидетельствуют о том, какие тяготы и испытания выпали на его долю и тех, кто в ней служил и отбывал наказание. Первая мировая война и революция, конечно, не прошли мимо колонии. Жизнь в ней, по существу, была парализована. Хозяйство находилось в упадке, всюду царил разруха, не было инвентаря, не хватало людей (заключенных) для ведения сельскохозяйственных работ, служащих для охраны.

Необходимо было колонию наполнить людьми. Сюда стали направлять и подследственных, и административно арестованных, и просто задержанных, которые работать не хотели, разбегались. Для их содержания нужны были сотрудники. Прежний штат не сохранился. Новые люди сюда не шли. Для несения службы вахтовым методом стали направляться служащие из московских тюрем: Бутырской, Таганской и др. Понятно, что случайные здесь люди не хотели, да и не могли должным образом нести службу.

Колония эта была детищем С. В. Познышева, и на его глазах она погибала.

Вся деятельность М. И. Трушковского – это борьба за жизнь учреждения. В своих письмах, телеграммах он просит руководство Карательного отдела ускорить доставку семян и инвентаря, позднее гвоздей, предметов обихода, мыла и пр. На что ему обещают вступить в переговоры, принять меры, просят подождать и пр.

Особую тревогу у М. И. Трушковского вызывало то, что нечем было кормить людей и лошадей (даже тех, что были), продуктов не хватало. Он просит Карательный отдел направить в колонию продукты и сообщает о том, что через 2 дня не будет ничего для еды. Ответа нет. Спустя два дня он отправляет коротенькую, всего из пяти слов, но полную отчаяния и безысходности телеграмму: «Продовольствие исчерпано варить нечего Трушковский». На часах было 12 ч 57 мин. Пока не установлено, как люди жили в последующее время, но к 5 августа еще не решили, каким поездом можно отправить продукты. М. И. Трушковский снова просит продуктов и овса для лошадей, которые истощены и работать не могут. Эти просьбы повторяются изо дня в день. Наконец реакция наступила. Инспектор, которому передавались на исполнение телеграммы, пришел к выводу, что заведующий колонией не справляется с работой и надо ее проверить. Вскоре М. И. Трушковский оставил колонию. Заведующим был назначен А. Г. Бельский [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 336. Л. 3]. Свою работу он начал с тех же просьб [ГА РФ. Ф. 474. Оп. 6. Д. 58. Л. 28, 32, 40–41, 52, 59, 60, 63, 66, 68–69, 83–84, 92, 140, 151–152, 165, 168–169, 198, 202, 209, 250, 326, 342]. Результат тот же.

Эта колония стала первым учреждением нового типа по исполнению уголовного наказания в виде лишения свободы – исправительно-трудовой.

Создание таких колоний рассматривалось как свидетельство осуществляемой реформы тюремного дела, предусматривающей новые места заключения, способные оказывать воспитательно-карательное воздействие, для чего наиболее пригодным является труд.

Несмотря на трудности, связанные с общей социально-политической и экономической ситуацией в стране, неподготовленностью преобразований, они все-таки осуществлялись.

1 марта 1919 г. у ст. Лигово в Петрограде на бывшей даче А. А. Нарышкина открылась 1-я Петроградская сельскохозяйственная колония для лишенных свободы [28, с. 3–4].

Всего в соответствии с Инструкцией в 1919 г. было создано 9 сельскохозяйственных колоний (Московская, Петроградская, Новгородская, Курская, Тамбовская, Костромская, Тульская, Калужская, Самарская) [29, с. 8], в 1920 г. их было уже 15 [30, с. 6].

Справедливости ради следует отметить, что анализируемый документ инструкцией, как таковой, и не является. Если признать, что в документе изложены нормы, то придется согласиться, за исключением некоторых, они все декларативны. Абсолютное их большинство изложены абстрактно, в лучшем случае относительно определено. Здесь содержатся указания о том, что следует делать, исполняя наказание, то есть провозглашались декларации о намерениях, определялись принципиальные подходы к реформированию тюремной системы.

Однако Инструкция не содержала в себе никаких указаний относительно того, как, когда, каким образом, кому именно следует реализовывать провозглашенные общие требования, что, пожалуй, самое важное в инструкциях. Следствием этого явилось издание большого количества постановлений НКЮ по разным направлениям: от 19 марта 1918 г. «О порядке увольнения и назначения на должность тюремной инспекции и администрации», 7 августа 1918 г. «О создании тюремных мастерских, о внешних работах и оплате труда заключенных», 2 ноября 1918 г. «О привлечении всех здоровых заключенных к труду», 22 ноября 1918 г. «Об утверждении распределительных комиссий при карательных отделах губернских и областных отделов юстиции», 22 ноября 1918 г. «Временные правила распределения заключенных», 4 февраля 1919 г. «О тюремном режиме и о привлечении к ответственности виновных лиц в притеснении заключенных», 23 февраля 1919 г. «О порядке оплаты труда заключенных», 12 августа 1919 г. «Устав трудовых земледельческих колоний для лишения свободы», 5 августа 1920 г. «Правила об отпуске на работы в советские учреждения и предприятия заключенных специалистов» и др.

И все-таки, несмотря ни на что, теперь, с расстояния длиною в век, можно и нужно отметить, что в свое время Инструкция сыграла роль стабилизатора, что позволило приостановить распад учреждений и криминальный беспредел. В условиях разрушения старого и формирования нового государственного аппарата она позволила практическим работникам определить профессиональную и личную линию поведения, поскольку давала разъяснения относительно того, что требуется от персонала, как следует относиться к заключенным, какие меры применять и пр. Она устанавливала хотя бы общие, но официальные требования к поведению заключенных и была выразителем официальных взглядов на сущность и содержание лишения свободы как меры наказания и особенности его исполнения и отбывания.

Временная инструкция явилась первым правовым актом, объявившим и закрепившим систему учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, и основу их деятельности. Она положила начало развитию системы мест лишения свободы, которые в дальнейшем переходили от учреждений тюремного типа к учреждениям воспитательного характера.

Однако ветры перемен уже дули в другие паруса. Весной 1919 г. было принято Постановление ВЦИК «О лагерях принудительных работ», а в ноябре 1920 г. объявлено Положение об общих местах заключения. А это – уже совсем другая история.

Библиографический список

1. Советское государство. 1913. № 7.
2. Курицын В. М. Переход к НЭПу и революционная законность. М., 1972. 48 с.
3. Дриль Д. А. Призрение несовершеннолетних преступников, «нравственно испорченных», и беспризорных детей и подростков в России // Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. С. 100–112.
4. Беляева Л. И. Воспитание несовершеннолетних правонарушителей в России : в 3 ч. М., 2007. Ч. 1. 399 с.
5. Детков М. Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М., 1992. 192 с.
6. Веселов А. Н. Низшее профессионально-техническое образование в РСФСР. М., 1955. 328 с.
7. Иванович К. А. Сельскохозяйственное образование в СССР. М., 1958. 240 с.
8. Профессионально-техническое образование в СССР. М., 1961. 112 с.
9. Очерки истории профессионально-технического образования в СССР / под ред. А. С. Бастышева. М., 1981. 350 с.
10. Христианович А. Школьное и профессиональное обучение в тюрьме // Тюремный вестник. 1902. № 3. С. 244–252.
11. Крживецкий Б. Внутренние арестантские работы и кустарный труд (по экспонатам 2-й Всероссийской кустарной выставки в Санкт-Петербурге) // Тюремный вестник. 1913. № 5. С. 839–871.
12. Цветков И. Пошив и починка сапог в тюремной сапожной мастерской // Тюремный вестник. 1916. № 11. С. 1095–1097.
13. Градусов В. Железнодорожные работы арестантов // Тюремный вестник. 1916. № 6–7. С. 657–672.
14. Терзиев Н. Профессиональное обучение питомцев воспитательно-исправительных заведений // Тюремный вестник. 1916. № 6–7. С. 679–699.
15. Дриль Д. Тюрьма и предупредительное воспитание // Журнал Министерства юстиции. 1990. № 3. С. 30–54.
16. Беляева Л. И. Патронат в России. 2-е изд. Воронеж, 2001. 137 с.
17. Акимов В. Патронат как орудие борьбы с преступностью // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1896. Кн. 9 (Ноябрь). С. 75–90.
18. Баранцевич Е. Патронат в жизни России. Томск, 1914. 425 с.
19. Гогель С. Роль общества в деле борьбы с преступностью. СПб., 1906. 287 с.
20. Курлянд И. Идея патроната как идея внутреннего управления. Ярославль, 1898. 245 с.
21. Демченко Г. Общества патроната. Их возникновение, устройство и деятельность. Киев, 1912. 23 с.
22. Люблинский П. Современное состояние и задачи обществ патроната // Право. 1908. № 10. С. 552–562.
23. Малинин Ф. Тюремный патронат // Тюремный вестник. 1905. № 8.
24. Познышев С. Очерки тюрьмоведения. Петроград, 1915. 295 с.
25. Фельдштейн Г. Патронат. Его необходимость и принцип организации. СПб., 1900. 56 с.
26. Люблинский П. И. Государственная помощь обществам патроната // Тюремный вестник. 1908. № 11. С. 710–730.

---

27. Отчет Московского общества ремесленно-земледельческих колоний для лиц, освобожденных из мест заключения, за 1912 г. М., 1913. 51 с.

28. 1-я Петроградская трудовая сельскохозяйственная колония для лишения свободы. Петроград, 1922. 16 с.

29. Тюремное дело в РСФСР. Отчет Центрального Карательного отдела НКЮ VII Съезду Советов. М., 1920. 26 с.

30. Тюремное дело в 1920 г. Отчет Народного Комиссариата юстиции по Центральному Карательному отделу VIII Всероссийскому Съезду Советов. М., 1920. 33 с.

УДК 343.83:343.9

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.324-329

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ПАРШКОВ,

кандидат юридических наук,
начальник научного центра,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: parshkov_78@mail.ru;

ЭДУАРД САИДОВИЧ РАХМАЕВ,

кандидат юридических наук, доцент,

заместитель начальника экономического факультета,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: academ-05@mail.ru;

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НУЖДИН,

кандидат юридических наук,

старший преподаватель кафедры криминологии
и организации профилактики преступлений,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0001-8761-140X,
e-mail: aanuzhdin@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ КОРРУПЦИИ СРЕДИ РАБОТНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Паршков, А. В. Криминологическое исследование уровня коррупции среди работников уголовно-исполнительной системы / А. В. Паршков, Э. С. Рахмаев, А. А. Нуждин // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 3. – С. 324–329. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.324-329.

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования коррупционной преступности, уровня коррупции и возможных коррупционных рисков, которые возникают среди работников уголовно-исполнительной системы. Целью исследования стало изучение возможных коррупционных рисков и эффективности противодействия коррупции в сфере деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Предметом исследования послужили объективные и субъективные характеристики текущего состояния коррупции при реализации возложенных функций среди работников уголовно-исполнительной системы и их динамика. Объектом для проведения исследования были определены подразделения территориальных органов, учреждений, непосредственно подчиненных

© Паршков А. В., Рахмаев Э. С., Нуждин А. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Федеральной службе исполнения наказаний. В качестве основного метода исследования был выбран социологический опрос работников уголовно-исполнительной системы. В задачи исследования входили: оценка распространенности коррупционных нарушений; выявление факторов, благоприятствующих коррупции; определение факторов, противодействующих коррупции; оценка эффективности и достаточности законодательной базы противодействия коррупции; оценка эффективности и достаточности мер, предпринимаемых руководством управления и соответствующего учреждения уголовно-исполнительной системы по борьбе с коррупцией. На основании проведенного исследования установлено, что российское законодательство определяет основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений. Коррупция является одной из основных угроз безопасности страны. О распространении коррупции, существовании ее во всех сферах жизни общества говорят многие ученые и должностные лица.

Ежегодно значительное число должностных лиц органов и учреждений уголовно-исполнительной системы привлекаются к ответственности за совершение различных корыстных преступлений с использованием своего служебного положения. Так, если доля взяточничества в объеме всей зарегистрированной преступности в Российской Федерации за последние годы не превышала 0,6 %, то доля взяточничества в общем числе всех преступлений, совершенных только лишь сотрудниками уголовно-исполнительной системы, составляет 25 %. В завершении исследования сделан вывод о том, что большинство опрошенных сотрудников уголовно-исполнительной системы негативно относятся к проблеме коррупции и считают, что с ней нужно бороться. Основной причиной коррупции является то, что деятельность коррупционеров фактически остается безнаказанной, отсутствуют жесткие меры по отношению к коррупционерам.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, коррупционные риски, взятка, коррупциогенные факторы, охват коррупции, респондент.

Российское законодательство устанавливает основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Существует мнение, что коррупция является одной из основных угроз безопасности страны. О распространении коррупции, существовании ее во всех сферах жизни общества говорят многие ученые и должностные лица [1, с. 100; 4, с. 59].

Мы провели социологическое исследование среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, осуществляющих различные функции. Всего в проведении анкетирования приняли участие 11 348 сотрудников, из них: работники исправительных учреждений – 5470 чел. (48,2 %); работники следственных изоляторов – 2372 чел. (20,9 %); работники уголовно-исполнительных инспекций – 1237 чел. (10,9 %); работники исправительных центров – 68 чел. (0,6 %); работники аппаратов территориальных органов ФСИН России – 1010 чел. (8,9 %); работники учреждений, непосредственно подчиненных ФСИН России, – 1191 чел. (10,5 %).

Образовательный уровень сотрудника УИС тесно связан с формированием его ценностных ориентаций, потребностей, интересов, мировоззрения, нравственным об-

ликом. Анализ результатов проведенного анкетирования показывает, что опрошенные респонденты имеют среднее профессиональное образование (30,1 %); высшее образование – 64,1 %, среднее – 5,8 %. Из 100 % опрошенных – в основном мужчины (62,8 %) в возрасте до 40 лет (69,4 %), причем 80,9 % опрошенных постоянно проживает в городе, 61,8 % опрошенных состоят в браке. Наличие детей и лиц, находящихся на иждивении, играет важную роль в процессе исследования коррупционных рисков, но мы не будем рассматривать его как фактор, способствующий совершению коррупционных правонарушений, так как исследование показывает, что 55,9 % опрошенных имеют лиц на иждивении, а 44,1 % нет. 68,6 % опрошенных не имеют финансовых обязательств (алименты, кредиты и т. д.) в размере, превышающем 25 % от денежного довольствия, и, как следствие, 66,8 % опрошенных оценивают свое материальное положение удовлетворительно [2, с. 126].

Опрос показал, что почти 85,8 % не имеют отношения к сфере закупок для нужд УИС, что позволит нам говорить о том, что в большей мере следует исследовать так называемую бытовую, внутреннюю коррупцию, которая существует в уголовно-исполнительной системе, но не касается государственных контрактов и сфер государственных закупок (при этом 60,2 % опрошенных считают возможность коррупционных проявлений в сфере закупок очень высокой).

Анализ данных о стаже службы работников УИС позволяет выявить наиболее характерные причины и условия специально-криминологического характера, благоприятствующие коррупции.

Результаты проведенного анкетирования показали, что стаж службы респондентов в уголовно-исполнительной системе составил до 1 года у 6,2 % опрошенных, от 1 до 5 лет – у 22,6 %, от 6 до 10 лет – у 32,0 %, более 11 лет – у 39,2 % опрошенных.

Таким образом, большинство опрошенных респондентов (93,8 %) имеют стаж службы в УИС более 5 лет, то есть довольно продолжительный срок службы.

Многочисленные научные исследования, проведенные в целях изучения коррупционных рисков и эффективности противодействия коррупции в сфере исполнения уголовных наказаний, свидетельствуют о том, что криминогенно активными являются работники УИС, имеющие относительно непродолжительный стаж службы в замещаемой должности, что и подтверждают результаты проведенного нами анкетирования.

Социально-демографическая характеристика личности сотрудника уголовно-исполнительной системы, описанная выше, показывает, что объектом исследования стал среднестатистический тип личности работника ФСИН России. Изученные криминологические рекомендации, анализ эмпирического материала позволяет утверждать, что проводимое нами исследование даст верные результаты и поможет объективно оценить складывающиеся антикоррупционные риски в уголовно-исполнительной системе России [3, с. 100].

71,0 % опрошенных считают проблему коррупции в УИС серьезной, причем указанный вывод основывается на сообщениях СМИ (48,7 %) и на служебной информации (35,3 %).

По мнению респондентов, наиболее подвержены риску коррупции руководство учреждений – 39,0 %, работники отдела безопасности – 28,3 %; сотрудники оперативного отдела – 19,3 %.

В среднем 20,0 % опрошенных осведомлены о фактах коррупции среди начальствующего состава УИС (рядовой, младший, средний, старший и высший начальствующий состав).

Анализ анкет позволил выявить, что 65,7 % опрошенных под коррупцией понимают получение взятки, 55,0 % – дачу взятки, 47,2 % опрошенных – содействие в получении

(даче) взятки, 58,4 % опрошенных – использование служебного положения в личных целях. Исходя из изложенного следует сделать вывод о том, что под коррупцией большинство сотрудников понимают взяточничество. Это подтверждается и результатом исследований, где 41,6 % респондентов в качестве наиболее распространенного коррупционного проявления называют взяточничество. Тем не менее 47,2 % опрошенных категорически отрицательно относятся к взяточничеству, а 35,4 % считают, что его необходимо избегать. Это подтверждается тем, что 76,8 % опрошенных сотрудников никогда не сталкивались с предложением дать взятку.

Проведенное социологическое исследование подтверждает общепринятые данные о том, что основными причинами коррупции в УИС являются: безнаказанность коррупционеров, отсутствие жестких мер по отношению к коррупционерам (36,1 %); низкий уровень денежного довольствия (зароботной платы) (34,9 %); моральная деградация, низкий образовательный и культурный уровень сотрудников УИС (23,8 %).

Впервые в рамках исследования подобного рода в анкету были включены вопросы, раскрывающие возможные коррупционные риски в деятельности конкретных структурных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. В результате обработки анкет мы выяснили, что факты коррупции (по мнению опрошенных) встречаются в ходе исполнения непосредственных должностных обязанностей сотрудниками. В подтверждение приведем примеры: оперативный отдел – доставка на территорию СИЗО/ИУ запрещенных предметов (55,8 %); воспитательный отдел – предоставление характеризующих материалов на осужденных (73,6 %), отдел безопасности (режима) – доставка на территорию СИЗО, ИУ запрещенных предметов (68,9 %), отдел специального учета – предоставление недостоверной справочной информации в отношении осужденных (58,9 %), отдел охраны – некачественный досмотр лиц, проходящих на территорию СИЗО, ИУ (45,9 %), доставка на территорию СИЗО, ИУ запрещенных предметов (56,4 %), отдел тылового обеспечения – присвоение и растрата горюче-смазочных материалов, продовольствия и другого имущества, принадлежащего учреждениям и органам УИС (65,4 %), центр трудовой адаптации – доставка на территорию СИЗО, ИУ запрещенных предметов (39,4 %), предоставление незаконных льгот и преимуществ заключенным (осужденным) (28,4 %), отдел кадров – прием на службу кандидата, не соответствующего требованиям (40,5 %), незаконное продвижение по службе (37,5%), финансово-экономический отдел – хищение денежных средств сотрудников, заключенных, осужденных (55,8 %), уголовно-исполнительные инспекции – умышленное непривлечение к ответственности осужденных, совершивших правонарушения в период отбывания наказания (38,2 %), подготовка материалов на освобождение от наказания за незаконное вознаграждение (31,6 %).

Работники УИС осведомлены о коррупционной ситуации в УИС, но только 42,0 % опрошенных интересуются изменениями антикоррупционного законодательства.

При выявлении наиболее распространенного коррупционного явления, 84,1 % респондентов ответили, что в их учреждении проявления коррупции отсутствуют, а 64,5 % – никогда не сталкивались с коррупционными проявлениями в своей жизни, 63,5 % – обязательно сообщат о фактах коррупционной деятельности сотрудников, с которыми они работают, 86,1 % опрошенных никогда не нарушат законодательство, даже если их попросят (прикажут) непосредственные руководители.

67,6 % опрошенных сотрудников сообщили бы о факте коррупционного правонарушения, если стали бы его свидетелями. Причем 50,9 % опрошенных сообщили бы об этом руководству учреждения.

56,9 % опрошенных сотрудников считают, что если им предложат совершить действие (бездействие) в интересах какого-либо лица, противоречащее интересам службы, то они обязательно сообщать о данном факте непосредственному начальнику.

В настоящее время активно апробируется способ сообщения о факте коррупционного правонарушения посредством телефонов доверия, но только 32,3 % опрошенных считают эту работу эффективной.

Исследование позволило определить факторы, способствующие снижению уровня коррупции в УИС: повышение уровня денежного довольствия – 75,5 %; неотвратимость и жесткость наказаний за коррупционные деяния – 56,9 %; систематическая разъяснительная работа с сотрудниками – 34,2 %.

Мы выявили также причины, влияющие на повышение уровня коррупции среди сотрудников УИС: слабые морально-этические качества личности сотрудников – 59,8 %; низкий уровень доходов сотрудников – 45,3 %; слабая психологическая устойчивость личности сотрудников – 42,7 %.

Основными причинами отказа сотрудника от дачи взятки являются: возможность решить вопрос законным способом – 37,9 %; опасение ответственности или провокации – 28,2 %.

В настоящее время в СМИ и в обзорах ФСИН России появились данные о приеме на службу в УИС сотрудников посредством протекционизма и кронизма, но только 39,4 % опрошенных видят в этом коррупционную составляющую, а 43,8 % – оценивают данное явление как нормальное.

Касаемо вопроса предоставления сотрудником УИС неполных или недостоверных сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, то 68,1 % опрошенных считают это явным правонарушением.

При возникновении конфликта интересов половина опрошенных сотрудников (52,6 %) считают обязательным сообщать об этом руководству (29,7 % не станут сообщать, если смогут разрешить конфликт интересов законным путем).

Таким образом, в ходе социологического исследования, проведенного среди сотрудников территориальных органов УИС, учреждений, непосредственно подчиненных ФСИН России, было изучено мнение 16 578 сотрудников о проблеме коррупции в УИС.

Следует отметить, что заполнение анкеты вызвало ряд трудностей. Не на все вопросы анкеты были получены ответы, имелось определенное количество противоречивых ответов, что ставит под сомнение искренность отдельных респондентов.

Можно сказать, что большинство опрошенных сотрудников негативно относятся к проблеме коррупции и считают, что с ней нужно бороться.

Чаще сталкиваются с проблемой коррупции сотрудники, занимающие высокие должности, – руководители учреждений, сотрудники отделов безопасности и оперативных подразделений.

Основной причиной коррупции, по мнению опрошенных, является то, что деятельность коррупционеров фактически остается безнаказанной, отсутствуют жесткие меры по отношению к коррупционерам. Многие сотрудники отмечают низкий уровень денежного довольствия в УИС.

Среди методов борьбы с коррупцией сотрудники УИС выбрали как наиболее эффективные: повышение уровня денежного довольствия и обеспечение неотвратимости наказания.

Таким образом, результаты проведенного исследования доказали, что о коррупции в настоящее время знают все. Подавляющее большинство сотрудников УИС понимают, что коррупция – это плохо. Сегодня разработаны и используются на практике анти-

коррупционные программы, планы и другие мероприятия. На борьбу с коррупцией мобилируются все общественные структуры. В этих условиях дальнейшее осмысление проблемы коррупции в УИС остается весьма актуальным.

На сегодняшний день проблема коррупции в УИС не решена и стоит остро вопрос коррумпированности отдельных сфер деятельности органов и учреждений УИС.

Кроме того, мониторинг позволил выявить ряд устойчивых закономерностей, препятствующих эффективному противодействию коррупции в УИС. К основным из них относятся: несовершенство организационной структуры противодействия коррупции; недостатки правового обеспечения деятельности оперативных, режимных и охранных подразделений; отсутствие надежных методик по оценке признаков и состояния коррупционной преступности, единой информационно-аналитической системы оперативно-розыскного назначения по линии противодействия коррупции, комплексного подхода к противодействию рассматриваемого явления; существенные недостатки в выявлении и документировании противоправной деятельности сотрудников, подозреваемых в коррупции.

Считаем, что во многом решение задач противодействия коррупции зависит от скоординированной работы всех звеньев УИС. Однако, учитывая, что коррупция в УИС порождена не только внутренними особенностями присущими этой службе, но и в большей степени той ситуацией, которая сложилась в обществе, результативность борьбы с ней в первую очередь зависит от последовательности и твердости проведения государством антикоррупционной политики.

Библиографический список

1. Гришин Д. А. Процессуальные аспекты взаимодействия при расследовании преступлений // Закон и право. 2017. № 12. С. 98–101.
2. Нуждин А. А. Структура тактических операций, проводимых в целях пресечения преступлений с использованием телекоммуникационных систем в исправительных учреждениях // Закон и право. 2016. № 10. С. 125–126.
3. Перемолотова Л. Ю. Анализ особенностей личности сотрудников УИС и их мнения о коррупционных рисках, возникающих при реализации возложенных должностных функций // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2018. № 1. С. 61–65.
4. Рахмаев Э. С., Паршков А. В. Результаты мониторинга реализации контрольно-надзорных (в том числе разрешительных) функций работниками исправительных учреждений и следственных изоляторов, осуществляющих режим и надзор за поведением подозреваемых, обвиняемых, осужденных // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5. С. 58–62.

УДК 343.228

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.330-334

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ АКИМОЧКИН,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий адвокатским кабинетом № 77/3-1751,
Адвокатская палата г. Москвы, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: 9230194@rambler.ru

К ВОПРОСУ О МНИМОЙ ОБОРОНЕ И ФАКТИЧЕСКОЙ ОШИБКЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Для цитирования

Акимочкин, В. И. К вопросу о мнимой обороне и фактической ошибке в уголовном праве / В. И. Акимочкин // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 3. – С. 330–334. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.330-334.

Аннотация. В настоящей статье проведено сравнительное исследование мнимой обороны в российском уголовном праве, а также в уголовном праве и в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран. Предпринята попытка проанализировать критерии правомерности действий обороняющегося лица в состоянии мнимой обороны, когда в объективной действительности общественно опасное посягательство отсутствует, и сравнить данное обстоятельство с юридической ошибкой. Предложено внести изменения в действующее законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: необходимая оборона, мнимая оборона, действительность посягательства, критерии правомерности, ошибка в уголовном праве.

Конституция Российской Федерации (ч. 2 ст. 45) определяет, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Данное положение нашло свое отражение, в частности, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», где отмечено, что уголовно-правовая норма о необходимой обороне, являясь одной из гарантий реализации конституционного положения о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, обеспечивает защиту личности и прав обороняющегося, других лиц, а также защиту охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства.

Под необходимой обороной, согласно ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), следует понимать правомерную защиту личных, общественных и го-

---

© Акимочкин В. И., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

сударственных интересов, охраняемых уголовным законом от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему такого вреда, который внешне сходен с преступлением. При отражении посягательства без причинения вреда посягающему или с причинением вреда, не имеющего сходства с общественно опасным деянием, указанным в уголовном законе, защиту нельзя рассматривать как необходимую оборону.

Необходимая оборона является правомерной при наличии совокупности условий (признаков), характеризующих посягательство и защиту от него.

Как известно, одним из условий правомерности необходимой обороны, наряду с общественной опасностью посягательства и его наличием, является *действительность посягательства*. Посягательство вполне реально должно существовать, а не быть лишь в воображении обороняющегося, как и действия, против которых предпринята защита, не только внешне, но и по сути должны быть общественно опасными и порождающими право на необходимую оборону.

В судебной практике нередко встречаются случаи осуществления оборонительных действий против лица, поведение которого ошибочно воспринимается как общественно опасное действие, хотя объективно таковым не являлось. В частности, в приговоре № 1-12/2014 Татищевского районного суда Саратовской области от 17 февраля 2014 г. указано: «...как в ходе следствия, так и в судебном заседании установлено, что потерпевший лопатой ни на кого не замахивался, ударов никому не наносил, угроз причинения вреда лопатой не высказывал, о помощи Устинова С. И. не просил, в связи с чем отсутствовала какая-либо необходимость нанесения удара ножом потерпевшему, то есть отсутствовало состояние необходимой обороны» (<https://rospravosudie.com/vidpr-ugolovnoe>).

В теории уголовного права и в судебной практике такие случаи называются мнимой обороной. Под мнимой обороной следует понимать защиту от объективно не существующего посягательства. В подобной ситуации лицо ошибочно полагало, что имело место общественно опасное посягательство, чаще нападение, от которого оно активно защищалось, причинило вред охраняемым законом интересам, тогда как в этом никакой необходимости не было, поскольку посягательства объективно не существовало. Как раз признак действительности является ключевым понятием, позволяющим отграничить необходимую оборону от мнимой обороны.

Если мы внимательно проанализируем ст. 37 УК РФ, то не обнаружим там определения мнимой обороны, поскольку мнимая оборона не уголовно-правовая категория, она не предусмотрена положениями УК РФ. Мнимая оборона – это исключительно научное понятие, призванное помочь разобраться в случаях, когда оборона не укладывается в рамки ст. 37 УК РФ.

В п. 16 вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации определено, что судам необходимо различать состояние необходимой обороны и состояние мнимой обороны, когда отсутствует реальное общественно опасное посягательство и лицо ошибочно предполагает его наличие. Пленум разъясняет, что в тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны. При этом лицо, превысившее пределы защиты, допустимой в условиях соответствующего реального посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или с непосредственной угрозой применения такого насилия, подлежит ответственности за превышение пределов необходимой обороны.

В тех случаях, когда лицо не осознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, его действия подлежат квалификации по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления, совершенные по неосторожности.

Если общественно опасного посягательства не существовало в действительности и окружающая обстановка не давала лицу оснований полагать, что оно происходило, действия лица подлежат квалификации на общих основаниях.

При мнимой обороне, как было указано выше, субъект причиняет вред другому лицу, ошибочно воспринимая его поведение как общественно опасное посягательство на охраняемые законом права и интересы, то есть полагая, что он правомерно защищается либо защищает иных лиц от такого общественно опасного посягательства.

Действия лица, находящегося в состоянии мнимой обороны, отличаются от необходимой обороны, так как они всегда объективно общественно опасны, поскольку мнимая оборона направлена на отражение не существующего в действительности посягательства. Н. Д. Дурманов в свое время об этом писал: «Все обстоятельства, характеризующие необходимую оборону, при мнимой обороне отсутствуют, но в представлении лица, действующего в состоянии мнимой обороны, эти обстоятельства, прежде всего наличие общественно опасного посягательства, имеются» [5].

Существует мнение о том, что не вполне справедливо рассматривать правовые последствия мнимой обороны только с точки зрения условий правомерности необходимой обороны. В данном случае важное значение имеет и иная составляющая, а именно правильное поведение лица и восприятие им ситуации с точки зрения субъективной стороны состава преступления, то есть учитывая правовые последствия деяния, совершенного в условиях фактической ошибки.

Ошибка в уголовном праве – это заблуждение лица, совершающего какое-либо деяние, чаще действие относительно фактических обстоятельств, определяющих характер и степень общественной опасности этого деяния, его юридической характеристики и последствий.

Фактической ошибкой принято считать неверное представление лица о фактических обстоятельствах совершенного им деяния, играющих роль объективных признаков состава конкретного преступления, определяющих характер преступления и степень его общественной опасности. Например, в ситуации мнимой обороны лицо ошибочно считает свои действия социально нейтральными или социально полезными, в то время как объективно они являются социально опасными. По этому поводу правильное замечание сделал С. Ю. Учитель, констатируя, что мнимая оборона не подпадает под понятие необходимой обороны, так как здесь нет нападения, поэтому исключается и защита [4, с. 57]. Следовательно, если мнимая оборона – это оборона, направленная против воображаемого, кажущегося, но фактически не существующего в объективной действительности посягательства, то ее юридические последствия следует определять по правилам о фактической ошибке.

Вывод этот вполне очевиден, поскольку при необходимой обороне обязательно присутствует общественно опасное посягательство, а если этого общественно опасного посягательства нет, то нет и права на необходимую оборону. При мнимой обороне такого общественно опасного посягательства нет, оно отсутствует в принципе. Следовательно, в первом случае работает правило необходимой обороны вместе с условиями, ей принадлежащими, во втором – должен действовать какой-то иной институт, поскольку необходимая оборона и право на нее отсутствуют. Этим

институтом и является учение об ошибке. Мнимая оборона и есть тот самый частный случай фактической ошибки.

В Уголовном кодексе Российской Федерации нет нормы, регламентирующей вопросы юридической и фактической ошибки, законодательно данное обстоятельство не закреплено и является, как и вопрос мнимой обороны, исключительно теоретическим понятием, но если мы проанализируем уголовные кодексы зарубежных стран, то непременно найдем в них подтверждение указанному умозаключению.

Так, в частности, в ст. 30 Уголовного кодекса Латвийской Республики определено, что оборона считается мнимой в том случае, когда не было реального нападения, лицо по ошибке считало, что такое нападение совершается. В случаях, когда обстоятельства происшествия давали основание для предположения, что совершается реальное нападение, а лицо, применившее средства обороны, не сознавало ошибочности такого предположения, к тому же оно не могло и не должно было сознавать его ошибочность, действия этого лица расцениваются как необходимая оборона. В ч. 4 данной статьи определено, что лицо, причинившее мнимому нападавшему вред, соответствующий признакам преступного деяния, и не осознававшее мнимость нападения, хотя при конкретных обстоятельствах оно должно было и могло сознавать его мнимость, подлежит ответственности за данное деяние как за совершенное по неосторожности.

Уголовный кодекс Украины конкретно закрепляет понятие мнимой обороны. Так, в ст. 37 УК Украины определено, что мнимой обороной признаются действия, связанные с причинением вреда при таких обстоятельствах, когда реального общественно опасного посягательства не было, и лицо, неправильно оценивая действия потерпевшего, лишь ошибочно допускало наличие такого посягательства.

Согласно ч. 2 ст. 37 УК Украины мнимая оборона исключает уголовную ответственность за причиненный вред лишь в случаях, когда сложившаяся обстановка давала лицу достаточные основания считать, что имело место реальное посягательство, и оно не осознавало и не могло осознавать ошибочности своего предположения.

Уголовные кодексы Грузии (ст. 36), Беларуси (ст. 37), а также Франции (ст. 122-3), ФРГ (§ 16, 17) и Испании (ст. 14) оценивают данное обстоятельство по правилам юридической ошибки [3].

Вопрос о необходимости включения в УК РФ института ошибки неоднократно обсуждался рядом ученых-криминалистов. Следует также отметить, что институт ошибки в уголовном праве был отражен в одном из первых проектов УК РФ на стадии его разработки и подготовки, но законодатель по какой-то причине не включил его в окончательный вариант УК РФ.

В целях устранения возникающих противоречий при квалификации действий субъекта в случае причинения им вреда в ситуации мнимой обороны предлагается дополнить ст. 37 УК РФ ч. 2.2 и изложить ее в следующей редакции: «2.2. Действия лица, причинившего вред в состоянии мнимой обороны, то есть когда общественно опасное посягательство отсутствовало в реальной действительности, оцениваются по правилам фактической ошибки».

Библиографический список

1. Верина Г. В. Концептуальные основы современного российского уголовного законодательства: противоречия и пути их преодоления // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 6. С. 101–105.

2. Ключев А. А. Практика применения судами Российской Федерации положений об обстоятельствах, исключающих преступность деяния : науч.-практ. пособие. М., 2016. 208 с.

3. Пипия А. Г. Институты Общей части уголовного права современного зарубежного государства (Франция, Испания, США, ФРГ, Италия) : науч.-практ. пособие. М., 1993. 160 с.

4. Учитель С. Ю. Необходимая оборона и ее роль в правоохранительной деятельности. М., 2004. 177 с.

5. Дурманов Н. Д. Советское уголовное право: обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния. Часть Общая / под ред. М. А. Гельфер, П. И. Гришаев, Б. В. Здравомыслов. М., 1961. Вып. 9. 45 с.

УДК 343.346

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.335-342

ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА КУФЛЕВА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: val_swatch@mail.ru;

ДАНИИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ СОБОЛЕВ,

студент юридического факультета,
Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация;

ВЛАДИСЛАВ ВАЛЕРЬЕВИЧ ФИРСОВ,

студент юридического факультета,
Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БЕСПИЛОТНОГО ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА

Для цитирования

Куфлева, В. Н. Проблемные аспекты квалификации преступлений с использованием беспилотного транспортного средства / В. Н. Куфлева, Д. В. Соболев, В. В. Фирсов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 3. – С. 335–342. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.335-342.

*Ручное управление в будущем станет незаконным,
так как глупо доверять человеку
управление двухтонной машиной смерти.*

Илон Маск

Аннотация. Беспилотные транспортные средства имеют значительное число недостатков и технологических брешей, нередко создающих опасность для общества. Однако становится очевидно, что за этой технологией будущее. Ее концептуальные аспекты позволяют перестроить целую сферу общественной жизни, не стоит забывать, что транспортная инфраструктура на сегодняшний день является эпицентром человеческой коммуникации и основой международной миграции. Новые стандарты безопасности способны сократить в разы число дорожно-транспортных происшествий, а слаженная, единая система управления дорожными потоками создаст совершенно новые условия продуктивности и экономической эффективности государств, ее использующих. Несмотря на достаточно короткий временной промежуток массового использования беспилотных транспортных

© Куфлева В. Н., Соболев Д. В., Фирсов В. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

средств, уже сформировались тенденции будущей статистики, которая в скором времени станет лейтмотивом политики интеграции автопилотов в нашу жизнь.

В статье рассмотрены проблемные вопросы квалификации преступлений и определения ответственного лица за дорожно-транспортное происшествие с использованием беспилотного транспортного средства. Осуществлен обзор случаев с летальным исходом, а также приведены потенциально возможные способы применения беспилотных транспортных средств в качестве орудия и средства преступления, сделан акцент на коллизионных моментах. Указаны пути возможного решения сложившихся проблем посредством внесения изменений в уголовное законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: беспилотное транспортное средство, автопилот, дорожно-транспортное происшествие, искусственный интеллект, Tesla, Автонет, автоматизация, роботизация.

Введение

Поколению нынешнего миллениума посчастливилось оказаться в эпицентре бушующего информационно-технологического прогресса, неустанно меняющего и перекраивающего окружающую действительность. Авангардом данного процесса по праву является всеобъемлющая информатизация, внедряющая цифровую инфраструктуру во все сферы жизни общества. Одними из значимых ответвлений информатизации становятся автоматизация и роботизация, развитие которых непосредственно влияет на нашу повседневность, делая ее бытовую часть проще, а профессиональную – эффективнее.

Электронно-вычислительные машины (ЭВМ) во многих их формах уже давно стали неотделимой частью жизни общества, а также ее профессиональной сферы, в связи с чем компании-разработчики, стараясь удовлетворить максимальный объем потребностей, конструируют и внедряют все более новые и современные проекты. Некоторые из них настолько новаторские, что создают брешь в рамочной структуре нормативно-правового регулирования, побуждая законодательную ветвь к активным правотворческим действиям, а иногда создают «юридические развилки» без единственно правильного решения.

К технологиям такого формата можно отнести уже давно нашумевшую и постепенно захватывающую рынок систему автоматического управления автомобильным транспортом.

Основная часть

Для детального разбора указанного феномена прежде всего стоит разобраться с его дефиницией.

Беспилотным автомобилем принято считать самоуправляемое транспортное средство, ориентирующееся в пространстве с помощью радаров, систем стереозрения, спутниковой навигации, гиросtabilизатора, камер, дальномеров оптического распознавания и других технических средств, информацию от которых получает и обрабатывает искусственный интеллект, принимающий на основании указанных данных решение о наиболее правильном в конкретном месте и времени действии, в соответствии с заложенной программой.

Сегодня началась масштабная интеграция беспилотных автомобилей в общественную жизнь, основные концерны «Tesla», «Mercedes», «BMW» и «Toyota» запустили полномасштабное серийное производство, привлекая миллиардные инвестиции в дальней-

шее развитие технологии. По прогнозам, суммарный объем рынка должен достигнуть 1 триллиона долларов США.

Несмотря на радужные перспективы и многолетний опыт тестирования и разработки автопилота, к сожалению, имеются случаи летального исхода.

В январе 2016 г. в провинции Хэбэй (Китай) автомобиль Tesla на большой скорости врезался в мусороуборочную машину. 23-летний Гао Янинг получил ранения, несовместимые с жизнью, и скончался на месте. Местные правоохранительные органы признали виновным в ДТП водителя, однако его отец не согласился с таким решением и обратился с иском к «Tesla» в суд. Разбирательства шли около двух лет. Так как повреждения транспортного средства оказались слишком критичными, бортовой аппарат не подлежал восстановлению, поэтому извлечение всей информации оказалось невозможным. Неизвестно, был ли включен автопилот или осуществлялось ручное управление. Сама компания в ходе расследования не отрицала возможности сбоя системы из-за густого тумана, возможно, ставшего причиной аварии, так как датчики могли не распознать имеющееся препятствие. Однако, исследовав все материалы дела, суд пришел к выводу о том, что на прямой трассе, препятствие должно было стать заметным в среднем за 30 секунд до столкновения, что предполагает вероятное нахождение водителя в состоянии сна. Это, в свою очередь, прямо противоречит правилам эксплуатации автомобиля «Tesla» [1].

Следующим случаем стала авария со смертельным исходом, произошедшая 7 мая 2016 г. в штате Флорида (США). Автомобиль Tesla взрезался на перекрестке трассы в прицеп фуры. Согласно материалам дела, водитель с нарушением скоростного режима двигался по трассе. Примерно в 250 м впереди грузовая фура начала поворот из дальнего ряда. Автопилот не среагировал, так как белый окрас прицепа и высокий просвет над дорогой слились на фоне яркого неба. Автоматические тормозные системы не активировались, и машина прошла под прицепом, после чего слетела с трассы, сбив ограждения, и разбилась о столб линии электропередач [2]. По итогам расследования, Национальная администрация безопасности дорожного движения США, как и в предыдущем случае, признала автопилот невиновным, так как он является (согласно документации) системой оказания содействия и подразумевает контроль со стороны водителя, который, в свою очередь, имел не менее 7 секунд для адекватного реагирования в произошедшей ситуации [3].

18 марта 2018 г. в штате Аризона (США) автомобиль Volvo XC90, двигаясь в автономном режиме со скоростью 60 км/ч сбил женщину, переезжавшую дорогу на велосипеде, она скончалась в больнице. Автомобиль находился под контролем тестового автопилота Uber. В отчетах полиции указано, что гражданка Хецберг осуществляла пересечение трассы вне пешеходного перехода, неожиданно и на крайне малом расстоянии от транспортного средства, вследствие чего среагировать вовремя не успели ни водитель, ни система управления. Однако до недавнего времени спорным фактом оставалось отсутствие следов торможения. Первый анализ бортового аппарата не показал каких-либо попыток затормозить, то есть, сбив человека, автомобиль продолжил движение [4]. В июле 2018 г. были опубликованы новые подробности инцидента. Следствием был установлен факт сбоя технических настроек автопилота. Существует функция распознавания мелких, незначительных помех на трассе, не требующих экстренного торможения, таких как мусор. По непонятным причинам к данной категории система отнесла и сбитую велосипедистку. В компании Uber отказались давать комментарии по этому поводу [5].

Становится очевидным, что технология автопилота до сих пор несовершенна, имеются технические недочеты и возможны аппаратные сбои. Тем не менее правоохранители многих зарубежных стран опасаются не только этого. Пробелы в действующем законодательстве создают предпосылки (благоприятные условия) для совершения с помощью автопилота других правонарушений и преступлений, тем более что концепция данной технологии детерминирует вероятность использования автомобиля не только как средство, но и как орудие или даже предмет совершения преступления.

Убийство. Автомобиль достаточно часто становился орудием преступления в руках преступников. При движении даже на небольшой скорости пешеход становится практически беззащитен во время столкновения. Однако в данной ситуации методы криминалистики позволяют определить виновного, и противоречий в уголовном законодательстве не возникает. При использовании автопилота совершенно иная ситуация. На сегодняшний день не только в уголовном законодательстве РФ отсутствует дифференциация лица, ответственного за ДТП с использованием беспилотного автомобиля. Нет императивного обязательства хранить черный ящик со всей информацией. Такие пробелы создают потенциальную возможность при совершении убийства переложить ответственность на техническое устройство и избежать наказания.

Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов. Федеральное бюро расследований США в своем докладе, касающемся беспилотных транспортных средств, сделало акцент не только на их пользу, но и на существенную опасность, определив их как потенциальное «смертоносное оружие». Создавая условия многофункциональности путем освобождения обеих рук, автопилот позволяет преступникам отстреливаться во время погони, в разы повышая опасность для преследующего их эскорта [6].

Кража и неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон). Так как управление всеми системами транспортного средства осуществляется через бортовой компьютер, подверженный программному вмешательству, как и любое другое цифровое устройство, возникает возможность удаленного перехвата управления автомобилем, внесение в его программный код пагубных изменений и других неправомерных вмешательств со стороны злоумышленников. Это, в свою очередь, создает риск использования транспортного средства для совершения общественно опасных деяний.

Террористический акт. Возможности минирования автомобиля и программирование маршрута до цели также нашли отражение в указанном выше докладе ФБР. Технология беспилотного управления уже неоднократно использовалась террористическими группировками и не только. Сирийские боевики активно применяют самодельные беспилотные летательные аппараты (БПЛА), начиненные взрывчаткой. В августе 2018 г. произошло покушение на президента Венесуэлы с использованием БПЛА, впоследствии было ранено 7 человек. Не обошли стороной события такого рода и РФ. В 2017 г. был предотвращен террористический акт с использованием БПЛА, целью которого должны были стать здания регионального управления МВД и ФСБ Республики Ингушетия [7]. Такие же возможности открывает технология автопилота с той лишь разницей, что во многих странах уже запрещены полеты дронов над территориями городов и существуют специальные отряды по контролю воздушного пространства, а в случае автопилотируемого транспортного средства такой сценарий априори невозможен.

Похищение человека. Как и в случае с угонем, возможна ситуация, когда с помощью дистанционного вмешательства двери будут заблокированы, а в силу физических или технических характеристик находящийся внутри водитель или пассажир не сможет раз-

бить окна и выбраться наружу. Получив контроль над движением автомобиля, человека можно доставить в любое удобное место.

Шпионаж и нарушение неприкосновенности частной жизни. Современные бортовые компьютеры практически всех автомобилей класса Е и выше оснащены аудио- и видео записывающими устройствами как для голосовых команд, так и для бесконтактного общения по телефону. Получив доступ к этим устройствам, преступники могут собирать конфиденциальную информацию о водителе и его пассажирах.

Следующие преступления вытекают из предыдущего пункта. Это *вымогательство (шантаж)*. Завладев указанной выше информацией, злоумышленники могут осуществлять давление на человека с целью получения выгоды имущественного характера либо навязывания объекту посягательства своей воли.

Умышленное уничтожение или повреждение имущества. На почве ненависти, вражды, из мести либо с целью ухудшения положения конкурирующей стороны возможно направление запрограммированного беспилотного транспортного средства в витрины магазинов, киоски, на рыночные площади, в другие автомобили и т. д. Возникает ситуация, когда преступник может переложить ответственность на программное обеспечение и его неисправность.

Кроме того, остается неизвестным поведение искусственного интеллекта в условиях крайней необходимости, например, в безвыходной ситуации, когда каждое действие сопряжено со 100 %-м риском. Рассмотрим ситуацию. Двухсторонняя трасса, две полосы, металлические ограждения и остановка по стороне движения беспилотного автомобиля. Человек на остановке выбегает прямо перед машиной, времени затормозить нет, по встречной полосе сплошной трафик. Какое решение примет автопилот? Попытается обойти по правой стороне и с большой вероятностью собьет людей на остановке? Сделает более крутой поворот вправо и разобьется об ограждения с риском для водителя? Выйдет на встречную полосу и попадет в аварию со встречным автомобилем или по заданным правилам дорожного движения продолжит путь и собьет виновного пешехода? Таких ситуаций может быть огромное количество. Заложить их все в программу практически невозможно, то есть рамки области действия остаются открытыми, а устанавливая на борт автомобиля искусственный интеллект, мы преднамеренно даем возможность самообучения автопилоту, после чего предвидеть его действия становится крайне затруднительно.

Следовательно, несмотря на огромное число положительных качеств, у этой технологии имеются и свои недостатки, которые на данный момент не устранены: ненадежность программного обеспечения; потеря приватности; исчезновение рабочих мест; проблемы с установлением ответственного лица. Последний из перечисленных недостатков сохраняет статус дискуссионного вопроса по сей день. Законодатели разных стран не могут сойтись в едином мнении относительно определения виновного в дорожно-транспортном происшествии с участием беспилотного автомобиля: компания-разработчик программного обеспечения, производитель самого транспортного средства или водитель. Прогрессивнее всех предложение ученого-юриста из Йельского университета Йинга Ху, выдвинувшего идею об уголовной ответственности искусственного интеллекта. По его мнению, наказание может включать в себя деактивацию, перепрограммирование или просто объявление робота преступником [8].

Государственная Дума РФ в ходе заседания круглого стола пришла к выводу о том, что ответственности должен подлежать только водитель, а каждый автомобиль должен быть оснащен бортовым ящиком, записывающим всю информацию. Однако пока

эти обсуждения остаются на уровне полемики, хотя параллельно идет масштабная интеграция автопилотируемых транспортных средств в нашу жизнь. Принимаются соответствующие административные акты, например постановление Правительства РФ от 29 марта 2018 г. № 535-р, которым утвержден план мероприятий по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Автонет».

Многие зарубежные законодатели склоняются в сторону подхода, подразумевающего объединение автопилота и роботов в одну категорию, что не лишено смысла. Внутри этого подхода имеются расхождения, касающиеся правовой природы роботов. Судебная практика США показывает, что роботы отождествляются с техническим устройством, всецело зависящим от воли человека, поэтому за любым действием машины стоит управляющее лицо. Комиссия Европейского Парламента пошла дальше и сфокусировалась на необходимости дифференцировать роботов по степени автономности, однако на сегодняшний день вопрос такой классификации остается открытым.

Какое бы решение на сегодняшний день ни было принято, стоит признать, что мы не можем в полной мере отделить автопилотируемое средство от человека, ведь это не в последнюю очередь создаст коллизии в гражданском праве, а именно в том же вопросе, который обозначен в рамках уголовно-правового исследования: кто является субъектом юридической ответственности?

Выводы и заключение

Таким образом, единственно верное решение в данном случае отсутствует. С одной стороны, невозможно обособить неодушевленный предмет от человека, с другой – этот предмет наделен возможностью самостоятельно принимать решения. Разработка классификации автономности также не приведет к желаемому результату и не поможет в решении вопроса, так как техническое устройство не может быть субъектом уголовной ответственности. Очевидна бесперспективность однополярного подхода, так как он в любом случае не позволит в полной мере справедливо урегулировать все потенциальные случаи. Однако, базирясь на принципах уголовного права, считаем необходимым создать правовую «канву» для дальнейшего поэтапного реформирования целого пласта законодательства, которое позволит максимально безболезненно имплантировать технологию автопилотирования транспортных средств в правовое поле Российской Федерации. В связи с этим необходимо:

1. Дополнить постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О правилах дорожного движения»:

п. 1.2 следующими терминами: «беспилотное транспортное средство»; «ответственное лицо беспилотного транспортного средства»; «черный ящик беспилотного транспортного средства»; «управление беспилотным транспортным средством»; «система управления беспилотным транспортным средством»;

п. 2.3 подпунктом 2.3.5 следующего содержания: «В случае использования системы управления беспилотным транспортным средством обязан осуществлять контроль за движением беспилотного транспортного средства»;

приложение к постановлению «Перечень неисправностей и условий, при которых запрещается эксплуатация транспортных средств» п. 8 «Система управления беспилотным транспортным средством».

2. Внести изменения в Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» касательно правил эксплуатации беспилотного транспортного средства.

3. Изложить ст. 264.2 «Нарушение правил эксплуатации беспилотного транспортного средства» в следующей редакции: «Нарушение лицом, управляющим беспилотным автомобилем либо другим беспилотным транспортным средством, правил эксплуатации беспилотных транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека, – наказывается...». Дополнить статью следующим примечанием: «Под лицом, управляющим беспилотным автомобилем, в настоящей статье понимается лицо, осуществляющее управление как непосредственно из салона автомобиля, так и дистанционно, находясь за его пределами».

4. Дополнить УК РФ ст. 266.1 «Производство, сбыт и выпуск в эксплуатацию систем управления беспилотным транспортным средством с техническими неисправностями» следующего содержания:

«1. Производство, сбыт и выпуск в эксплуатацию технически неисправных систем управления беспилотным транспортным средством лицом, ответственным за техническое состояние систем управления беспилотным транспортным средством, – наказывается...

2. Те же деяния, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека, – наказываются...».

5. Дополнить УК РФ ст. 326.1 «Подделка, уничтожение или незаконное внесение изменений в черный ящик беспилотного транспортного средства», изложив ее в следующей редакции: «Подделка или уничтожение черного ящика беспилотного транспортного средства, а также незаконное внесение изменений в черный ящик беспилотного транспортного средства в целях совершения преступления либо облегчения его совершения или сокрытия, – наказывается...».

Таким образом, технология беспилотного транспортного средства имеет значительное число недостатков и технологических брешей, создающих опасность для общества, а также серьезные препоны в деятельности правоохранительных органов. Однако, взглянув со стороны контрполярного по отношению к указанному выше подходу, понимаем, что за этой технологией, как и многими другими, будущее. Ее концептуальные аспекты позволяют перестроить целую сферу общественной жизни, не стоит забывать, что транспортная инфраструктура на сегодняшний день является эпицентром человеческой коммуникации и основой международной миграции. Новые стандарты безопасности способны сократить в разы число дорожно-транспортных происшествий, а слаженная, единая система управления дорожными потоками создаст совершенно новые условия продуктивности и экономической эффективности государств, ее использующих. Несмотря на короткий временной промежуток массового использования беспилотных транспортных средств, уже сформировались тенденции будущей статистики, которая в скором времени станет лейтмотивом политики интеграции автопилотов в нашу жизнь. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно в результате ДТП погибает 1,35 млн человек. В период с 2016 по 2018 год суммарное количество ДТП с летальным исходом составило более 2 500 000 случаев [9]. Нельзя отрицать, что обычных автомобилей в разы больше, однако (по примерным подсчетам) в указанный временной период соотношение беспилотных и обыкновенных автомобилей колебалось в районе 1 к 10 000. Следовательно, на каждые 250 ДТП приходится лишь 3 с использованием автопилота, что означает снижение риска в 83 раза. Так как прогресс не стоит на месте, то вполне очевидно, что в ближайшее время общество сможет получить новое и современное средство передвижения, что приведет к значительному сокращению числа аварий и установлению нового стандарта дорожной безопасности.

Библиографический список

1. Смертельное ДТП Tesla в Китае – и вновь Autopilot. URL : <https://www.2000.ua/novosti/za-rulem/smertelnoe-dtp-tesla-v-kitae---i-vnov-autopilot.htm> (дата обращения: 10.01.2019).
2. Китаец два года судится с Tesla из-за смерти сына // Популярная механика. URL : https://www.popmech.ru/vehicles/412602-kitaec-dva-goda-suditsya-s-tesla-iz-za-smerti-syna/?utm_source=twitter&utm_medium=social&utm_campaign=targetings-PopMechanics&utm_content=rssnewsvehicles&utm_term=20180301-412602-tw#0_8_4122_14149_705_182894591 (дата обращения: 10.01.2019).
3. Автопилот Tesla признан невиновным в ДТП со смертельным исходом // 3DNews Daily Digital Digest. URL : <https://3dnews.ru/946196> (дата обращения: 10.01.2018).
4. Это было неизбежно: беспилотник настиг новую жертву // Газета.ру. URL : https://www.gazeta.ru/auto/2018/03/20_a_11689327.shtml (дата обращения: 12.01.2019).
5. Беспилотный Uber сбил женщину в Аризоне из-за особенностей программы. Автопилот заметил ее, но продолжил движение // Медуза. URL : <https://meduza.io/news/2018/05/08/bespilotnyy-uber-sbil-zhenschinu-v-arizone-iz-za-osobennostey-programmy-avtopilot-zametil-ee-no-prodolzhil-dvizhenie> (дата обращения: 14.01.2019).
6. FBI warns driverless cars could be used as «lethal weapons» // The Guardian. URL : <https://www.theguardian.com/technology/2014/jul/16/google-fbi-driverless-cars-leathal-weapons-autonomous> (дата обращения: 14.01.2019).
7. Террокоптер: как бандиты с помощью дрона хотели взорвать МВД и ФСБ // РИА-новости. URL : <https://ria.ru/incidents/20180207/1514160209.html> (дата обращения: 16.01.2019).
8. Роботы должны нести уголовную ответственность // Хайтек. URL : <https://hightech.fm/2017/04/04/intelligence-systems> (дата обращения: 10.01.2019).
9. Дорожно-транспортные травмы // Всемирная организация здравоохранения ООН. URL : <http://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/road-traffic-injuries> (дата обращения: 10.01.2019).

УДК 343.914

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.343-351

МАРИНА ВЛАДИСЛАВОВНА МИНСТЕР,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры уголовного права,

Новосибирский юридический институт (филиал)

Национального исследовательского Томского государственного университета,

г. Новосибирск, Российская Федерация,

e-mail: mminster1@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Для цитирования

Минстер, М. В. Некоторые условия, способствующие совершению рецидива преступлений лиц женского пола / М. В. Минстер // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 3. – С. 343–351. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.343-351.

Аннотация. В статье рассматривается ряд условий, способствующих рецидиву преступлений. Анализ норм международных документов (Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными, Международный пакт о гражданских и политических правах; Правила, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы), а также отечественного законодательства показал, что комплекс мер исправительного воздействия в период отбывания наказания – важная составляющая социальной реабилитации осужденных, результатом которой является законопослушная и самостоятельная жизнь после освобождения.

На основании проведенного исследования практики подготовки женщин к освобождению из исправительных учреждений, а также субкультуры женщин, осужденных к лишению свободы, анализа статистических данных можно сделать вывод о том, что наибольшее негативное воздействие на совершение рецидива преступлений оказывают неэффективность процесса ресоциализации женщин и отрицательное влияние на них асоциальной субкультуры. Асоциальная субкультура определяет их линию поведения, происходящие в исправительных колониях криминогенные и криминальные процессы, отрицательно влияет на нравственную деформацию личности, усиливает сферу криминогенности и представляет собой концентрированное отрицательное явление, воздействующее на результаты ресоциализации. Кроме того, криминогенность семьи и близкого окружения, негативное отношение общества к женщинам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, представляют собой дополнительную проблему адаптации на свободе.

© Минстер М. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

В целях снижения рецидива преступлений необходимо совершенствовать программы подготовки осужденных женщин к освобождению, оказания действенной помощи в решении их постпенитенциарных проблем, а также создавать условия для восстановления социальных полезных связей.

Ключевые слова: рецидив преступлений, осужденные женщины, лишение свободы, ресоциализация, криминальная субкультура.

Современная уголовная политика в значительной мере направлена на гуманизацию всей уголовной юстиции и дифференциацию мер уголовной ответственности и наказания. Целью государственной уголовной политики является сокращение преступности до минимально возможного уровня и обеспечение надежной безопасности граждан, общества и государства от криминальных угроз [1, с. 30]. Состояние рецидивной преступности свидетельствует об эффективности государства в сфере борьбы с преступностью. Мерам противодействия данного вида преступности уделяется большое внимание исследователями в области уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии. Главная детерминанта рецидивной преступности женщин заключается в преобладании в сознании и поведении женщины глубокой антиобщественной установки, которая является следствием совокупности экономических, социальных, психологических и нравственных причин и условий, объективно существующих в обществе.

В настоящее время состояние женской преступности определяется изменением ее качественных характеристик, увеличением доли тяжких и особо тяжких преступлений, насильственным характером преступного поведения, организованностью и профессионализмом совершения преступлений, повторностью и омоложением преступности. Так, о криминализации несовершеннолетних лиц женского пола свидетельствует их преступное поведение, характеризующееся агрессивностью, дерзостью, цинизмом, что проявляется в повышении интенсивности и многоэпизодности их преступной деятельности.

В большей степени у теоретиков и практических работников вызывает озабоченность рост рецидивной преступности лиц женского пола, поскольку совершение преступлений во второй и более раз свидетельствует о стойкости антиобщественной ориентации личности, ее открытом противопоставлении правопорядку, общественной нравственности и стремлении обогащения преступным путем, несмотря на принятые в отношении ее меры уголовно-правового и уголовно-исполнительного характера [2, с. 3].

Анализ международных стандартов показывает, что проблема защиты общества от преступлений может быть решена только в том случае, если изоляция используется для обеспечения реинтеграции осужденных в общество после освобождения с тем, чтобы они могли вести законопослушную и самостоятельную жизнь. Осужденные являются частью общества – подавляющее большинство после освобождения может принести пользу и выполнять положительную роль в обществе. Адаптация в обществе без получения образования, профессии, знаний, чтобы справиться на свободе, неизбежно приведет к негативным последствиям для них, их семей и близкого окружения.

Изучение мировой практики показывает, что существует множество причин, по которым места лишения свободы не могут обеспечить надлежащие реабилитационные программы для всех осужденных, так как не имеют ресурсов для осуществления соответствующих мероприятий. В других случаях существующие схемы достаточно плохо приспособлены к индивидуальным потребностям или доступны только незначительному числу осужденных.

Женщины по-прежнему составляют меньшинство в пенитенциарных учреждениях, около 7 % мирового тюремного населения. По последним данным, в настоящее время более 714 000 женщин отбывают наказание в виде лишения свободы [3, с. 16]. Несмотря на сравнительно небольшую часть данной категории лиц от общего числа осужденных, вопросы адаптации в период отбывания наказания в виде лишения свободы, состояния психического здоровья, эффективности исправительного воздействия и ресоциализации вызывают интерес у многих зарубежных и отечественных исследователей в области уголовно-исполнительного права, юридической и пенитенциарной психологии.

Согласно международным стандартам тюремные системы должны быть реабилитационными и учитывать гендерную специфику потребности женщин в социальной реинтеграции. Так, в Международном пакте о гражданских и политических правах, основной целью обращения с заключенными указывается их исправление и социальная реабилитация.

В соответствии с Минимальными стандартными правилами в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) целями вынесения приговора о лишении свободы являются защита общества от преступников и сокращение случаев рецидива. Эти цели могут быть достигнуты только в том случае, если время заключения используется для обеспечения реинтеграции лиц в общество после их освобождения, чтобы они могли вести законопослушный и самостоятельный образ жизни [пр. 4 (1)].

Правила, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила), рекомендуют сокращение применения лишения свободы в отношении женщин и удовлетворение их конкретных потребностей при нахождении в заключении в целях успешной реабилитации. В пр. 29 документа указывается, что персонал должен быть надлежаще обучен для решения проблемы специальной социальной реинтеграции женщин-заключенных и управления безопасными и реабилитационными учреждениями. Согласно пр. 40 Бангкокских правил классификация осужденных должна осуществляться с учетом гендерной специфики, чтобы обеспечить соответствующее индивидуальное планирование и осуществление в отношении их ранней реабилитации и реинтеграции в общество.

Безусловно, отбывание наказания в виде лишения свободы связано с рядом отрицательных факторов, которые затрудняют социальную адаптацию лиц, освобожденных из исправительных учреждений. Усвоение элементов криминальной субкультуры, ослабление семейных и родственных связей, неумение принимать позитивные решения в различных жизненных ситуациях, настороженное отношение со стороны окружающих создают освобожденным женщинам значительные трудности. Они сложнее включаются в процесс ресоциализации, так как медленнее преодолевают инерцию преступной деятельности.

Исследования ученых, посвященные проблемам ресоциализации и подготовки осужденных к освобождению, на протяжении длительного времени остаются дискуссионными и актуальными. Большинство исследователей отмечают, что ресоциализация проходит в два этапа: пенитенциарный – подготовка осужденного к освобождению (задача этого этапа – снять или свести к минимуму негативные моменты, вызванные изоляцией человека от общества, и подготовить его к правопослушной жизни на свободе) и постпенитенциарный (социальная адаптация и оказание помощи освобожденному) [4, с. 159; 5, с. 15].

Рассмотрим пенитенциарный этап ресоциализации женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, и реализацию мер по подготовке к их освобождению. Об-

разовательный уровень является существенной характеристикой личности человека вообще и осужденного в особенности. Статья 43 Конституции Российской Федерации устанавливает право каждого на получение дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования. Принципиальное значение имеет также конституционное положение об обязательности основного общего образования.

В соответствии со ст. 112 УИК РФ в исправительных колониях общего режима значительная часть осужденных обязана получать основное общее образование. Эта обязанность тесно связана с воспитательным воздействием на осужденных, и учеба в школе рассматривается как важный показатель положительной направленности личности, который учитывается при применении мер поощрения, переводе на облегченные условия отбывания наказания, при решении вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания либо о замене неотбытой части срока более мягким видом наказания.

Проводимые исследования показали, что между уровнем образования и криминальной обстановкой в обществе существует тесная взаимосвязь. Получение основного общего образования осужденными в учреждении, исполняющем наказание в виде лишения свободы, является основой процесса ресоциализации и адаптации к жизни в гражданском обществе после освобождения.

Кроме получения основного общего и профессионального образования, в жизни женщины, осужденной к лишению свободы, большое значение имеет возможность трудиться. Женские исправительные учреждения, как правило, ориентированы на швейное производство и выполняют заказы по пошиву форменной и специальной одежды. Объем таких заказов в целом сокращается, в связи с чем труд женщин оказывается невостребованным, а в материальном плане – нерезультативным. Выплаты за питание, одежду, коммунальные услуги, платежи по исполнительному листу приводят к тому, что на момент освобождения реальных средств на счетах осужденных женщин не остается. Возникает парадоксальная ситуация: наиболее ответственные, дисциплинированные, добросовестно работающие женщины покидают колонию без долгов, но и без денег; другие женщины, регулярно уклоняющиеся от труда, оказываются примерно в таком же положении.

Несмотря на сложности экономического характера, стоящие перед исправительными учреждениями, повышение уровня заработной платы для стимулирования труда осужденных остается одной из основных задач организации производства в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Заработная плата осужденных выступает основой их материальной заинтересованности в труде и его результатах. Однако заработок осужденных женщин, обеспеченных работой, в настоящее время остается стабильно низким. Установленный законом механизм гарантированного минимума в таких условиях не удовлетворяет даже минимальные бытовые потребности осужденных [6, с. 3].

В силу сложившихся в исправительных учреждениях производственных возможностей специальности и навыки, которыми владеют осужденные, не могут быть применены на практике. По тем же основаниям представляется неприемлемым предложение некоторых авторов о том, что «осужденному нужно дать право, чтобы он занимался тем трудом, каким захочет». Этот принцип не всегда могут реализовать и свободные граждане, а в рассматриваемых нами условиях его выполнение становится особенно проблематичным [7, с. 28].

Таким образом, трудовая занятость осужденных является одной из основных проблем, которые необходимо решить при их подготовке к освобождению. От того, как труд организован, как вознаграждается, какое приносит удовлетворение, как осознается об-

щественное значение труда самими осужденными, зависит успешная ресоциализация после освобождения из мест лишения свободы.

Особого внимания заслуживает вопрос оказания психологической помощи женщинам, осужденным к лишению свободы, в процессе подготовки к освобождению. Так, Правила Нельсона Манделы регламентируют, что физическому и психическому здоровью заключенных необходимо уделять повышенное внимание (пр. 25). В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года рекомендуется повышение требований к научному и методическому уровню психодиагностической и психокоррекционной работы, а также разработке и развитию психотерапевтического направления работы психолога. В соответствии с ч. 6.1 ст. 12 УИК РФ осужденные имеют право на психологическую помощь, оказываемую сотрудниками психологической службы уголовно-исполнительной системы.

Результаты проведенного исследования показали, что пенитенциарный стресс наиболее часто проявляется на стадии адаптации к порядку и условиям отбывания наказания и характеризуется проявлением социальной депривации и неудовлетворенностью потребностей. Так, на стадии перед освобождением осужденная испытывает тревогу в связи с подготовкой к освобождению, будущей жизнью на свободе. Наиболее часто осужденные женщины отмечают, что в период изоляции они эмоционально и физически истощены, раздражены, агрессивны, подавлены и равнодушны ко всему происходящему в отряде и внутри исправительного учреждения. Некоторые из перечисленных состояний сопровождают женщину на протяжении всего срока изоляции [8, с. 435].

Безусловно, стабильное адекватное психическое состояние осужденной повышает эффективность исправительного процесса и имеет значение для формирования позитивных эмоциональных состояний, которые могут помочь разрешить проблемы после отбытия срока наказания: получение образования, трудоустройство, восстановление социальных связей и др. В силу этого в практике реализации средств исправления в исправительных колониях применяется комплекс психолого-педагогических мер, различные методы психокоррекции и самоизменения личности [9, с. 55].

Положительные результаты ресоциализации внутри исправительного учреждения и после освобождения зависят от выбора стратегии исправления, так как именно адаптация как процесс преодоления стрессовых состояний на основе внутренней трансформации личности увеличивает эффективность. Длительно протекающий пенитенциарный стресс при недостаточности резервных возможностей осужденных сопровождается истощением глубинных адаптационных ресурсов и, как следствие, нарушением механизмов и процессов психической адаптации на психическом и соматическом уровнях [10, с. 45].

Исследования в гендерном аспекте в России и за рубежом показали, что осужденные мужчины более устойчивы к стрессорным воздействиям при высоком уровне стресса в отличие от женщин, а частота депрессивных состояний среди женщин в несколько раз больше, чем среди мужчин. Кроме того, после стрессорного воздействия женщинам требуется значительно больше времени для восстановления, чем мужчинам. Пенитенциарный стресс у женщин является более контрастным, чем у мужчин, так как уровень эмоциональных переживаний выше.

Так, признаки стресса обнаружены у 65 % осужденных и наиболее часто проявляются на начальном этапе отбывания наказания и перед освобождением. Если не контролировать душевное состояние осужденных, то впоследствии может возникнуть вероятность инцидентов, наносящих ущерб благополучию самих осужденных,

персонала учреждения, а также порядку и безопасности в нем. Меры, позволяющие значительно укрепить психическое здоровье, которые могут быть предложены осужденным женщинам, сводятся к следующему. Это возможность получить образование, квалификацию, профессиональную подготовку, медицинское обслуживание, занятия спортом, художественным творчеством, помощь в преодолении сильных или деструктивных эмоций, консультации и просвещение в области человеческих взаимоотношений, в том числе в сфере воспитания детей, возможность разобраться в собственных правонарушениях, проанализировать свою жизнь, заниматься социально полезной деятельностью, например, помогая своим товарищам или участвуя в жизни отряда осужденных [11, с. 6–9].

Необратимые либо трудноустраняемые негативные изменения психоэмоционального состояния женщины, полученные в условиях изоляции, лишают ее возможности вернуться в общество полноценным членом, ибо в результате оказываются полностью искаженными представления о государстве, обществе, социальном окружении. Положение освободившихся из мест лишения свободы уменьшает шансы на адаптацию в обществе в большей степени в связи с отсутствием центров ресоциализации (за исключением нескольких субъектов РФ). Общеизвестно, что создание таких центров в каждом субъекте позволит решить многие постпенитенциарные проблемы.

Вопрос принятия закона о социальной адаптации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, последнее десятилетие остается актуальным. Основным содержанием закона должно стать не только установление строгого контроля за поведением этих лиц, но и предоставление гарантии государственной помощи им в процессе возвращения к нормальной жизни в обществе: в поисках работы, в случае необходимости в переквалификации, в найме социального жилья и в решении других бытовых проблем, то есть этот закон должен быть наполнен профилактическим содержанием [12, с. 5].

В последние годы тюремные системы некоторых стран изучают подходы, которые могут использоваться для реабилитации и реинтеграции заключенных, но в основном они направлены на преодоление безработицы, что является ключевым препятствием для реинтеграции женщин при выходе из пенитенциарного учреждения [13, с. 29].

Таким образом, успешная реализация мер по подготовке к освобождению женщин, осужденных к лишению свободы, для возврата к нормальной законопослушной жизни в обществе и оказания им содействия зависит не только от норм уголовно-исполнительного законодательства, но и от предпринимаемых администрацией исполнительных учреждений усилий.

Одной из важных причин, порождающих повторную преступность лиц женского пола, является криминогенность семьи и ближайшего окружения, в которых насилие, конфликты, судимость родственников, употребление алкоголя и наркотиков считается нормой жизни. Сочетание негативной ориентации с качествами личности, досугом, заполняемым алкоголизмом, могут привести женщину после освобождения к последующему рецидиву преступлений.

Анализ выявленных особенностей распространения криминальной субкультуры среди женщин показывает, что на большинство из них отрицательное воздействие было оказано еще на свободе (во время учебы в школе, колледже, общения с родственниками), в исправительную колонию они поступили уже достаточно криминализованные, проявляющие интерес к «уголовной романтике», а иногда имеющие сформированный устойчивый криминальный замысел.

Проведенные исследования в женских исправительных колониях общего режима с 2008 по 2018 год имели целью выявить специфические особенности субкультуры жен-

щин, ее отрицательное влияние на процесс исправления, а также причины негативного отношения к условиям изоляции. Изучение и анализ особенностей субкультуры осужденных женщин показал, что это явление не способствует совершенствованию процесса исправительного воздействия, адаптации в условиях изоляции, а также ресоциализации женщин после освобождения. Так, взаимосвязи женщин в пенитенциарном учреждении имеют, как правило, асоциальную субкультуру с определенным комплексом ориентаций, установок и являются одним из препятствий, стоящих на пути исправления данной категории осужденных. В период отбывания наказания часть осужденных демонстрируют нормы поведения отрицательной направленности, которые не только существенно влияют на процесс исправления, но и ограничивают возможности сотрудничества в развитии открытых конструктивных отношений между осужденными и сотрудниками учреждения [14, с. 393].

Результаты исследования субкультуры женщин, осужденных к лишению свободы, позволяют сделать вывод о том, что нормы и ценности их субкультуры влияют на индивидуальное поведение, обладают зависимостью в силу действия механизмов психического влияния, возможно, подражания или давления со стороны окружения. Можно утверждать, что субкультура навязывает осужденным женщинам определенный нормопорядок, который разделяется частью осужденных, детерминирует их активность, определяет степень влияния и положение в субкультуре. Подробный анализ специфики и тенденций развития субкультуры позволяет достаточно точно определить статус женщины в пенитенциарном учреждении, предвидеть ее поведение, разработать дифференцированные и индивидуальные программы социального, психологического сопровождения, а также ресоциализации.

Характеризуя механизм воздействия на осужденного среды его нахождения, Н. Г. Шурухов подчеркивает, что в процессе взаимообщения происходит обмен личностными свойствами, усвоение неофициальных норм поведения, традиций, в результате чего осужденный теряет своеобразие и становится подобен большинству, пребывающему там значительный промежуток времени. Как отмечает известный немецкий ученый Г. Й. Шнайдер, при исполнении наказания, связанного с лишением свободы, наблюдается деградация личности, стигматизация преступника, что сильно ослабляет чувство собственного достоинства заключенного и затягивает его еще глубже в преступную карьеру [15, с. 421].

В социуме именно к женщинам долгое время сохраняется недоверие, а повышенные требования, предъявляемые к ней со стороны социального окружения, обуславливают ее резкое отторжение от привычной среды, что делает особенно затруднительным возвращение в общество тех, кто преступил закон. Подобное отношение людей к человеку, совершившему преступление, вполне естественно до того времени, пока он не докажет, что исправился.

После отбытого срока наказания проблемы адаптации решаются освобожденными по-разному, исходя из сложившихся условий и личных возможностей, которые в определенной мере зависят от возраста, пола, образования, профессии и др. Рецидив преступлений спустя непродолжительное время после освобождения в большинстве случаев означает неудачу социальной адаптации. Так, достаточно часто работодатели не имеют желания принимать на работу женщин, освободившихся из мест лишения свободы, в то время как наличие у нее постоянной работы, наряду с поддержкой семьи, является одним из важнейших условий, которые могут предотвратить рецидив преступлений.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Главная детерминанта рецидивной преступности женщин заключается в преобладании анти-

общественной установки, открытом противопоставлении правопорядку, общественной нравственности и стремлении обогащения преступным путем. Рецидив преступлений женщин стимулируют: неэффективность процесса постпенитенциарной ресоциализации женщин и негативное влияние субкультуры женщин, содержащихся в исправительных учреждениях. Эффективность исправительного воздействия в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы может быть достигнута при условии активного включения осужденных женщин в медико-профилактические, воспитательно-ресоциализационные и социально-реабилитационные программы [16, с. 46] с учетом особенностей личности и психодинамики их активности на разных этапах отбывания наказания. Результаты исправительного воздействия в отношении осужденных женщин зависят не только от усилий сотрудников исправительной колонии, но и от привлечения институтов гражданского общества и использования системы общественных воздействий.

Сокращение женского рецидива имеет огромное значение в современных социально-экономических условиях. Весьма актуальными являются вопросы подготовки осужденных женщин к освобождению, оказания помощи в решении постпенитенциарных проблем (трудовое и бытовое устройство, восстановление социальных связей и др.), а также создания центров социальной адаптации, организация которых в каждом субъекте РФ позволит решить многие постпенитенциарные проблемы, в том числе снизить уровень рецидивной преступности женщин.

Библиографический список

1. Бабаев М. М. Уголовная политика и преступность как взаимодействие // Современные проблемы уголовной политики : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Краснодар, 2015. Т. 1. С. 29–38.
2. Телегина Е. Г. Проблемы предупреждения повторных преступлений, совершенных лицами женского пола : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 26 с.
3. Walmsley, R. 2017, *World Female Imprisonment List*, 4th edn, Institute for Criminal Policy Research, London.
4. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права : в 2 т. М., 1984. Т. 1. Проблемы Общей части. 240 с.
5. Шмаров И. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. Проблема социальной адаптации. М., 1974. 136 с.
6. Оспанова Ж. Б. Правовое регулирование труда осужденных к лишению свободы в современных условиях (по материалам Республики Казахстан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 27 с.
7. Лукьянова Е. Реализация принципа равенства осужденных перед законом в сфере труда // Преступление и наказание. 2005. № 3. С. 26–28.
8. Минстер М. В. Субкультура женщин, осужденных к лишению свободы, и ее влияние на исправительное воздействие // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12(1–4), № 4. С. 433–442.
9. Зауторова Э. В. Приобщение к искусству как средство педагогической коррекции ценностных ориентаций молодых осужденных : монография. Вологда, 2010. 351 с.
10. Бабурин С. В., Чирков А. М. Системогенез стрессовой адаптации осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 40–46.
11. *Mental Health Promotion in Prisons: Report on a WHO meeting 18–21 November 1998*, Hague, Netherlands 1999, World Health Organization Regional Office for Europe, Penal Reform International, Copenhagen.

---

12. Наумов А. В. Уголовная политика в области назначения и исполнения наказания: противоречие между законодательным идеалом и практикой // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 5. С. 3–9.

13. *Global Prison Trends* 2018, Penal Reform International, Thailand Institute of Justice, London, Bangkok.

14. Павлова К. М. Социально-педагогическое сопровождение и субкультура несовершеннолетних воспитанников пенитенциарного учреждения // Социальная политика и социология. 2009. № 10. С. 393–404.

15. Шнайдер Г. Й. Криминология : пер. с нем. М., 1994. 502 с.

16. Чернышкова М. П., Дебольский М. Г. Криминальная субкультура в среде несовершеннолетних, содержащихся в местах лишения свободы, и профилактика ее распространения // Прикладная юридическая психология. 2016. № 2. С. 41–47.

УДК 343.98

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.352-358

РАМИЛЬ РАШИТОВИЧ РАХМАТУЛЛИН,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

г. Казань, Российская Федерация,

e-mail: ramil_crim@mail.ru

ЧАСТНАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ИМПУЛЬС ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Для цитирования

Рахматуллин, Р. Р. Частная криминалистическая теория раскрытия преступлений как импульс для совершенствования раскрытия преступлений / Р. Р. Рахматуллин // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 3. – С. 352–358. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.352-358.

Аннотация. Категория «раскрытие преступлений» в настоящее время фактически находится вне пределов правового поля. Ни в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, ни в межведомственных нормативных актах правоохранительных органов не дается определения этого термина. Потребности науки и практики диктуют необходимость научного переосмысления понятия и сущности раскрытия преступлений в целях единообразного восприятия данной категории. По своей сути и содержанию «раскрытие преступлений» является криминалистической категорией, и уже давно назрела необходимость разработки криминалистической частной теории раскрытия преступлений.

Ключевые слова: криминалистика, теория, раскрытие преступлений, оперативно-розыскная деятельность, расследование, концепция, ситуация, система, парадигма.

Термин «раскрытие преступлений» был и остается своеобразным призраком – он постоянно на устах ученых и практикующих юристов (следователей, оперативных сотрудников, прокуроров и др.), но при этом фактически всегда находился вне пределов правового поля, что приводило к произвольному ее толкованию. Именно поэтому потребности науки и практики диктуют необходимость научного переосмысления понятия и сущности раскрытия преступлений в целях единообразного восприятия данной кате-

---

© Рахматуллин Р. Р., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

гории. Результаты изучения нами позиций известных ученых и практиков, занимавшихся изучением этого понятия в разные исторические периоды (более 30), свидетельствуют о том, что многолетняя дискуссия пока еще не привела к общепризнанному результату. Часто исследователи при определении раскрытия преступлений исходили прежде всего из новых установок законодательства или из узковедомственных и личных научных интересов.

Все многочисленные точки зрения на определение понятия «раскрытие преступления» можно разделить на три основные группы:

– основанные на требовании установления всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу;

– основанные на требовании установления события преступления и лица, его совершившего;

– промежуточные позиции (в частности, основанные на требовании установления обстоятельств, указанных в пп. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Другая причина отсутствия единообразия в понимании заключалась, на наш взгляд, в том, что понятие «раскрытие преступления» исследователи ошибочно пытались ограничить временными рамками, при этом основные дискуссии велись о том, с какого момента считать преступление раскрытым (с момента появления фигуры подозреваемого, предъявления обвинения, вынесения обвинительного заключения и др.).

По замечанию Р. С. Белкина, отдельные исследователи, предвидя долговременный и бесполезный характер споров по этому вопросу, стали использовать термин «методика раскрытия и расследования преступлений» [1, с. 341–343]. Следует признать, что это в немалой степени диктовалось желанием «угодить» практике, где чаще употребляется термин «раскрытие», чем термин «расследование». При этом фундаментальных исследований по поводу сути и содержания термина «раскрытие» не проводилось. Если с термином «расследование» все ясно, то термин «раскрытие» как был, так и остается до сих пор предметом для дискуссий. Многообразие подходов при определении сущности данного термина, нередко противоречащих друг другу, создавали лишь путаницу.

Особое внимание изучению проблем раскрытия преступлений уделяли специалисты в сфере уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности. При этом раскрытие предлагалось рассматривать в уголовно-процессуальном или оперативно-розыском аспекте. Однако результаты изучения научной литературы, законодательства свидетельствуют: уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство не раскрывает понятие и сущность термина «раскрытие», также весьма неоднозначными и спорными являются рассуждения различных специалистов в данных областях научных знаний. Чего нет в законе и что не является предметом уголовно-процессуального права – отрасли права, весьма сложно включать и в предмет науки уголовного процесса. Не дает разъяснения понятия «раскрытие преступлений» и оперативно-розыскное законодательство. В силу этого речь может идти, на наш взгляд, о раскрытии преступлений уголовно-процессуальными и оперативно-розыскими методами, а не о раскрытии в уголовно-процессуальном и оперативно-розыском аспекте.

Изучение нами научной литературы позволило сделать вывод о том, что по своей сути и содержанию «раскрытие преступлений» является криминалистической категорией, поэтому решение вопроса о единообразном понимании термина «раскрытие преступлений» всеми лицами, вовлеченными в уголовный процесс, видится в рамках науки криминалистики, предметом которой является система закономерностей по возникновению, сбору, исследованию и использованию доказательственной и иной криминалисти-

чески значимой информации в ходе раскрытия и расследования преступления. Данное обстоятельство свидетельствует о весьма широких возможностях криминалистической науки, не обремененной к тому же строгими правовыми рамками.

Представляется, что уже давно назрела необходимость разработки частной криминалистической теории раскрытия преступлений. У категории «раскрытие преступлений» отсутствует точность в определении в науке и практике, однако она выражает некое социальное явление как элемент социальной реальности и обладает полнотой социальных свойств и признаков. Как известно, любые значимые социальные явления требуют определенных (специально созданных) теоретических построений, являющихся результатом познания и одновременно отражением в идеальной форме сущности этих явлений. Речь идет о частных теориях, каждая из которых имеет самостоятельный объект и предмет. Неотъемлемыми признаками частнонаучной теории являются системность, понимаемая как органичная связь с другими элементами данной отрасли научного знания, и внутренняя упорядоченность, взаимная обусловленность отдельных положений. Частные теории должны иметь теоретическое и практическое значение, то есть расширять научные положения, представления и предоставлять возможности для освоения, изменения окружающей действительности. Всеми этими свойствами и признаками обладает рассматриваемая категория «раскрытие преступлений».

Следует признать, что были отдельные попытки по разработке криминалистической теории раскрытия преступления. Особую активность здесь проявили представители Уральской школы криминалистов. Так, известный ее представитель И. Ф. Герасимов одним из путей обновления криминалистической науки видел формирование в ее структуре нового раздела с предположительным названием «Общая теория раскрытия преступлений». В создании данной теории он предполагал путь совершенствования целостной системы деятельности, осуществляемой в этих целях [2, с. 3–13].

Как справедливо считал Р. С. Белкин, попытки объединить «„на системной основе” в явно надуманной теории раскрытия возможности и средства оперативно-розыскной деятельности, учение о версии, процессуальные средства доказывания и т. п. – лишены всякого практического смысла и теоретически ущербны, не говоря о том, что в рамках этой теории смешиваются процессуальные и непроцессуальные виды деятельности правоохранительных органов, объединение которых возможно лишь на уровне целей деятельности, а не в рамках единой теории... Нет и не может быть самостоятельной „теории раскрытия преступлений”» [3, с. 282–283].

Действительно, реализация предлагаемой И. Ф. Герасимовым идеи о создании нового раздела в криминалистике привела бы к неоправданным и во многом бесполезным усилиям криминалистической науки, не была бы она воспринята с энтузиазмом и практикой. В силу этого данная идея не утвердилась в криминалистике.

Вместе с тем в предложениях И. Ф. Герасимова содержатся два важных обстоятельства: во-первых он предложил разработать криминалистическое понятие раскрытия преступлений, во-вторых, он определил структурную схему, в рамках которой может формироваться общая теория раскрытия преступлений. Если о формировании общей теории раскрытия преступлений говорить, как минимум, преждевременно, то отдельные структурные элементы предлагаемой схемы могут сыграть весьма важную роль в формировании частной криминалистической теории раскрытия в рамках 1-го раздела криминалистики – общей теории криминалистики. Следует отметить, в предлагаемой И. Ф. Герасимовым схеме мы находим как новые подходы к изучению раскрытия преступлений, так и отражение имеющихся, на наш взгляд, заблуждений.

Рассмотрим отдельные элементы этой схемы [2, с. 3–13]. Прежде всего, автор предлагает рассмотреть раскрытие преступлений как цель и как деятельность. Цель, как известно, конечный результат, на который преднамеренно направлены действия компетентных субъектов. Отсутствие раскрытия цели в законе, а также единодушие в этом вопросе среди ученых не позволяет говорить о раскрытии как цели. Однако совершенно справедливо к раскрытию преступлений следует относиться как к деятельности.

В эту схему автор включает субъектов деятельности по раскрытию и взаимодействие между ними. В ходе раскрытия преступлений участвуют специфические субъекты – следователь, оперативный сотрудник, прокурор (государственный обвинитель), действующие в условиях информационной неопределенности, из этого следуют и особенности взаимодействия, выдвигаемых версий и др. Действительно, вряд ли есть потребность в привлечении оперативного сотрудника к расследованию преступления в условиях очевидности.

Автором предлагается рассмотреть тактические приемы, комбинации и тактические операции в раскрытии преступлений. Ясно, что комбинации и тактические операции используются в сложных конфликтных ситуациях. Напротив, отдельные элементы предлагаемой автором структуры не требуют глубокого специального исследования, так как они подробно рассмотрены в соответствующих разделах криминалистики, например, криминалистическая характеристика преступления, использование специальных знаний и др.

Почему криминалисты весьма робко подходят к изучению проблем раскрытия преступлений? Думается, справедливое возражение Р. С. Белкина по поводу формирования самостоятельной общей теории раскрытия преступлений нельзя возводить в абсолют, ибо всегда есть опасность, критикуя детали, забыть о главном. Так, отдельные идеи И. Ф. Герасимова можно использовать для разработки частной криминалистической теории о раскрытии преступлений.

На наш взгляд, отдельные рассуждения и аргументы ученых-правоведов антикриминального цикла о категории «раскрытие преступлений», видимо, соответствовали духу и требованиям времени, в котором они творили. В период оправданных попыток более точного определения предмета названных наук антикриминального цикла и их отдельного изучения многие из их выводов были основаны на системной парадигме. Однако современные вызовы и угрозы современности, а также связанные с ними процессы интеграции и дифференциации наук антикриминального цикла существенно поколебали подобные подходы.

Наступило время смены парадигм в науке, чтобы исключить чрезмерные абстрактные рассуждения и прочно привязать науку криминалистику к задачам практики. Одна из таких парадигм – ситуационная. По мнению Л. Я. Драпкина, раскрытие преступлений состоит в устранении прежде всего сложных проблемных ситуаций и образовании вместо них непроблемных (простых) ситуаций, в которых обстоятельства, предусмотренные пп. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, полностью доказаны. Он считает, что обстоятельства, предусмотренные пп. 5–8, не входят в предмет доказывания, поскольку они не определяют суть совершенного или готовящегося преступления.

В основе проблемной ситуации находится так называемая семантическая неопределенность, которая возникает в процессе раскрытия преступлений в связи с недостаточностью, противоречивостью исходных данных, находящихся в распоряжении следователя. Прежде всего речь идет о такой разновидности сложных ситуаций, как конфликтные. По справедливому замечанию Л. Я. Драпкина, конфликтные трудности заключаются главным образом в противодействии раскрытию преступлений [4, с. 115–130].

Таким образом, раскрытие преступления не предусматривает установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию. Вместе с тем рассмотрение раскрытия с ситуационных позиций также не освещает сущность данного явления.

В частности, интеграционные возможности криминалистики позволяют объединить процессуальные и непроцессуальные виды деятельности правоохранительных органов, в том числе с использованием средств оперативно-розыскной деятельности. Так, перечислены в законодательстве и широко комментируются в открытой научной литературе оперативно-розыскные меры. Результаты оперативно-розыскной деятельности в подробной форме представляются следователю. Современный следователь осведомлен, как минимум, теоретически о приемах и методах, используемых сотрудниками оперативно-розыскных аппаратов для раскрытия преступлений. Следователь активно использует фактические данные, полученные в оперативно-розыском процессе, для подготовки и осуществления следственных действий. Активно муссируется идея доступа следователя к материалам ОРД по уголовному делу. Безусловно, в тайне должны оставаться лишь личные данные конфиденентов, ход и содержание наиболее сложных оперативных операций, игр и т. п. Ученые и ранее (И. Ф. Герасимов и др.) анализировали возможность синтеза следственной и оперативной деятельности, в наши дни это продолжает оставаться предметом активной научной дискуссии.

Необходимость научных разработок по осуществлению такого синтеза вызвана потребностями практики. Следует помнить о том, что все указанные средства и методы применяются следователем в зависимости от тактической целесообразности. Определить эту целесообразность невозможно без обращения к таким криминалистическим категориям, как «тактические задачи и решения», «следственная ситуация», «тактическая операция», «тактический риск» и др. Например, следователь из тактических соображений может отказаться от очной ставки или другого следственного действия, казалось бы обязательного для производства по уголовному делу. Таким образом, ценность криминалистических, оперативно-розыскных, правовых и иных средств и методов, применяемых в процессе раскрытия преступлений, проявляется, как правило, при комплексном их применении. В связи с этим Р. С. Белкин справедливо отмечал: «Мы не считаем, что раскрываемость преступлений – задача только оперативно-розыскных аппаратов органов внутренних дел. Это совместная задача и их, и следователя, и решаться она должна на основе взаимодействия между ними» [5, с. 779–780]. Представляется, раскрытие продолжается и на этапе судебного производства [6, с. 62–68].

Рассмотрение применения указанных средств и методов в раздельности минимизирует их практический смысл. Очевидно, указанное выше объединение должно происходить на основе не только системной, но и ситуационной парадигм, что поднимает на новый уровень практический смысл и необходимость новой теории. Эта теория, включающая доследственные, следственные и судебные ситуации, рассматривает раскрытие как непрерывный процесс.

Среди элементов частных криминалистических теорий в соответствии с положениями науковедения указывают объект, предмет и метод. Под объектом частной теории понимаются те явления, связи, процессы, в которых отражаются изучаемые объективные закономерности [7, с. 140]. Объектом теории о раскрытии преступления выступают понятия и закономерности этих двух видов деятельности разных субъектов.

Термин «раскрытие» используется в криминалистической литературе достаточно давно, но в ходе неоднозначного толкования, как отмечалось выше, в его содержание вкладывается различный смысл. В криминалистическом аспекте под раскрытием пре-

ступления мы понимаем осуществляемую в условиях информационной неопределенности деятельность компетентных лиц по установлению доказательственной и иной информации о событии преступления, лице, его совершившем, и других неочевидных обстоятельств, имеющих значение для дела.

Среди всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, в первую очередь должны быть установлены обстоятельства, относящиеся к событию преступления. Термин «событие преступления» используется здесь для обозначения обстоятельств, относящихся к объекту и объективной стороне преступления. При доказывании события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) необходимо установить: а) имело ли место определенное событие, которое указывается в конкретной статье Особенной части УК РФ; б) каковы последствия этого события, то есть какой вред или ущерб был причинен этим событием; в) наличие причинной связи между событием преступления и наступившими последствиями. Обвинение нельзя считать доказанным без временной и пространственной локализации преступления.

Установление доказательственной и иной информации о лице, совершившем преступление, не следует трактовать вольно. Например, по мнению А. А. Виноградова, преступление считается раскрытым с момента установления и задержания (доставления) лица, возможно, совершившего данное преступление [8, с. 142]. Даже из смысла совместного приказа «О едином учете преступлений» следует, что раскрытым считается такое преступление, уголовное дело о котором направлено в суд или которое прекращено, хотя это тоже подвергается сомнению.

Прежде всего под установлением доказательственной и иной информации о лице, совершившем преступление, следует понимать деятельность по установлению виновности лица в совершении преступления, которая подразумевает доказывание двух обстоятельств, входящих в предмет доказывания: должны быть установлены, во-первых, лицо, совершившее преступление, то есть субъект преступления, во-вторых, его виновность, то есть субъективная сторона преступления.

Субъектами раскрытия преступления являются компетентные правоохранительные органы и должностные лица – следователь, дознаватель, оперативный сотрудник, прокурор.

Началом раскрытия преступления следует считать, на наш взгляд, момент восприятия (обнаружения) следователем (сотрудником органа дознания) какого-либо предмета, явления, имеющего отношение к расследуемому делу. Однако окончание процесса раскрытия трудно связать с каким-то определенным моментом, тем более процессуальным. В целом раскрытие преступления рассматривается нами как процесс перехода от незнания к более вероятному знанию.

Поскольку теория о раскрытии преступления связана практически со всеми элементами предмета криминалистики, она имеет значение для всех ее структурных частей – криминалистической техники, тактики и методики раскрытия и расследования. Она тесно связана также с другими частными криминалистическими теориями: теорией криминалистической идентификации, следственных ситуаций и криминалистических версий, противодействия расследованию и мер по его преодолению и т. д.

Для развития теории о раскрытии преступления могут использоваться практически все методы научного познания. Особое значение при этом приобретает системно-структурный метод, поскольку положения рассматриваемой теории имеют отношение ко всем элементам предмета и структурным частям криминалистики.

Признание раскрытия криминалистической категорией явится импульсом для более активного его исследования и выхода на более высокий качественный уровень. Исто-

рия наук антикриминального цикла свидетельствует: прежде чем та или иная категория становилась правовой, она подвергалась всестороннему криминалистическому исследованию. Присущие криминалистическим исследованиям процессы интеграции и дифференциации позволяют расширить рамки раскрытия преступления. В частности, содержание практически всех следственных действий насыщено заимствованными криминалистическими терминами и категориями. Именно поэтому после основательного и всестороннего изучения раскрытия в рамках науки криминалистики можно будет говорить и о раскрытии в уголовно-процессуальном и оперативно-розыскном аспекте. Прежде всего речь идет о закреплении термина «раскрытие» в рамках уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства. Например, в перспективе можно было бы законодательно закрепить его в п. 33.1 ст. 5 УПК РФ и изложить в следующей редакции: *«Раскрытие преступлений – это познавательный процесс от момента поступления сообщения о преступлении до полного доказывания события преступления и виновности лица в совершении преступления. Раскрытие преступления завершается вступлением в законную силу приговора суда по делу».*

Таким образом, у теории раскрытия преступлений есть все перспективы стать полноценной криминалистической теорией. Именно криминалистика призвана систематизировать различные средства, методы, действия, знания в рамках этой теории. Раскрытие преступлений – именно та сфера практической деятельности правоохранительных органов, где криминалистическая мысль проходила как этапы развития, так и деградации, нередко подстраиваясь под выстроенную правовую систему или прикрываясь популистской личиной.

В целом, как нам представляется, не определив понятия «раскрытие преступлений», не уяснив иные криминалистические категории, раскрывающие сущность раскрытия, нельзя выработать наиболее эффективные технические, тактические и методические рекомендации, направленные на решение поставленных перед правоохранительными органами задач по раскрытию и расследованию преступлений.

Библиографический список

1. Криминалистика : учебник / под ред. Р. С. Белкина. М., 1986. 544 с.
2. Герасимов И. Ф. О перспективах развития и структуре криминалистики // Перспективы развития криминалистики : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1991. С. 3–13.
3. Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т., 3-е изд., доп.. М., 2001. Т. 3. С. 282–283.
4. Драпкин Л. Я. Ситуационный подход в криминалистической теории и практической деятельности правоохранительных органов // Проблемы современной криминалистики и основные направления ее развития в XXI веке : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 60-летию кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета (6 октября 2017 г.). Екатеринбург, 2017. С. 115–131.
5. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие. М., 2001. 837 с.
6. Мишин А. В. Состязательность и роль суда при выявлении и раскрытии преступлений // Ученые записки : сб. науч. тр. Института государства и права. 2007. Вып. 8. С. 62–68.
7. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988. 304 с.
8. Виноградов А. А. Криминалистическое обеспечение расследования угонов автомобилей : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 300 с.

УДК 343.24

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.359-365

ЕВГЕНИЯ АНАТОЛЬЕВНА ПЕРМИЛОВСКАЯ,

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса,
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Архангельск, Российская Федерация,
e-mail: e.permilovskaya@narfu.ru

СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ С ИНЫМИ МЕРАМИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Для цитирования

Пермиловская, Е. А. Соотношение уголовного наказания в виде ограничения свободы с иными мерами государственного принуждения / Е. А. Пермиловская // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 3. – С. 359–365. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.359-365.

Аннотация. В результате изменения юридического содержания уголовного наказания в виде ограничения свободы дискуссионный характер приобрел вопрос определения его правовой природы. В научных источниках неоднократно указывалось на содержательное сходство данного наказания с иными мерами государственного принуждения. В статье проводится сравнение ограничения свободы с такими мерами уголовно-правового характера, как условное осуждение и принудительные меры воспитательного воздействия, с мерой пресечения в виде домашнего ареста, административным надзором, осуществляемым в установленных законом случаях в отношении лиц, освобождаемых из мест лишения свободы. По мнению автора, ограничение свободы отличается по своей правовой природе и социальному назначению от указанных мер государственного принуждения, обладает достаточным карательным и исправительным потенциалом для сохранения за ним статуса уголовного наказания. В связи с этим автор формулирует ряд предложений по совершенствованию соответствующих положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: уголовное наказание, наказания без изоляции от общества, ограничение свободы, условное осуждение, домашний арест, административный надзор.

В связи с изменением юридического содержания наказания в виде ограничения свободы Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в дей-

© Пермиловская Е. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

стве положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» вопрос определения его правовой природы приобрел дискуссионный характер. В научных работах ранее неоднократно высказывались мнения об утрате ограничением свободы своих карательных свойств и необходимости исключения его из системы уголовных наказаний. В качестве одного из наиболее значимых аргументов приводилось содержательное сходство данного наказания с такими мерами уголовно-правового характера, как условное осуждение и принудительные меры воспитательного воздействия, с мерой пресечения в виде домашнего ареста, а также с административным надзором, осуществляемым в установленных законом случаях в отношении лиц, освобождаемых из мест лишения свободы.

На наш взгляд, ограничение свободы отличается по своей правовой природе от указанных выше мер государственного принуждения и обладает достаточным карательным и исправительным потенциалом для сохранения за ним статуса уголовного наказания.

Особенно часто в научной литературе поднималась проблема соотношения ограничения свободы с условным осуждением [1–3]. При этом отмечалось как сходство ряда правоограничений, образующих содержание данных мер уголовно-правового воздействия, форм и методов контроля, осуществляемого уголовно-исполнительными инспекциями, так и отличительные особенности, не позволяющие поставить между ними знак тождества.

На наш взгляд, по своей правовой природе ограничение свободы и условное осуждение существенно отличаются друг от друга. Ограничение свободы является видом уголовного наказания и воспринимается как кара. Все ограничения, образующие его содержание, направлены на ущемление определенных имеющихся у виновного конституционных прав и свобод с целью вызвать у него страдания и таким образом обеспечить исправление, предупредить совершение новых преступлений. Уголовно-исполнительные инспекции, осуществляя постоянный надзор за осужденными к ограничению свободы, правомочны для повышения его эффективности применять специальные технические средства. Помимо надзора, инспекции в соответствии с ч. 1 ст. 54 УИК РФ обязаны оказывать осужденным помощь в трудоустройстве, проводить с ними воспитательную работу, принимать меры по предупреждению нарушения ими установленного порядка отбывания наказания, применять законные меры поощрения и взыскания. Следует отметить и то, что злостное уклонение от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, образует самостоятельный состав преступления, закрепленный в ч. 1 ст. 314 УК РФ. Таким образом, ограничение свободы назначается виновному в том случае, когда суд приходит к выводу о возможности его исправления только посредством применения уголовного наказания.

Условное осуждение, наоборот, применяется, как справедливо замечает С. А. Борсученко, если у суда «есть основание полагать, что цели уголовной ответственности могут быть достигнуты без реального наказания в режиме осуждения на основе контроля за поведением осужденного» [4, с. 37]. Являясь не наказанием, а мерой уголовно-правового характера, оно не обладает карательной функцией. Осужденный условно, исполняя в течение испытательного срока все возложенные на него судом обязанности, должен доказать свое раскаяние в содеянном и намерение в дальнейшем вести законопослушный образ жизни. Если соблюдение ограничений, установленных осужденному к ограничению свободы, основано на принуждении, то исполнение обязанностей условно осужденным базируется на его собственной заинтересованности в возможности избе-

жать реального отбывания уголовного наказания. В связи с этим Т. Ю. Кузьмина называет условное осуждение своеобразной «мерой поощрения» осужденного, исключаящей причинение ему «тягот и лишений» [5, с. 188]. Согласно ч. 1 ст. 74 УК РФ суд может отменить условное осуждение и снять судимость до истечения испытательного срока, если осужденный поведением доказал свое исправление и возместил вред, причиненный потерпевшему. Контроль за поведением условно осужденных, предусмотренный положениями гл. 24 УИК РФ, сводится к их периодической явке для регистрации и по вызову в уголовно-исполнительные инспекции и не предполагает осуществления по отношению к ним какой-либо воспитательной работы.

Некоторые авторы, проводя сравнительный анализ правовых норм, регламентирующих юридическое содержание и порядок применения к осужденным ограничения свободы и условного осуждения, приходят к выводу о более строгом характере последнего [2, 3]. Однако не стоит забывать, что ограничение свободы в качестве основного наказания назначается судом только применительно к лицам, виновным в совершении преступлений небольшой и средней тяжести. В отличие от него условное осуждение применяется вне зависимости от категории преступления, то есть и в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, караемые лишением свободы на срок до 8 лет (ч. 1 ст. 73 УК РФ). При этом, как показывает судебная практика, чаще всего суд постановляет считать условным именно наказание в виде лишения свободы, что свидетельствует о соответствующем характере и степени общественной опасности совершенного деяния и особенностях личности виновного. С учетом этого вполне закономерно, что объем и содержание обязанностей, установленных условно осужденному на период испытательного срока, должны быть достаточны для стимулирования его дальнейшего правопослушного поведения.

Таким образом, ограничение свободы и условное осуждение являются самостоятельными видами государственного принуждения, отличными по своей правовой природе и целевому назначению и имеющими равное право на существование в современной юридической практике. Проблему же содержательного и функционального совпадения указанных мер при их одновременном назначении позволяет разрешить законодательное упразднение ограничения свободы, применяемого в качестве дополнительного наказания.

Ряд общих черт имеет ограничение свободы и с такой принудительной мерой воспитательного воздействия, как ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, совершившего преступление (п. «г» ч. 2 ст. 90 УК РФ). В соответствии с ч. 4 ст. 91 УК РФ суд, применяя данную меру, может установить запрет на посещение подростком определенных мест, использование им определенных форм досуга, пребывание вне дома после определенного времени суток, а также выезд в другие местности без разрешения специализированного государственного органа. Можно отметить, что перечисленные требования практически идентичны отдельным ограничениям, образующим юридическое содержание наказания в виде ограничения свободы. Определенным сходством обладают и основания применения указанных мер уголовно-правового воздействия. И ограничение свободы, и ограничение досуга несовершеннолетнего могут быть назначены при совершении подростком преступления небольшой и средней тяжести и убежденности суда в возможности его исправления без изоляции от общества.

В отличие от ограничения свободы, рассматриваемая принудительная мера воспитательного воздействия, не являясь наказанием, в большей степени ориентирована на

применение не карательного, а психолого-педагогического воздействия на подростка. Она не порождает свойственных уголовному наказанию последствий социального и правового характера. В частности, применение к несовершеннолетнему, совершившему преступление, ограничения досуга и установления особых требований к его поведению не порождает судимости. Следствием же назначения ему ограничения свободы неизбежно является судимость, погашаемая в соответствии с п. «а» ст. 95 УК РФ по истечении шести месяцев с момента отбытия наказания. В том случае, если несовершеннолетний систематически не исполняет установленную ему меру принудительного воздействия, суд вправе отменить ее по представлению специализированного органа и направить материалы дела для привлечения виновного к уголовной ответственности. При этом, как справедливо замечает Ю. Е. Пудовочкин, в уголовном законе отсутствует «запрет на освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности по правилам ст. 90 УК РФ при повторном рассмотрении его дела судом» [6]. При злостном уклонении несовершеннолетнего осужденного от отбывания ограничения свободы неотбытая его часть подлежит замене исключительно лишением свободы (учитывая, что наказание в виде принудительных работ к несовершеннолетним не применяется) из расчета 1 день лишения свободы за 2 дня ограничения свободы.

Наказание в виде ограничения свободы отличается от ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего также сроками применения указанных мер и субъектами, полномочными контролировать поведение поднадзорных лиц в период их претерпевания.

Некоторым сходством с ограничением свободы обладает и предусмотренная ст. 107 УПК РФ мера пресечения в виде домашнего ареста, применяемая судом в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Прежде всего это касается включенного в его содержание Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» запрета на выход указанного лица за пределы жилого помещения, в котором он проживает. При этом Верховный Суд РФ в своем постановлении от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» пояснил, что при установлении данного запрета необходимо указывать конкретные случаи и периоды, когда подозреваемый (или обвиняемый) может находиться вне места исполнения меры пресечения (посещение учебных занятий, ежедневная прогулка) либо, наоборот, когда он должен находиться в пределах занимаемого жилого помещения (ночное время, время проведения массовых мероприятий и др.).

Обязанность осуществлять контроль за соблюдением подозреваемым (или обвиняемым) условий примененной к нему меры пресечения в виде домашнего ареста возложена на уголовно-исполнительные инспекции, которые, как известно, исполняют наказание в виде ограничения свободы. Инспекции вправе использовать специальные аудиовизуальные, электронные и иные технические средства.

В то же время, несмотря на наличие общих черт в содержании и практическом применении ограничения свободы и домашнего ареста, правовая природа указанных мер принудительного воздействия различна. Домашний арест избирается в качестве меры пресечения в отношении обвиняемого или подозреваемого, то есть лица, еще не признанного судом виновным в совершении преступления. В связи с этим задачами домашнего ареста являются пресечение возможности у указанного лица уклониться от следствия

и суда, недопущение его негативного влияния на иных участников уголовного процесса. Ограничение свободы, в свою очередь, являясь видом уголовного наказания, применяется к лицу, осужденному за совершение преступления, в целях его исправления.

Значительным содержательным сходством с ограничением свободы обладает также административный надзор, введенный Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». В научных трудах, посвященных проблеме разграничения данных мер государственно-принуждения, ранее неоднократно подчеркивался фактически идентичный характер правоограничений и обязанностей, устанавливаемых судом в отношении осужденных к ограничению свободы и лиц, находящихся под административным надзором [7, с. 230; 8, с. 18]. Действительно, и тем и другим может быть запрещено посещать определенные места, места проведения массовых и иных мероприятий, покидать место жительства (пребывания) в определенное время суток, выезжать за пределы определенной территории. И осужденные к ограничению свободы, и поднадзорные лица обязаны являться для регистрации в орган, контролирующий их поведение, с периодичностью от 1 до 4 раз в месяц. Однако правовая природа рассматриваемых мер различна. Верховный Суд РФ в постановлении от 16 мая 2017 г. № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» подчеркивает, что «административное ограничение не является наказанием... а представляет собой меру, направленную на предотвращение повторного совершения преступлений и (или) иных правонарушений лицами, имеющими судимость за определенные виды преступлений... посредством осуществления административного надзора». Не будучи уголовным наказанием, административный надзор в отличие от ограничения свободы лишен карательной составляющей, а значит, не нацелен на причинение виновному страданий посредством ущемления его в правах и свободах. Из содержания ст. 2 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ следует, что задачей административного надзора является предупреждение совершения поднадзорными лицами преступлений и иных правонарушений, оказания на них индивидуального профилактического воздействия. Он направлен на то, чтобы «помешать лицу продолжить противоправную деятельность, воспрепятствовать возобновлению и установлению преступных и иных антиобщественных связей, не дать возможности вновь совершать преступления» [7, с. 231]. Таким образом, надзор реализует функцию частной превенции, в то время как ограничение свободы, являясь видом уголовного наказания, – функцию как частной, так и общей превенции.

Административный надзор не обладает в полной мере и исправительным потенциалом, присущим уголовному наказанию, поскольку ведение органами внутренних дел индивидуальной профилактической работы с поднадзорным лицом нельзя отождествлять с воспитательной работой, осуществляемой уголовно-исполнительными инспекциями с осужденными к ограничению свободы.

И ограничение свободы, и административный надзор тесно связаны с уголовно-правовым институтом судимости, но характер этой связи неодинаков. Если применительно к ограничению свободы судимость является правовым последствием отбытия наказания, то в отношении административного надзора непогашенная или неснятая судимость выступает в качестве условия его установления и параметра, определяющего его срок.

Таким образом, административный надзор лишен свойств, присущих уголовному наказанию, и направлен на индивидуальную профилактику преступлений и иных правонарушений ранее судимых лиц в постпенитенциарный период.

Вместе с тем на практике последовательное применение ограничения свободы и административного надзора в соответствии с требованиями п. 4 ст. 5 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ часто приводит к фактической пролонгации изначально установленных правоограничений и восприятию поднадзорным контролем за его поведением как еще одного наказания. В связи с этим П. В. Тепляшиным было высказано предложение о неприменении административного надзора к лицам, в отношении которых в качестве дополнительного наказания назначено ограничение свободы [8, с. 19]. Однако законодателем оно воспринято не было.

На наш взгляд, указанная проблема может быть разрешена посредством отказа от смешанного характера рассматриваемого наказания и уже упомянутого ранее законодательного упразднения ограничения свободы, назначаемого дополнительно. Представляется, что при установлении административного надзора суд может в более полном объеме учесть изменения в поведении осужденного и определить правоограничения, необходимые для последующей коррекции его постпенитенциарного поведения. Однако для того, чтобы надзор стал адекватной заменой ограничению свободы, применяемому в качестве дополнительного наказания, его необходимо совершенствовать. Прежде всего это касается правильного определения его правовой природы. По мнению целого ряда ученых, надзор следует относить, учитывая его содержание, основания установления и целевую направленность, не к административно-правовым, а к уголовно-правовым институтам [9, 10]. Соглашаясь с данным суждением, мы полагаем необходимым отнести административный (точнее, постпенитенциарный) надзор к мерам уголовно-правового характера и дополнить разд. VI УК РФ положениями, регламентирующими его юридическое содержание и основания установления.

Исполнение надзорных функций следует передать в ведение уголовно-исполнительных инспекций, которые будут не только контролировать поведение поднадзорных лиц, но и проводить воспитательную работу, осуществлять их социальное сопровождение (оказывать помощь в трудоустройстве и т. п.). В связи с этим необходимо внести соответствующие изменения в уголовно-исполнительное законодательство, а также увеличить штатную численность сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и объем финансирования их деятельности.

Таким образом, ограничение свободы отличается по своей правовой природе и социальному назначению от иных мер принудительного государственного воздействия и обладает всеми свойствами и функциями уголовного наказания.

Библиографический список

1. Дядькин Д. Конкуренция норм о назначении наказания в виде ограничения свободы с нормами об условном осуждении // Уголовное право. 2010. № 3. С. 34–37.
2. Ворогушина Н. А. Ограничение свободы и условное осуждение: вместе или порознь? // Судья. 2016. № 4. С. 34–36.
3. Звонов А. В. Соотношение условного осуждения и наказаний, альтернативных изоляции от общества // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4(38). С. 106–111.
4. Борсученко С. А. Этико-правовая природа условного осуждения // Юстиция. 2009. № 3. С. 32–37.
5. Кузьмина Т. Ю. Соотношение ограничения свободы с условным осуждением // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6(101). С. 187–191.

---

6. Пудовочкин Ю. Е. 12 вопросов об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовный процесс. 2017. № 8. URL : <http://e.uogr.ru/article.aspx?m=573805> (дата обращения: 21.12.2018).

7. Астахова А. О. Уголовно-правовые последствия административного надзора и ограничения свободы // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2015. № 2(43). С. 230–232.

8. Тепляшин П. В. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Законность. 2011. № 10. С. 16–19.

9. Сергеев Д. Н. Правовая природа постпенитенциарного административного надзора // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8(45). С. 1709–1715.

10. Понятовская Т. Г. Предупреждение преступлений: меры безопасности, административный надзор // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 98–103.

УДК 378.147: 378.6:343.83
DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.366-379

НИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЮГАЕВА,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры юридической психологии и педагогики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru

МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ: СУЩНОСТЬ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Для цитирования

Тюгаева, Н. А. Методы обучения и психолого-педагогические технологии: сущность, тенденции развития / Н. А. Тюгаева // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 3. – С. 366–379. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.366-379.

Аннотация. Социально-экономические преобразования в России, глобализация и демократизация, научно-технический прогресс, динамизм и сложность современных информационных процессов привели к необходимости модернизации российского образования. Одной из главных задач преобразований в соответствии с Национальной доктриной образования в Российской Федерации до 2025 года стала подготовка высокообразованных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и развития наукоемких технологий. Осуществление этой задачи возможно через поиск новых форм, методов и средств обучения, обеспечивающих более широкие возможности развития, саморазвития и самореализации личности. Таким образом, в центре концепции современного образования находятся личности педагога и обучающихся. В связи с этим исследования образовательного процесса, разработка и внедрение методов обучения и психолого-педагогических технологий в образовательных организациях приобретают особую актуальность.

В статье рассматриваются значимые понятия: «обучение», «методы обучения», «технология», также предпринята попытка определить понятия педагогической технологии, технологии обучения, психолого-педагогической технологии, их взаимосвязь и взаимодействие. Содержательные характеристики названных и других понятий актуализируются (проявляются) и постепенно совершенствуются в психолого-педагогической деятельности. Кроме того, анализируются различные классификации методов обучения и видов технологий. Статья написана по результатам теоретического исследования и эмпирической работы, проведенной автором с преподавателями, адъюнктами и аспирантами, непосредственно участвующи-

---

© Тюгаева Н. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ми в образовательном процессе Академии ФСИН России. В ходе исследования обсуждались вопросы повышения качества обучения в различных образовательных организациях. Респонденты пришли к выводу о том, что основным фактором, способствующим улучшению образовательного процесса, является разработка и применение различных методов и технологий в их совокупности. Большое значение при этом имеет уровень методологической и методической подготовленности педагогов. Необходимо уделить особое внимание четкой организации образовательного процесса, максимальному обеспечению условий для научно-исследовательской работы, прохождению педагогической практики и проведению досуга. Таким образом, в статье изложены основные психологические и педагогические понятия, сформулированы их определения, представлены различные точки зрения, обозначены тенденции и перспективы развития исследуемой проблемы.

Ключевые слова: метод, методы обучения, технология, педагогическая технология, технология обучения, психолого-педагогическая технология, алгоритм действий, структура и признаки технологии.

Введение

Обучение является одним из важнейших путей получения образования, под которым принято понимать овладение системой знаний, выработанных человечеством. Процесс усвоения знаний в психолого-педагогической литературе рассматривается как сложная деятельность обучающихся по овладению многовековым опытом человечества, отраженным в учебных предметах (модулях). Структура процесса обучения представляет собой деятельность педагога – преподавание и деятельность обучающихся – учение. Итак, преподавание и учение составляют сущность процесса обучения, а содержание его определяется учебным планом и программами. Результаты обучения – качество знаний, умений, навыков, компетенций, уровень воспитанности и развития обучающихся.

Психологический механизм усвоения знаний, формирования умений, навыков и компетенций как целостный педагогический процесс включает в себя: восприятие (отражение предметов, явлений, действующих в данный момент на органы чувств человека); осмысливание (понимание учебного материала); запоминание (удержание в памяти воспринимаемого и осмысленного); практическое применение полученных знаний (правильное использование). Иными словами, перечисленные этапы, их последовательность укладываются в формулу: от живого созерцания к абстрактному мышлению, а от него к практике (В. И. Ленин). В современной понимании для процесса обучения характерны следующие признаки: а) двусторонний характер; б) совместная деятельность обучаемых; в) руководство со стороны обучающего; г) специальная планомерная организация и управление; д) целостность и единство; е) соответствие закономерностям возрастного развития обучаемых; ж) управление развитием и воспитанием обучаемых.

Таким образом, анализ изложенного выше приводит к выводу о том, что все этапы процесса взаимосвязаны между собой, на каждом из них ставятся как общие, так и частные задачи обучения, успешность решения которых во многом зависит от знания методов и методики обучения учебному предмету. Преподавание считается одним из самых консервативных видов деятельности, но в условиях информатизации общества любая деятельность должна эволюционировать. Классический способ преподавания нового материала в образовательных организациях выглядит следующим образом: педагог излагает материал, обучающиеся его записывают, а позже изучают (точнее, должны)

свои конспекты. Такая методика используется подавляющим числом преподавателей. Сейчас списывают не с обычной доски, а с мультимедийной, но это мало что меняет. Иными словами, в существующих образовательных системах до сих пор доминируют методики (технологии), направленные на интенсификацию формирования объема знаний.

Целью исследования являлось выявление у педагогов степени знания и применения различных методов обучения и психолого-педагогических технологий для повышения качества знаний, умений, навыков и компетенций обучающихся.

Постоянно меняющемуся обществу необходимо непрерывное образование личности. Образовательные системы и процессы должны отличаться большой гибкостью и динамичностью, отвечать многим вызовам времени. Это обусловлено тем, что качественное образование является основой развития общества. Модернизация российского образования происходит в соответствии с современными требованиями: изменяются цели, содержание, формы и методы обучения. При этом актуализируются вопросы повышения качества и уровня образования, использования инновационного подхода к решению задач оценки и управления качеством подготовки специалистов, поиска новых методов обучения, новых образовательных технологий.

Новая парадигма образования опирается на развитие человека, его инновационных способностей, постоянное пополнение знаний, опыта. Она основана не на механическом запоминании, а в первую очередь на понимании и умении быстро соображать и творчески использовать изучаемый материал, то есть на достижении за ограниченное время требуемого уровня компетенций в учебной, профессиональной и научной деятельности [1]. Именно поэтому выпускник должен иметь способность систематически мыслить, уметь выносить правильные оценочные суждения, применять творческое воображение. Он должен обладать не только всеми предусмотренными Госстандартом профессиональными знаниями, умениями, навыками, но и высоким уровнем этического, экологического и эстетического сознания, стремлением к саморазвитию и творческой активностью [2].

Проблему методов обучения и образовательных технологий рассматривали многие зарубежные и российские ученые: Я. А. Коменский, С. Т. Шацкий, И. С. Матрусов, М. В. Рыжак, Ю. К. Бабанский, И. Д. Зверев, Э. И. Монозон, И. Я. Лернер, М. А. Данилов, Б. П. Есипов, М. Н. Скоткин, И. Т. Огородников, А. М. Матюшкин, М. И. Махмутов, Г. А. Бордовский, В. П. Беспалько, М. В. Кларин, Н. Ф. Талызина, Т. Сакамото, В. А. Беляева, Г. К. Селевко, А. А. Вербицкий, Ф. Янушкевич, В. С. Кукушкина, Дж. Брунер, П. Кенес-Комовский, Н. Е. Щуркова.

Предметом проведенного исследования стало изучение влияния системы дидактических методов и комплекса психолого-педагогических технологий с учетом специфики образовательной организации на качество и уровень образования, на формирование профессионально важных характеристик личности. Выдвигается **гипотеза** о том, что использование исторически сложившихся, апробированных и современных дидактических методов и образовательных технологий непосредственно влияет на эффективность процесса преподавания и учения, развитие и самореализацию личности педагога и обучающихся.

Методы исследования

Для достижения поставленной цели применялись следующие исследовательские методы: изучение и анализ научной психолого-педагогической литературы и других источников, письменный и устный опрос, тестирование, естественный эксперимент. Кроме того, использовались герменевтический метод (герменевтика – от греч. *hermenetikos* –

разъясняющий, истолковывающий. Метод зародился еще в Древней Греции и развивался как искусство толковать непонятное, объяснять смысл чужого языка или знака, как учение о понимании), методы фокус-группа и фокус-интервью (фокус-группа – относительно небольшое число непосредственно контактирующих специалистов, объединенных общими целями и задачами. Особенностью, отличающей фокус-группу от сложных и больших групп, является ее относительная «структурная простота». Размер фокус-группы может быть от 5 до 10 человек) .

Статья основана на результатах работы фокус-групп и проведения фокус-интервью, на которых обсуждались вопросы, касающиеся образовательного процесса и возможных способов повышения его эффективности. В первой фокус-группе приняли участие 7 преподавателей адъюнктуры и аспирантуры Академии ФСИН России, во второй – 10 адъюнктов Академии ФСИН России и три аспиранта Института Академии ФСИН России, в третьей – два доктора педагогических наук и два доктора психологических наук, а также два руководителя учебного отдела Академии ФСИН России. В процессе научных дискуссий и интервью обсуждались дидактические вопросы, проблемы качественной подготовки специалистов, научно-педагогических кадров, современные способы повышения психолого-педагогического мастерства непосредственных участников образовательного процесса, а также пути развития дидактики образовательных организаций высшего образования.

Результаты исследования

В процессе исследования фокус-группы решали конкретные задачи: 1) определение знаний о методах и психолого-педагогических технологиях и использование их в образовательной деятельности; 2) выявление факторов, способствующих повышению и затрудняющих повышение качества обучения; 3) разъяснение и усвоение способов и путей совершенствования теоретических знаний и практических умений использования методов и психолого-педагогических технологий.

В первой фокус-группе приняли участие семь преподавателей адъюнктуры и аспирантуры Академии ФСИН России. Их алгоритм общения заключался в следующем: моделирование проблемных ситуаций из своей практики; возможные варианты их решения; обсуждение и анализ решений; дискуссия; оценка по пятибалльной системе уровня знаний методов и технологий, а также степени владения их использованием. Было отмечено, что все преподаватели хорошо знают теорию и активно применяют разнообразные методы и методики обучения, но последние называют психолого-педагогическими технологиями обучения. На вопрос: «Что, по-вашему, влияет на улучшение сделанных выводов?» – получен один ответ: недостаточно проводится методологических и методических семинаров, учебно-методических сборов, научно-методических конференций и др., на которых обсуждались бы история и теория возникновения и развития методов, методик, технологий обучения и воспитания, а также обмен опытом.

Вторую фокус-группу составили десять адъюнктов и три аспиранта Института Академии ФСИН России, обучающиеся на факультете подготовки научно-педагогических кадров по очной и заочной формам обучения. Необходимо отметить, что все они являются преподавателями с высшим юридическим, психологическим, педагогическим и экономическим образованием. Дискуссия проходила по вопросам методологии научных исследований, психологии и педагогики высшей школы. Практические умения, навыки и компетенции формировались в процессе пробных лекций, семинарских занятий, ролевых и деловых игр, а уровни их сформированности проверялись непосредственно во время прохождения практики, обсуждения открытых учебных занятий. Были выявлены

факторы, затрудняющие получение специальности «Преподаватель. Преподаватель-исследователь». Все респонденты ответили, что основным фактором является освоение дидактической теории, разработка технологии научного исследования, информационных технологий, психолого-педагогических технологий образовательного процесса. В результате обосновано предложение об усилении практико-ориентированного обучения, индивидуальной работы и контроля со стороны соответствующей кафедры.

Содержание фокус-интервью заключалось в поиске ответов на вопросы о том, почему педагогическая деятельность не достигает ожидаемых результатов, какие негативные факторы влияют на эффективность деятельности, как гарантировать достижение целей, как повысить качество образования и др. Было отмечено, что одним из негативных факторов любой деятельности является отсутствие целей и ожидаемых результатов, то есть низкая эффективность. Причины могут быть разные: от нереальности поставленных целей и задач до несовпадения желаемого и возможного в профессиональной деятельности. Поиски ответов на поставленные и другие вопросы привели ученых и практиков к созданию технологических процессов деятельности с гарантированными результатами. Так возникают технологии, однако обратимся к истории.

В педагогической науке и практике накоплен огромный опыт теоретического и практического решения проблемы методов обучения. Анализ этого опыта оказывает необходимость приведения методов обучения в соответствие с содержанием образования и вызовами времени. От теоретического решения проблемы методов обучения (создание общей теории методов обучения) зависят направленность учебного процесса, деятельность обучающихся и преподавателя и в конечном счете достижение целей образования. Однако проблема настолько сложна и многоаспектна, что однозначное ее решение пока не предвидится. Об этом свидетельствует обилие различных, часто полярных точек зрения на многие вопросы, связанные с методами обучения.

Метод (от греч. *методос* – путь к чему-либо) означает: а) способ достижения цели; б) определенным образом упорядоченную деятельность. Существуют различные определения метода обучения. В основном их содержание сводится к тому, что методом обучения называют способ упорядоченной взаимосвязанной деятельности педагога и обучающихся, направленной на решение задач образования, воспитания и развития в процессе обучения. Активизировать познавательную деятельность обучающихся позволяет применение разных методов, которые взаимодействуют и обуславливают свое применение в учебной деятельности. Один метод продолжает «работу» другого метода. При этом следует иметь в виду, что ни один метод не дает прямого учебного результата. Сначала применение метода вызывает определенную деятельность обучающихся, вносит те или иные изменения в учебную деятельность, и только потом как результат этой деятельности у обучающихся возникают знания, умения и привычки. В этом смысле каждый метод представляет собой средство управления механизмом процесса обучения. Логика построения системы методов должна отражать логику рациональной организации процесса обучения [3, с. 153].

В области методов обучения идут постоянные поиски, предлагаются различные группировки методов. В многовековой практике обучения сложились следующие основные методы: инструктаж, упражнение, контроль, о которых пишет С. Т. Шацкий: «...мы должны говорить о правильной организации урока. В каждом уроке существует часть инструктивная, когда учитель что-нибудь объясняет, дает разнообразные указания, дает задания. И затем часть исполнительская, которая проводится детьми по указаниям учителя. Эта исполнительская часть проходит под непосредственным контролем учителя,

когда он следит за каждым шагом или же проводит последующий контроль. В итоге этих инструкций, исполнения и контроля получается тот или иной результат» [4, с. 153].

Теория и практика преподавания открывает большой простор для использования других методов обучения, их группировок. В зависимости от основания группировок классификация методов будет различной. Так, согласно основным дидактическим целям, задачам, реализуемым на конкретных этапах обучения, методы подразделяются: на методы получения знаний, формирования умений, навыков, компетенций; применение знаний; творческой деятельности; закрепления и проверки знаний, умений, навыков, компетенций. В соответствии с характером познавательной деятельности обучающихся выделяют такие методы, как объяснительно-иллюстративный; репродуктивный; исследовательский; проблемного изложения информации.

Как было отмечено ранее, метод есть способ деятельности, поэтому система методов охватывает все акты педагогических воздействий, направленные на обучение. В связи с этим И. Я. Лернер предлагает свою классификацию методов обучения:

1) информационно-рецептивный (объяснительно-иллюстративный) метод – заключается в предъявлении готовой информации, с одной стороны, и в ее осознанном восприятии и запоминании обучающимися, с другой стороны. При этом используются словесные, наглядные, практические средства, формы проявления: говорение, слушание; показ и просмотр;

2) репродуктивный метод, или метод организации, воспроизведения способов деятельности, – педагог конструирует систему заданий на воспроизведение действий, уже известных и осознанных обучающимися благодаря информационно-рецептивному методу. Обучающиеся, выполняя эти задания, отрабатывают их воспроизведение. Применяется метод посредством системы упражнений. Репродуктивный метод поднимает усвоение знаний на второй уровень усвоения, то есть на уровень работы по образцу и в вариативных, но легко опознаваемых ситуациях;

3) исследовательский метод – формирует черты творческой деятельности; организует творческое усвоение знаний; обеспечивает овладение методами научного познания; является условием формирования интереса, потребности в творческой деятельности. Осуществляется в формах: заданий, поддающихся быстрому решению; заданий, требующих по времени целого урока (занятия); домашних заданий на определенный или ограниченный срок;

4) эвристический метод – осуществляется в форме беседы. В отличие от исследовательского метода (целостное решение проблемы) эвристический метод помогает овладению отдельными этапами решения проблемы, частичному решению творческих задач;

5) метод проблемного изложения информации – осуществляется в строгом логическом чтении текста, рассуждении, демонстрации опыта, таблиц, графиков и т. д. Обучающийся не только воспринимает, осознает и запоминает информацию, но и следит за логикой доказательства, движением мысли педагога или заменяющего его средства (кино, телевидение, книга и т. д.), контролирует ее убедительность [5].

Результаты теоретического исследования обозначенной проблемы приводят к выводу о том, что первый и второй методы обучения предназначены для обеспечения усвоения готовых знаний и умений, они были и остаются самыми экономичными и целесообразными. Кроме того, выявлено, что объяснительно-иллюстративный метод реализуется в дедуктивной форме, если педагог сообщает обобщенные знания (дает дефиниции, знакомит с закономерностями, объясняет), затем приводит множество частных примеров, подпадающих под общее правило, наполняющих абстракцию конкретным содержанием.

ем (иллюстрирует, объясняет). Есть еще одна форма – индуктивная (Я. А. Коменский). Педагог движется от частного к общему, от конкретных представлений, многообразия проявлений, иллюстраций к их обобщению, обнаружению «единого во многом». Словесное, вербальное определение, формулировка правила, закономерности, категоризации, обобщения частных проявлений какой-либо «сущности».

Методы информационно-рецептивный и проблемного изложения могут быть осуществлены посредством устного слова, чтения первоисточников, учебника, с помощью изобразительных и технических средств обучения. Репродуктивный метод предполагает повторение обучающимися предварительно показываемых педагогом способов деятельности на вербальном и образном материале, практические действия с предметами и знаковой системой. Эти методы, обеспечивая подготовку обучающихся к воспроизведению и тем самым сохранению обобщенного и систематизированного опыта человечества, не могут, однако, обучить творческой деятельности. Они являются предпосылкой, но сами ей не учат. Исследовательский и эвристический методы обучения являются продуктивными, потому что они включают в себя конструирование, проектирование, планирование и проведение эксперимента, решение поисковых (творческих) задач.

Общий вывод касательно приведенных методов обучения заключается в следующем: это не классификация методов, а их номенклатура, выступающая как систематизация всего многообразия приемов обучения.

Предлагаются и другие классификации, но наиболее приемлемой и многократно апробированной на практике является классификация методов по видам деятельности педагога и обучающихся, по источникам получения знаний, формирования умений, навыков, компетенций. В соответствии с этой классификацией основные методы обучения можно объединить в следующие группы: 1) словесные методы: рассказ, объяснение, беседа, лекция, самостоятельная работа обучающихся с первоисточниками, учебниками под руководством педагога; 2) наглядные методы: наблюдение, иллюстрация наглядных пособий; демонстрация кинофильмов, видеозаписей; 3) практические методы: устные и письменные упражнения; графические, лабораторные, практические работы, показ, эксперимент.

Изучение научной литературы показывает, что в дидактике существуют модифицированные авторские методы и их классификации. Например, О. С. Гребенюк, определяя метод обучения как систему принципов и правил организации педагогически целесообразного взаимодействия педагога и обучающихся, применяемую для определенного круга задач обучения, развития и воспитания, предлагает следующую классификацию методов: 1) монологический метод обучения: вербальное изложение учебного материала, исполнительская деятельность обучающихся; 2) показательный метод обучения: показываются логика решения научной проблемы, образец доказательства, способы решения практической проблемы; 3) диалогический метод обучения: изложение учебного материала в форме сообщений, беседы, сущность новых понятий объясняет педагог; 4) эвристический метод обучения: формирование новых знаний происходит на основе эвристической беседы, самостоятельной работы обучающихся; 5) исследовательский метод обучения: самостоятельная работа обучающихся по изучению нового знания; 6) алгоритмический метод обучения: устное инструктирование обучающихся, показ образца действия и алгоритма его выполнения; 7) программированный метод обучения: машинное и безмашинное программирование учебного материала с постановкой вопросов и заданий обучающимся для самостоятельного усвоения знаний, способов действий [6].

Таким образом, возникает вопрос: каких из приведенных методов обучения и их классификаций необходимо придерживаться? Сравнение методов, их определений, группировок показывает, что они не противоречат одно другому (сущность одна и та же), а дополняют друг друга. Именно поэтому полезно знать все приведенные и другие методы обучения. Универсальных методов обучения нет, они используются в комплексе. В то же время выбор методов обучения не может быть произвольным. Лишь на первый взгляд, и то не специалисту, может показаться, что преподаватель выбирает методы, как ему заблагорассудится. В психолого-педагогической литературе выделяют немало условий, влияющих на выбор методов обучения: а) дидактическая цель; б) реализация дидактических принципов; в) уровень подготовленности обучающихся; г) уровень методологической и методической подготовленности педагога; д) материально-технические и организационные (например, количество обучающихся) условия обучения; е) объем и сложность учебного материала; ж) взаимоотношения между обучающим и обучающимися (сотрудничество и авторитарность); з) реализация функций методов обучения (обучающая, воспитывающая, развивающая, побуждающая (мотивационная), контрольно-коррекционная). При выполнении приведенного алгоритма действий следует помнить, что психолого-педагогический механизм обучения остается тем же – восприятие, осмысление (осознание), запоминание, применение.

Обсуждение

Краткий экскурс в историю развития дидактики, анализ результатов исследования позволили констатировать: если на протяжении столетий для передачи знаний использовались почти исключительно живое слово учителя, учебные книги и довольно скудный арсенал учебно-наглядных пособий, то теперь открылась возможность для концентрированной передачи информации современными техническими средствами. Обычные таблицы, графики, дают статичное изображение изучаемых предметов и явлений, а кино и телевидение значительно расширяют границы чувственно воспринимаемых картин, явлений. Более широкое применение находят также демонстрация натуральных объектов, объемных макетов, действующих моделей, и различных опытов. Все это позволяет в более сжатые сроки давать обучающимся в концентрированном виде значительный объем научной информации. Таким образом, одним из важнейших направлений дальнейшего совершенствования образовательного процесса является приведение методов обучения в соответствие с вызовами времени.

В период социально-экономических преобразований в России, глобализации, научно-технического прогресса, сложности информационных процессов появилась необходимость модернизации российского образования. Одной из главных задач преобразований в соответствии с Национальной доктриной образования в Российской Федерации до 2025 года стала подготовка высокообразованных людей и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и развития новых наукоемких технологий. Так появляются технологии, тем более, как показало исследование, предпосылки для этого были созданы.

Понятие «технология» используется в нескольких значениях. С одной стороны, технология – это способ материализации трудовых функций человека, его знаний, навыков и опыта в деятельности по преобразованию предметов труда или социальной реальности. С другой стороны, технология – это практическая деятельность, которая характеризуется рациональной последовательностью использования инструментария с целью достижения качественных результатов труда. В широком смысле слова технология – это способ

осуществления деятельности на основе ее рационального расчленения на процедуры и операции с их последующей координацией и выбора оптимальных средств и методов их выполнения. Характерными признаками технологии являются: процессуальность как единство целей, содержания, форм, методов и результатов деятельности; совокупность методов изменения объекта; проектирование процесса изменения [7]. Вышеизложенное полностью относится и к образовательному процессу. Современность предполагает обязательность внедрения в образовательную практику научно обоснованных и экспериментально проверенных дидактических нововведений. Такие нововведения представляют собой важный источник прогресса в обучении, они способствуют ломке не всегда оправданных традиций и стереотипов поведения. Инертность систем образования выступает в качестве одной из важнейших причин кризисов в образовательной практике [8]. В связи с этим процесс разработки и внедрения психолого-педагогических технологий в образовательных организациях приобретает особую актуальность.

Проведенный анализ специальной литературы и обсуждения проблемы в научном сообществе приводит к выводу о том, что современная технология обучения имеет свою теорию, связанную с достижениями как педагогических, так и многих других наук; она направлена прежде всего на научно обоснованное построение учебного процесса, базирующегося на широком использовании технических средств обучения, включая вычислительную технику, современные (главным образом аудиовизуальные) дидактические материалы, активизирующие методы обучения и дидактическую технику. Развитие последних может направить эволюцию технологии обучения в сторону создания области научного знания о дидактической технике, то есть науки, задачей которой станет обеспечение на практике достижения поставленных учебных целей наиболее эффективным путем за счет широкого использования системы испытанной дидактической техники.

Педагогическая технология выступает предметом дискуссий и научных споров в течение многих столетий. Ни один выдающийся педагог не мог обойти эту проблему. Однако курс «Педагогические технологии» в образовательных организациях высшего образования сравнительно молод – ему еще менее полувека. Понятие «педагогическая технология» соотносится в отечественной педагогике с процессами обучения и воспитания, в отличие от зарубежной, где оно ограничено сферой обучения.

Принимая тезис о том, что основу обучения должно составлять «искусное распределение времени, предметов и метода», великий чешский педагог Я. А. Коменский создал педагогическую технологию, основанную на принципе поточной системы производства, сохраняющую, впрочем, свое доминирующее положение и в современном обществе. Идею технологизации обучения поддерживали и другие выдающиеся педагоги. Однако были и противники, например представители такого направления в педагогике, как «педагогика творчества» (Гансберг, Линде и др.). Они считали недопустимой попытку с помощью заранее отработанной технологии воздействовать на уникальную личность ребенка. «Сколько личностей, столько и средств их воспитания», – утверждали они.

В начале 1920-х годов складывается педагогическая технология С. Т. Шацкого, воплощенная им в Первой опытной станции по народному образованию, которая представляла собой комплекс научно-исследовательских педагогических учреждений, детских садов, школ, где на основе единой исследовательской программы разрабатывались и на практике проверялись формы и методы воспитания. В первой половине 1920-х годов в Школе социально-индивидуального воспитания имени Достоевского (Петроград) сложилась педагогическая технология В. Н. Сороки-Росинского. Создавая свою педагогическую технологию, он ставил цель превратить жизнь молодежи «в непрестанное

самоутверждение личности, в постоянное самотворчество». Исключительное значение его педагогической технологии в том, что она позволяла переключить разрушительную деятельность обучаемых на значимую, сознательную, творческую. В 1930-е годы формируется идея, которая определила новую матрицу педагогических технологий, – развитие ребенка происходит под воздействием обучения и воспитания и только благодаря им.

Таким образом, можно утверждать, что педагогические технологии – уникальное явление в отечественной педагогике. Выстроенные на различных концептуальных основах, они заключали в себе общие педагогические принципы. К сожалению, в конце 1930-х годов негативные социально-политические явления привели к резкой критике созданных педагогических технологий, поэтому они были преданы забвению на многие десятилетия.

В связи с обозначенным положением государственной политики употребление термина «педагогическая технология», обсуждение его определений, структуры оставалось обоснованным и требовало дальнейших исследований. Изучение литературы касательно педагогических технологий и дискуссий показало, что педагогическую технологию нельзя рассматривать только в теоретическом плане, тем самым определяя ее как еще один из разделов педагогической науки. Не следует ее рассматривать и чисто прагматически, понимая под технологией обучения совокупность практических правил дидактической деятельности. Отсюда следует, что любая технология представляет собой синтез науки и практики. Источниками психолого-педагогической технологии являются достижения педагогической, психологической и социальных наук, передовой опыт, народная педагогика, все лучшее, что накопилось в отечественной и зарубежной педагогике прошлых лет. Часто технологию представляли как то, что учителя и преподаватели реализуют в своей работе, да и сейчас многие так думают. Достаточно долго педагогические технологии отождествляли с простым использованием технических средств обучения. Такая ограниченная трактовка хотя редко, но встречается и сегодня. Для нее характерна формула «Технология (техника) обучения» [9, с. 18–19]. Однако механическое введение в образовательный процесс технических средств, безусловно, очень важных, не может обеспечить достижение нужных результатов.

Возникнув в рамках проблематики использования технических средств обучения в ходе многолетней дискуссии и научного поиска, технология обучения в современном ее понимании преобразовалась в систему знаний, имеющую определенную научную базу, охватывающую всю совокупность проблем, связанных с целями, содержанием и проведением образовательного процесса. Несмотря на то что педагогические технологии развиваются уже длительное время, до сих пор, как справедливо отмечают многие авторы, респонденты, участники дискуссий, члены фокус-групп, в отечественной психолого-педагогической литературе нет их четкого определения. Это следствие, во-первых, недостаточного уровня развития дидактических теорий, во-вторых, технологии базируются прежде всего на практике, а голый эмпиризм по самой своей природе не способствует теоретическим обобщениям, в-третьих, в ходе многолетних поисков сущности, области действия технологии обучения и вероятных путей ее дальнейшего развития не все ученые стремились дать технологии строгое определение. При этом сама по себе двойственность технологии не содействует ее трактовке в узких рамках одного определения.

Таким образом, единого определения априори быть не может, поскольку каждый исследователь, решая конкретные задачи, формулирует свое определение технологии. И это правильно, иначе не было бы обсуждения и дискуссий.

Так, А. Г. Молибог считает, что научная организация учебного процесса – это комплекс мероприятий, направленных на достижение наивысшей эффективности учебного процесса за минимальное время с наименьшей затратой сил и средств. Он полагает возможным определить технологию обучения как систему указаний, которые в ходе использования современных методов и средств обучения должны обеспечить подготовку специалиста нужного профиля за возможно более сжатые сроки при оптимальных затратах сил и средств, при этом он указывает, что получение максимальной эффективности предполагает использование достижений современной технической мысли, теории информации, точных и гуманитарных наук. Таким образом он приходит к следующему выводу: для того чтобы достичь наилучших результатов в учебном процессе, нужно уметь правильно оценить имеющиеся условия, учесть влияние всех факторов и оптимальным образом их подобрать. Другими учеными дается иное определение: технология обучения – это область знания, связанная с закономерностями построения, реализации и оценки всего учебного процесса с учетом целей обучения. Ее основу составляют результаты исследований процессов обучения и общения людей с использованием как человеческих, так и материальных ресурсов. Цель технологии обучения – обеспечить рост эффективности процесса обучения.

Сходство этих определений свидетельствует о близости проблематики технологии обучения и научной организации учебного процесса. Различие заключено в характере рассматриваемых проблем. Если технология обучения ограничивается изучением (с позиции возможностей управления и контроля) непосредственного «окружения» обучающегося, то научная организация учебного процесса охватывает весь учебный процесс, включая вопросы управления им и его обеспечения. Вместе с тем следует отметить, что технология обучения последовательно расширяет поле своего научного поиска, а также круг проблем, которыми она занимается.

Приведенные определения технологии обучения нельзя считать ни совершенными, ни полными, в связи с этим рассмотрим и некоторые другие определения и подходы к технологии обучения, которые были предложены представителями педагогической науки и психологами. Например, Дж. Брунер определяет технологию обучения как область знания, связанную с определением системы предписаний, обеспечивающих оптимизацию обучения. П. Кенес-Комоский видит применение технологии в любых созданных людьми устройствах, используемых в процессах или логической технике, которые связаны с систематическим достижением определенных результатов и их воспроизведением. Японский ученый Такиша Сакамото определяет технологию как область научного знания, цель которого – практическое изучение возможностей достижения максимальной эффективности в обучении на пути правильного учета и подбора всех возможных факторов, влияющих на его протекание. О. П. Околелов убежден, что педагогическая технология есть целостная совокупность разнокачественных процедур (дидактических, общепедагогических, психологических), обусловленная соответствующими целями и содержанием обучения и воспитания, которые призваны осуществлять требуемые изменения (вплоть до возникновения новых) форм поведения и деятельности обучающихся [10, с. 45–50]. Сравнительный анализ определений педагогической технологии, примеры которых можно почерпнуть из литературы по этой проблематике, свидетельствует о том, что, имея общую сущность, они мало чем отличаются по названию. В то же время для большинства из них характерна тенденция к системности в ее понимании, что означает преодоление односторонней увлеченности техническими средствами обучения.

Таким образом, вышеизложенное относится к развитию дидактической теории как к одному из направлений исследования, проведенного автором. Следует особо отметить другое направление – в научно-исследовательской деятельности психолого-педагогическая технология представляет собой последовательное определение целей, содержания, методов, форм и средств достижения планируемых результатов с учетом выявленных в ходе исследования противоречий, принципов и закономерностей, иными словами, алгоритм действий при проведении диссертационных и других исследований.

Согласно третьему направлению педагогическая технология функционирует в качестве науки, исследующей наиболее рациональные пути обучения, и в качестве системы способов, принципов и регуляторов, применяемых в обучении, и в качестве реального процесса обучения. Такое понятие педагогической технологии может быть представлено тремя аспектами:

– научный: педагогические технологии – часть педагогической науки, изучающая и разрабатывающая цели, содержание, методы обучения и проектирующая педагогические процессы;

– процессуально-описательный: описание (алгоритм) процесса, совокупность целей, содержания, методов и средств для достижения планируемых результатов обучения;

– процессуально-действенный: осуществление технологического (педагогического) процесса, функционирование всех личностных, инструментальных и методологических педагогических средств [11, с. 15].

В образовательной практике понятие «педагогическая технология» используется на трех иерархических соподчиненных уровнях (С. Г. Селевко):

1) общепедагогический (общедидактический) уровень: общепедагогическая (общедидактическая, общевоспитательная) технология характеризует целостный образовательный процесс в данном регионе, учебном заведении, на определенной ступени обучения. Здесь педагогическая технология синонимична педагогической системе: в нее включаются совокупность целей, содержания, средств и методов обучения, алгоритм деятельности субъектов и объектов процесса;

2) частнометодический (предметный) уровень: термин «частнопредметная педагогическая технология» употребляется в значении «частная методика», то есть как совокупность методов и средств для реализации определенного содержания обучения и воспитания в рамках одного предмета, группы, мастерской, одним педагогом (методика преподавания предметов, методика компенсирующего обучения, методика работы педагога, воспитателя);

3) локальный модульный уровень: локальная технология представляет собой технологию отдельных частей образовательного процесса, решение частных дидактических и воспитательных задач (технология отдельных видов деятельности, формирования понятий, воспитания отдельных личностных качеств, технология занятия, усвоения новых знаний, технология повторения и контроля материала, технология самостоятельной работы и др.).

Представленные выше определения, аспекты и уровни позволяют выделить основные структурные составляющие психолого-педагогических технологий: а) концептуальная основа; б) содержательная часть обучения; в) процессуальная часть – технологический процесс: организация учебного процесса; методы и формы учебной деятельности обучающихся, методы и формы работы преподавателя, его деятельность по управлению процессом усвоения материала, диагностика учебного процесса (итоги, результаты).

Раскрывая сущность и структуру психолого-педагогической технологии, следует согласиться с М. В. Клариним, который справедливо заметил, что понятие «педагогическая технология» соотносится в отечественной педагогике и педагогической психологии с процессами обучения и воспитания, в отличие от зарубежной педагогики, где оно ограничено сферой обучения [12].

В психолого-педагогической технологии содержание, методы, средства обучения и воспитания находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности. Педагогическое мастерство преподавателя (педагога) состоит в том, чтобы отобрать или разработать ту технологию, которая соответствует программе и образовательным задачам. Помогает в этом деле знание и использование следующих методологических требований (признаков) технологии: а) концептуальность – опора на научную концепцию, включающую в себя философское, психологическое, дидактическое, социально-педагогическое обоснование; б) системность – логика процесса, взаимосвязь всех его частей, целостность; в) управляемость – возможность диагностического целеполагания, планирования, проектирования процесса, поэтапной диагностики, варьирования средствами и методами с целью коррекции результатов; г) эффективность – по результатам, оптимальность по затратам, гарантии достижений определенных стандартов; д) воспроизводимость – возможность применения (повторения) в других однотипных условиях другими субъектами.

В специальной литературе представлены несколько классификаций педагогических технологий – В. Г. Гульчевской, В. П. Беспалько, В. Т. Фоменко, Г. К. Селевко и др. Сегодня общепризнано, что человек есть результат совокупного влияния биогенных, социогенных и психогенных факторов, но конкретная технология может учитывать или делать ставку на какой-либо из них, считать его основным. Не существует таких моно-технологий, которые использовали бы только один какой-либо единственный фактор, метод, принцип. В таком случае понятие «методика процесса обучения» уже понятия «педагогическая технология». Однако акцент на том или ином процессе обучения придает технологии определенный характер, в соответствии с этим она и получает от этого свое название. Например, личностно-ориентированные технологии ставят в центр всей образовательной системы личность, обеспечение комфортных, бесконфликтных и безопасных условий ее развития, реализации ее природных потенциалов. Личность в этой технологии не только субъект, но и субъект приоритетный. Такие технологии называют еще антропоцентричными.

Педагогические технологии классифицируются по типам: вербальные (аудио), наглядные (видеообучение), аудиовизуальные, программированные, элетронно-обучающие, компьютерные, дистанционные, спутниковые и разнообразно действенно-практические. Это внешние средства по отношению к обучающимся. Совокупность технологий преподавания учебного предмета является вариативными технологиями.

К новейшим педагогическим технологиям в области образовательного процесса в образовательных организациях всех уровней, как показало исследование и обсуждение его результатов, можно отнести следующие: а) предметные технологии планирования и организации образовательного процесса; б) технология модульного построения образовательных программ учебных дисциплин и курсов; в) технология построения структурно-логической схемы изучения предметов методом погружения; г) технология построения педагогической системы дистанционного обучения; д) теории и технологии конкретного образования; е) мультимедийные технологии в образовании; ж) технологии обучения с использованием кейс-метода (применение) в учебном процессе видеокейсов.

Таким образом, краткий обзор истории развития методов обучения, определений и понимания технологии обучения позволяет сделать вывод о путях эволюции этого понятия. Возникнув в условиях активного использования технических средств обучения и чистого практицизма, в ходе многолетней дискуссии и научного поиска технология обучения, или педагогическая технология в современном ее трактовании, преобразовалась в систему знаний, имеющую научную базу, охватывающую совокупность проблем, связанных с целями, содержанием и проведением образовательного процесса, а также с повышением его качества.

Особо следует отметить: все психолого-педагогические технологии взаимосвязаны по своей сути. Помимо мастерства, важно прививать обучающимся гибкость мышления. Технологии сейчас меняются очень быстро, и нужно быть готовым к переменам, оставаясь верным себе в повышении образовательной эффективности. В то же время необходимо помнить, что компьютер – это не цель, а средство, внешнее по отношению к обучающимся. Если без этой сложной машины можно обойтись, то лучше обойтись. Это правило сформулировано практикой.

Библиографический список

1. Нечаев В. В., Дарьин А. В. Интеллект – стратегический ресурс информационного общества // Проблемы информатизации. 2001. № 1. С. 37–41.
2. Долятовский В. А., Мазур О. А., Мелешко Е. Н. Измерение и управление качеством подготовки специалистов с высшим образованием. Ростов н/Д ; Невинномыск, 2003. 234 с.
3. Коротов В. М. Воспитывающее обучение. М., 1980. 191 с.
4. Шацкий С. Т. Повышение качества урока // Педагогические сочинения : в 4 т. М., 1965. Т. 4. 328 с.
5. Лернер И. Я. Дидактические основы методов обучения. М., 1981. 185 с.
6. Гребенюк О. С. Общая педагогика : курс лекций. Калининград, 1996. 107 с.
7. Социологический энциклопедический словарь. М., 1998. 488 с.
8. Педагогические технологии в высшей школе : тез. докл. межвуз. конф., 24–25 января 1995 г. Рязань, 1995. 156 с.
9. Янушкевич Ф. Технология обучения в системе высшего образования / пер. с пол. О. В. Долженко. М., 1986. 133 с.
10. Околелов О. П. Современные технологии обучения в вузе. Сущность, принципы проектирования, тенденции развития // Высшее образование в России. 1994. № 2. С. 45–49.
11. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии : учеб. пособие. М., 1988. 256 с.
12. Кларин М. В. Педагогическая технология в учебном процессе. Анализ зарубежного опыта. М., 1989. 77 с.

УДК 316:328.185

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.380-389

ДЖУЛЬЕТТА АЛЬБЕРТОВНА КИТОВА,
доктор психологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник лаборатории психологии личности,
Институт психологии Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID 0000-0002-8185-3974, Researcher IDE-4003-2019,
e-mail: j-kitova@yandex.ru;

АХМЕД МУССАЛИЕВИЧ ШАКОВ,
кандидат психологических наук, доцент,
Высшая школа бизнес-технологий, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: shakov78@mail.ru

ОТНОШЕНИЕ К КОРРУПЦИОННОМУ ПОВЕДЕНИЮ В СТРУКТУРЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Для цитирования

Китова, Д. А. Отношение к коррупционному поведению в структуре представлений современной молодежи / Д. А. Китова, А. М. Шаков // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 3. – С. 380–389. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.380-389.

Аннотация. Коррупция не только наносит ущерб политической, экономической и правовой системам государства, но и деформирует правосознание населения, проявляется в структуре социальной активности личности.

В теоретической части работы показано, что в системе доминирующих отношений человека находят свое отражение мировоззренческие установки, убеждения, ожидания и притязания личности. В эмпирической части исследования выявлены представления молодежи о детерминантах коррупционного поведения, инициаторах взятки и их мотивах. Показано, что оценка коррупционного поведения происходит с психологических позиций, через обращение к культурно обусловленным представлениям о нормативном поведении и стремлении благодарить окружающих за оказанное содействие. Обыденные представления студентов о коррупции и коррупционных правонарушениях неполно отражают правовую реальность, что может привести к неверным оценкам признаков коррупционного поведения и последующему суровому наказанию.

Ключевые слова: психология коррупционного поведения, представления личности, отношение, взятка, мотивы поведения, детерминанты, правовая оценка.

© Китова Д. А., Шаков А. М., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Актуальность. Коррупционные правонарушения наносят ущерб экономическому развитию государства, подрывают авторитет политических и правовых институтов, деформируют правосознание населения [15, 22, 23, 27]. Например, в своем докладе Совету Федерации Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. Чайка отметил, что в 2018 г. ущерб от коррупционных преступлений составил 65,7 млрд р., а к ответственности привлечены 16 тыс. коррупционеров, в том числе более 10 тыс. должностных лиц [9]. К опосредованному экономическому ущербу от коррупции принято относить снижение собираемости налогов и сборов, усиление бюджетного дефицита, снижение конкуренции среди производителей, рост теневой экономики, отток квалифицированных кадров за рубеж [28, 35, 38].

Коррупция имеет и психологические особенности проявления [13, 37]. Так, россияне продолжают считать коррумпированными судебные и правоохранительные органы, органы государственной власти, сферы образования и медицины, военные комиссариаты и таможенные службы [17, 18]. Выявлено, что молодые люди склонны считать коррупцию «неотъемлемой частью деловых отношений», что создает угрозу национальной безопасности государства в стратегической перспективе [16].

Вместе с тем в мировом рейтинге Индекса восприятия коррупции Россия продолжает оставаться в списках высокор腐пированных государств: по итогам 2018 г. она занимает 138-е место, оказавшись в одной группе с такими странами, как Иран, Мексика, Ливан [36].

Таким образом, несмотря на жесткую антикоррупционную политику государства, социальная острота проблемы не теряет своей актуальности.

Теоретико-методологические подходы к исследованию. К анализу феномена отношений обращались представители различных областей знания (Аристотель, Дж. Милль, М. М. Троицкий, Г. Спенсер, Н. Я. Грот, И. Ф. Герbart, В. Вундт, С. Л. Френк и др.). Феномен отношений занимает одно из центральных мест в системе понятий психологической науки [24], позволяя анализировать *представления* личности о мире и самом себе [21]. В основу первых психологических концепций М. Троицким было заложено понимание *психических явлений* как отношений [30]. В эволюционной теории Спенсера отношения рассматриваются в контексте идей *субъектно-объектной связи* и предполагают рассмотрение системы «организм – среда» с позиции целого [29]. В свою очередь, Н. Я. Грот определил отношение сначала как *взаимодействие*, а затем и как *деятельность* [10]. В. М. Бехтерев обосновал идею избирательности в субъектно-объектной связи организма и внешней среды, отметив, что отношение на уровне личности характеризуется *активностью и избирательностью* [6].

Специфика отношений личности определяет особенности *адаптации* к социальной среде. Например, А. Ф. Лазурский обращается к данному феномену для обозначения активного и избирательного *приспособления личности к окружающей среде* [20], а М. Я. Басов представил отношения как связь субъекта и объекта, поддерживаемую *взаимной активностью* организма и среды [5]. В свою очередь, В. Н. Мясищев предложил рассматривать отношения человека как «целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей, которая задает *направленность поведению личности*» [21, с. 143].

На *поведенческие* проявления феномена отношений указывают и другие авторы. Так, Е. В. Шорохова отмечает, что отношения проявляются в социальных *действиях и поступках* [26], а К. А. Абульханова-Славская рассматривает отношения в контексте способов, посредством которых человек решает основные проблемы *жизнедеятельности* [1].

Структурно отношения личности к окружающей действительности организуются в *сложную устойчивую систему представлений*, содержательные особенности которых выступают важнейшими характеристиками психологического склада личности, определяют направленность ее активности [4, 14, 19, 31, 33].

В процессе формирования и развития человека отношения организуются в *иерархическую систему*, в которой одни из них занимают ведущее положение, соответствующее актуально действующим потребностям и мотивам, другие остаются потенциальными, нереализованными. Наиболее стойкие и длительные из них выражаются *в целостном отношении личности* к социально-экономической действительности [11].

Порождаемые миром объективных явлений отношения имеют *субъективный характер*, поскольку для разных людей одни и те же явления неравнозначны. Таким образом, отношения выступают одним из ведущих *механизмов внутренней регуляции* психической деятельности и социального поведения личности [2, 7]. Приведенный обзор проблемы позволяет утверждать, что отношение молодежи к коррупции и коррупционным правонарушениям выступает определяющим фактором их реального поведения и деятельности, предопределяет поступки, лежит в основе *принятия правовых решений*.

Многие российские авторы отмечают, что позитивные правовые представления личности и уважительное отношение граждан к закону являются основой правового и социального благополучия государства, создают основу для эффективного функционирования общества [8, 12, 32]. Таким образом, исследование отношений молодежи к коррупции и коррупционному поведению является актуальной и значимой проблемой психологической теории и социальной практики.

Методические основы исследования. Изучение отношения молодежи к взяточничеству проведено в 2019 г. в рамках исследования представленности коррупции в правосознании молодежи (грант РФФИ № 18-013-01143). В исследовании приняли участие 160 студентов московских вузов (78 юношей и 82 девушки). Опросный лист разработан в ходе пилотажного исследования в 2018 г. посредством обработки ответов на вопросы проективных методик [18]. В рамках данной работы анализируются три вопроса. Первый вопрос носил закрытый характер и звучал следующим образом: «Любой ли подарок должностному лицу является взяткой?». Далее респондентам предлагалось ответить на два открытых вопроса и продолжить предложения: «Взятки дают потому, что...»; «Подарок должностному лицу нельзя считать взяткой, если...». Исследование проводилось в письменной форме, анонимно. Полученные результаты обработаны с помощью контент-анализа и путем количественного подсчета ключевых слов.

Эмпирические результаты исследования. Ответы на первый вопрос: «Как вы думаете, почему люди дают взятки?» – обобщены и представлены в таблице. Частотный анализ ответов респондентов позволил выделить 14 причин, способствующих предложению взятки должностному лицу (по мнению студентов). Полученные результаты позволяют утверждать, что ведущие мотивы коррупционного поведения связаны с получением определенной выгоды (дополнительной – 11,25 % или незаконной – 10,0 % или желанием уйти от ответственности перед законом за совершенные правонарушения (уйти от ответственности перед законом – 11,25 % или выпутаться из неприятностей – 10,0 %). К получаемым выгодам можно отнести и намерение по уменьшению сумм официальных выплат (налогов, штрафов, пени). Такое предположение высказывают 4,38 % респондентов.

Таблица

Мотивы предложения взятки должностному лицу (по мнению студентов)

№ п/п	Мотивы	Кол-во ответов, %
1	Получить дополнительную выгоду	11,25
2	Уйти от ответственности перед законом	11,25
3	Получить незаконную выгоду	10,0
4	Выпутаться из неприятностей	10,0
5	Ускорить решение вопроса	9,38
6	Получить услуги высокого качества	8,75
7	Отсутствие иных альтернатив	8,75
8	Одержать верх над другими	6,25
9	Защититься от недобросовестных действий	6,25
10	Сэкономить силы и время	6,25
11	Уменьшить суммы официальных выплат	4,38
12	Низкий уровень морали	3,13
13	Подстраховаться от неприятностей	3,13
14	Обеспечить внимательное отношение	1,25

Значительное влияние на мотивы коррупционного поведения, по мнению молодых людей, оказывает *фактор времени* (намерение ускорить решение вопроса – 9,38 %) или желание сберечь энергетические ресурсы личности (сэкономить силы и время – 6,25 %).

Самостоятельным мотивом коррупционного поведения рассматривается желание *застраховать себя от неприятностей* (защититься от недобросовестных действий других – 6,25 %; подстраховаться от неприятностей – 3,13 %). В частности, звучат такие аргументы: «чтобы операцию сделали добросовестно» или «чтобы воспитательница не обижала ребенка в детском саду».

В основе коррупционного поведения могут лежать намерения о получении неких *преференций относительно конкурентов* (одержать верх над другими – 6,25 %). Эти мотивы не всегда соотносимы с бизнес-интересами, они могут быть связаны с получением определенной должности в обход конкурентам или бюджетного места в детском саду.

Интересны и предположения, связанные с намерением получить услуги более *высокого качества*, например, медицинские (8,75 %), или обеспечить внимательное к себе отношение (1,25 %). Желание обеспечить чуткое отношение к себе может быть связано, например, с услугами медсестер в больнице или обслуживающего персонала в санаториях.

Заметная часть респондентов (8,75 %) указывает на *вынужденное* поднесение взятки, которое связано с вымогательством со стороны должностных лиц. При этом на *вымогательство* со стороны должностных лиц как причину коррупционных отношений указывают менее 9 % респондентов. Развивая эту позицию, можно отметить, что основная масса студентов (более 90 %) считает инициаторами коррупционного поведения *граждан*, а не должностных лиц.

Незначительная часть респондентов (3,13 %) указывают на психологические мотивы коррупционного поведения, которые связывают с низким *уровнем морали*. В частности, респонденты называют такие моральные качества коррупционеров, как безответственность, беспринципность, эгоцентричность, указывают на отсутствие совести, социальной ответственности и чувства справедливости.

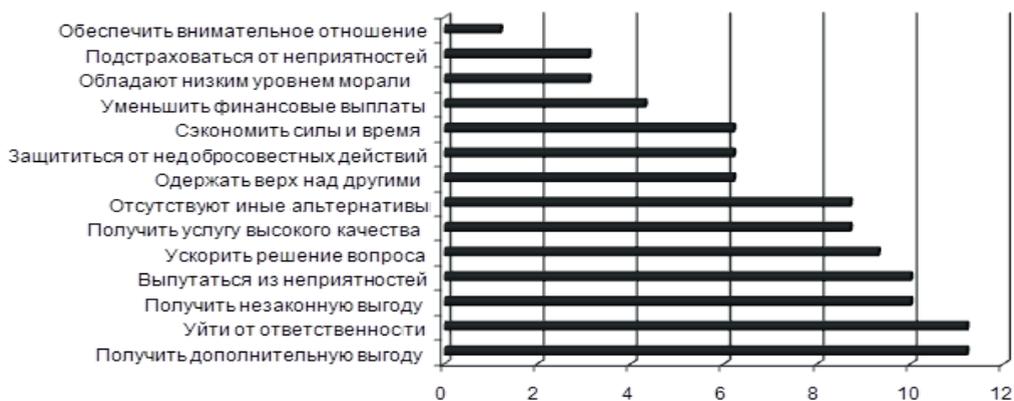

Рис. 1. Мотивы коррупционного поведения (дачи взятки)

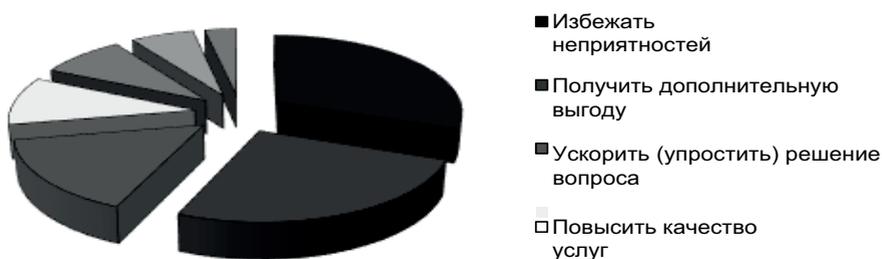

Рис. 2. Ведущие мотивы коррупционного поведения (дачи взятки)

Рис. 3. Ответы на вопрос: «Любой ли подарок, выражающий благодарность должностному лицу, является взяткой?»

Рис. 4. Мнение респондентов об условиях, когда подарок не является взяткой

Для наглядности мотивы коррупционного поведения визуализированы на диаграмме (рис. 1). Иерархизированная последовательность ответов позволяет наглядно сравнить факторы коррупционного поведения по мере увеличения (снижения) их веса.

Далее мы произвели группировку выявленных 14 мотивов коррупционного поведения, основываясь на сходности ожидаемых преимуществ от коррупционной сделки. Нами объединены позиции, связанные:

- с получением какой-либо выгоды – получить дополнительную или незаконную выгоду, уменьшить финансовые выплаты, обеспечить более внимательное отношение к себе;
- избеганием неприятностей – уйти от ответственности перед законом, выпутаться из неприятностей;
- желанием ускорить или упростить решение вопроса – ускорить решение вопроса и сэкономить силы и время.

Остальные позиции не подвергались группированию и сохранены в изначальном виде. Данный подход позволил выделить ведущие мотивы коррупционного поведения лиц, предлагающих взятку (позиции отражают мнение студентов).

Анализ ответов на вопрос: «Любой ли подарок, выражающий благодарность должностному лицу, является взяткой?» – показал, что лишь 4,38 % респондентов признают любой подарок должностному лицу взяткой, 3,13 % респондентов выражают неуверенность в возможности такого утверждения. Абсолютное большинство студентов (92,49 %) убеждено, что благодарность должностному лицу за оказанные услуги не всегда является взяткой. Обобщенные данные представлены на диаграмме (рис. 2). Нам стало интересно обратиться к аргументации данной позиции и выявить факторы, лежащие в основе этой убежденности.

Как оказалось, респонденты выделяют ряд психологических, организационных и бытовых условий, при соблюдении которых благодарность должностному лицу за оказанную услугу не может рассматриваться как взятка (рис. 3). К психологическим условиям вне коррупционного восприятия подарка респонденты относят следующие позиции: благодарность связана с выражением личного отношения (10,0 %) или предложена добровольно (13,3 %), бескорыстно (11,88 %), без обсуждения каких-либо предварительных (последующих) условий (19,38 %). Организационные условия связаны с тем, что студенты полагают, будто подарок не может быть признан взяткой, если благодарность выражена после оказания услуги, а должностное лицо не выдвигало никаких требова-

ний (13,13 %). Эту позицию можно рассматривать как акт добровольного поведения и оценивать с психологической точки зрения, соотнеся с условиями бескорыстия и (или) добровольности. Третья позиция связана с мнением о том, что благодарность не может быть признана взяткой в случае, если это продукты питания (*бытовые условия*). Такую оценку можно рассматривать как проявление культурно обусловленных *форм поведения*, что также переводит ее в разряд психологических факторов (рис. 4).

Исходя из представленных ответов респондентов, можно утверждать, что в основе восприятия коррупционных действий должностных лиц заложена оценка психологических (а не правовых) признаков коррупционного поведения. По мнению респондентов (92,49 %), если благодарность выражена добровольно, с соблюдением этических норм поведения и традиционных (пиететных) форм социального взаимодействия, то она (благодарность) не может расцениваться как взятка. Эта позиция объяснима с психологической точки зрения, но совершенно неприемлема для правовой оценки феномена.

Выводы. Отношение личности к явлениям действительности формируется в процессе общественного развития, изменяется в зависимости от конкретных *условий внешней среды*, может иметь выраженные специфические особенности у представителей различных возрастных, социальных, этнических и иных групп.

В содержании доминирующих отношений человека заложены мировоззренческие установки, убеждения, ожидания и притязания, которые *выступают регуляторами* его поведения и деятельности.

Среди факторов коррупционного поведения (в частности, взяточничества) студенты выделяют определенные причины, которые можно свести к следующим позициям: избежать неприятностей, извлечь выгоду (различного плана), ускорить решение вопроса, повысить качество услуг, получить конкурентные преимущества, уступить требованиям должностных лиц. Коррупционное поведение может быть обусловлено низким уровнем моральных качеств лиц, предлагающих взятку.

По мнению абсолютного большинства студентов, инициаторами взятки выступают сами граждане, движимые мотивами личной выгоды или получения определенных преимуществ (об инициации коррупционного поведения должностными лицами говорят менее 10 % студентов).

Оценка коррупционного поведения (дачи взятки) происходит через обращение к традиционным (культурно обусловленным) представлениям о *хорошем и плохом, вынужденном и добровольном*, то есть без анализа правовых аспектов проблемы. Респонденты склонны рассматривать коррупционное поведение как традиционное стремление граждан благодарить окружающих за предоставленные услуги, оказанное содействие, затраченное время и усилия.

Оценка коррупционного поведения имеет искажения и при осмыслении общественного вреда коррупции: передача и получение взятки рассматривается респондентами в рамках межличностного взаимодействия, без осознания ущерба третьей стороне – государству и его социальным институтам.

В целом оценка коррупции (как минимум, на бытовом уровне) обусловлена обыденными представлениями респондентов, которые недостоверно отражают правовую реальность, что свидетельствует о низком уровне правовой компетентности молодых людей и необходимости профилактических мероприятий.

Представления молодежи о коррупции могут быть репрезентированы структурными и содержательными характеристиками, не отражающими специфику представлений

других возрастных групп, то есть экстраполяция выводов исследования на иные возрастные группы не может осуществляться без дополнительного изучения проблемы.

Заключение. Развитие правовых представлений личности может оказывать существенное влияние на обеспечение правопорядка и безопасности в сфере общественных отношений. При таком подходе исследование представлений (в том числе отношений как структурного элемента представлений личности) личности о коррупции вырастает в самостоятельную психологическую проблему [25, 27].

Обращение к представлениям студентов привлекательно тем, что в этом возрасте уже сформирована система социальных ценностей и молодые люди не только готовы перенимать социальный опыт, но и начинают активно воспроизводить этот опыт в своей жизнедеятельности [3].

Неадекватная оценка правовых признаков коррупции может быть опасна как для самой развивающейся личности, так и для общества в целом [34]. В частности, наличие искаженных правовых представлений может приводить к непреднамеренному нарушению законодательства, чреватому суровым наказанием.

Выявленные факты свидетельствуют о низкой правовой осведомленности молодых людей и необходимости профилактических мероприятий, которые должны быть организованы на уровне государства и его социальных институтов, прежде всего образовательных.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991. 229 с.
2. Актуальные проблемы социальной психологии и психологии профессиональной деятельности / под ред. Д. А. Китовой, О. И. Каяшевой. СПб., 2015. 202 с.
3. Апреликова Н. Р., Китова Д. А. Структура потребностей студенческой молодежи в знаниях по психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3, № 2(10). С. 110–133.
4. Балова Д. Ю., Китова Д. А. Психологические особенности представлений студентов о создании семьи // Прикладная психология и психоанализ. 2011. № 1.
5. Басов М. Я. Избранные психологические произведения. М., 1975. 432 с.
6. Бехтерев В. М. Объективное изучение личности // Избранные труды по психологии личности : в 2 т. М., 1999. Т. 2. 284 с.
7. Гараганов А. В., Китова Д. А. Методологические принципы исследования потребностей как основы социальной активности личности // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 2. С. 104–107.
8. Гармаев Ю. П., Китова Д. А. Экономико-правовая компетентность личности: проблемы формирования в условиях рыночных преобразований // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2015. № 9. С. 56–58.
9. Генпрокуратура назвала ущерб от коррупционных преступлений за 2018 год. URL : <https://ria.ru/20190409/1552499622.html> (дата обращения: 17.05.2019).
10. Грот Н. Я. Сочинения : в 4 т. Мелитополь, 2013. Т. 1. 462 с.
11. Дышеков Б. Н., Китова Д. А. Формирование психологической готовности личности к легитимной предпринимательской деятельности // Психология в экономике и управлении. 2011. № 1. С. 29–35.
12. Егизов У. С., Китова Д. А. Психологические особенности коррупционных представлений молодежи // Вестник Университета Российской академии образования. 2015. № 4. С. 50–54.

13. Журавлев А. Л., Китова Д. А. Глобальные процессы как объект социально-психологического исследования // Человеческий фактор: социальный психолог. 2017. № 2(34). С. 307–314.
14. Журавлев А. Л., Китова Д. А. Социально-психологические детерминанты развития глобальной информационной сети // Наука. Культура. Общество. 2017. № 3–4. С. 10–21.
15. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 56–65.
16. Китова Д. А. Представления о коррупции в сознании старшеклассников // Гуманизация образования. 2016. № 6. С. 131–140.
17. Китова Д. А. Психологические аспекты отношения населения к коррупции // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 5. С. 91–97.
18. Китова Д. А. Отношение населения к коррупции и коррупционным правонарушениям: эмпирический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1, № 4. С. 145–167.
19. Китова Д. А. Экономическая психология субъекта жизнедеятельности: теория, методология, практика // Экономическая психология в современном мире : сб. науч. ст. / отв. ред. А. Н. Лебедев. М., 2012. С. 148–161.
20. Лазурский А. Ф. Психология общая и экспериментальная. М., 2016. 244 с.
21. Мясичев В. Н. Проблема отношений человека и ее место в психологии // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 142–155.
22. Найманова Б. А., Китова Д. А. Правовые аспекты в представлениях студентов о способах достижения экономического благополучия // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 1. С. 87–91.
23. Массовое сознание и поведение как объекты исследования в социальной психологии / Т. А. Нестик [и др.] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, № 4(8). С. 71–105.
24. Позняков В. П. Психологические отношения человека: история развития и современное состояние исследований // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1, № 3. С. 24–47.
25. Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М., 2018. 412 с.
26. Совместная деятельность: методология, теория, практика / отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. М., 1988. 229 с.
27. Коррупция как объект социально-психологических исследований: состояние и перспективы / В. А. Соснин [и др.] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, № 3. С. 6–38.
28. Социально-психологические исследования коррупции / отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова, В. А. Соснин. М., 2017. 285 с.
29. Спенсер Г. Социология как предмет изучения СПб., 1996. 405 с.
30. Троицкий М. М. Наука о духе. Общие свойства и законы человеческого духа // Собрание сочинений : в 2 т. М., 2012. Т. 1. 334 с.
31. Узденов Т. М., Китова Д. А. Представления студентов о целях и средствах достижения экономического благополучия // Гуманизация образования. 2009. № 3. С. 129–133.
32. Формирование экономического правосознания молодежи как стратегический фактор развития современного общества : монография. Карачаевск, 2011. 206 с.
33. Хубиева Р. Т., Китова Д. А. Психологическая готовность молодежи к экономическим отношениям в современных условиях // Гуманизация образования. 2009. № 1. С. 104–109.

---

34. Юревич А. В., Журавлев А. Л. Психологические факторы коррупции // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 63–71.

35. Коррупция в предметном поле психологических исследований / А. В. Юревич [и др.] // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития : сб. науч. ст. / отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. М., 2017. С. 1981–1989.

36. *Corruption Perceptions Index* 2018, viewed 17 May, 2019, <https://www.transparency.org/cpi2018>.

37. Lascomes, P. & Tomescu-Hatto, O. 2008, 'French Ambiguities in Understandings of Corruption: Concurrent Definitions', *Perspectives on European Politics and Society*, vol. 9, iss. 1, pp. 24–38.

38. Rabl, T. 2011, 'The Impact of Situational Influences on Corruption in Organizations', *Journal of Business Ethics*, iss. 100, pp. 85–101.

УДК 159.9:351.74

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.390-395

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА РЕУТОВА,
старший инспектор по особым поручениям
отдела организации психологической работы
управления организации морально-психологического обеспечения,
Департамент государственной службы и кадров МВД России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: valreu@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ С ЛИЧНОСТНЫМИ КАЧЕСТВАМИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Для цитирования

Реутова, В. И. Взаимосвязь управленческих компетенций с личностными качествами руководителей органов внутренних дел / В. И. Реутова // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 3. – С. 390–395. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.390-395.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи личных качеств и управленческих компетенций в структуре профессиональной успешности руководителей органов внутренних дел, которое было проведено среди руководителей территориальных органов внутренних дел в возрасте от 32 до 48 лет, имеющих стаж работы в правоохранительных органах от 10 до 16 лет. В качестве методов исследования использовались тестирование, уровеньный и корреляционный анализ, метод описательной статистики. В процессе сбора данных применялись методика К. Л. Вилсона «Цикл управленческих умений» с целью диагностики управленческих компетенций руководителей, методика CPI для диагностики личных качеств руководителей. Анализ результатов исследования включал в себя оценку профиля управленческих компетенций, профиля личных качеств, взаимосвязи управленческих компетенций и личных качеств руководителей исследуемой группы. Полученные результаты позволили выявить слабые стороны личных качеств и управленческих компетенций руководителей исследуемой группы. В качестве основного вывода исследования отмечено, что оценка степени сформированности управленческой компетентности во взаимосвязи с оценкой личных и деловых качеств руководителей органов внутренних дел является необходимой для прогноза профессиональной успешности и может рассматриваться в качестве критериальной оценки различения успешных и неуспешных руководителей в процессе расстановки и формирования кадрового резерва руководителей правоохранительных органов.

© Реутова В. И., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: органы внутренних дел, управленческие компетенции, методика К. Л. Вилсона, методика CPI, формирование кадрового резерва.

Введение

Современный этап психологического обеспечения правоохранительных органов характеризуется потребностью в повышении эффективности кадровой диагностики, в решении задач прогнозирования успешности управленческих кадров. Решение данной проблемы осуществляется в контексте научно-теоретического и методического осмысления диагностико-прогностических критериев успешности руководителей в процессе профессионального психологического отбора кандидатов на руководящие должности. Прогноз в психодиагностической деятельности должен быть основан на надежных и валидных диагностико-прогностических критериях успешности управленческой деятельности руководителей органов внутренних дел (ОВД), что делает актуальной проблему разработки моделей профессионально успешных руководителей ОВД.

Наиболее распространенным подходом к оценке успешности управленческой деятельности руководителей является коллекционный, в основе которого лежит совокупность профессионально важных качеств личности руководителя, которые в нормативно-правовых документах определяются как деловые и личные качества руководителя. Под профессионально важными качествами руководителя понимают «индивидуальные качества субъекта деятельности, влияющие на эффективность деятельности и успешность ее освоения» [9, с. 65].

Специфику проявления деловых и личных качеств руководителей определяют функции управленческой деятельности, поэтому необходимо раскрыть основные подходы к функциональной структуре управленческой деятельности руководителя. В функциональной модели управления Й. Кхола выделены управленческие решения – управленческие действия [5], согласно социально-психологическому подходу Т. Ю. Базаровым разработаны модели личности руководителя и определены функционально-ролевые качества [2, с. 37], А. В. Петров проанализировал понятия «выработка и принятие решений», «контроль за исполнением» [7], представленная Г. Минцбергом модель содержит взаимосвязанные группы ролей руководителя: межличностные, информационные и решающие. Последние включают в себя инициирование, планирование прогрессивных изменений ситуации, которые осуществляет сам руководитель или делегирует [6, с. 211]. Д. Клиланд, В. Кинг выделили функции планирования, организации и контроля [4], К. Л. Вилсон – умение управлять людьми и умение достигать рабочей цели. Таким образом, уровень управленческих решений, определяющих взаимодействие «средства – результаты», планирования, организации и контроля являются диагностическими показателями профессиональной успешности руководителей ОВД.

В последнее время в рамках функционального подхода широкое развитие получил компетентностный подход, который предполагает оценку и прогноз успешности руководителя ОВД через сравнение результативности, качества и сложности осуществленного труда с эталонными характеристиками должности руководителя. Э. Ф. Зеер трактует компетентность как «глубокое, доскональное знание существа выполняемой работы, способов и средств достижения намеченных целей, а также наличие соответствующих умений и навыков; компетенция – способность действовать самостоятельно и ответственно в рамках своей компетентности» [3, с. 27]. Исходя из компетентностно-

ориентированной модели руководителя успешность руководителя ОВД непосредственно определяется «наличием и уровнем сформированности многоплановой системы компетенций, личностно-профессиональных качеств, ведущую роль среди которых играет управленческая компетентность» [8, с. 9]. Управленческая компетентность отражает организаторские способности, ответственность, силу убеждения, авторитет и поведение руководителя [1], систему «внутренних ресурсов руководителя, необходимых для организации эффективного руководства подчиненным подразделением; доскональное знание своего дела, существа выполняемой работы, сложных связей, явлений и процессов, возможных способов и средств достижения намеченных целей» [10, с. 158]. Таким образом, с позиции представленных теоретических подходов деловые и личные качества руководителя и управленческая компетентность являются ведущими показателями при оценке и прогнозе успешности управленческой деятельности руководителей ОВД.

Теоретический анализ литературы позволил сформулировать гипотезу исследования, согласно которой в структуре профессиональной успешности руководителей ОВД существует взаимосвязь между управленческими компетенциями и личными качествами руководителей. Для подтверждения данной гипотезы необходимо изучить особенности данной взаимосвязи.

Методы исследования

Исследование взаимосвязи личных качеств и управленческих компетенций в структуре профессиональной успешности руководителей ОВД было проведено среди руководителей территориальных органов ОВД в количестве 36 человек мужского пола в возрасте от 32 до 48 лет; имеющих стаж работы в правоохранительных органах от 10 до 16 лет. Для исследования использовались: организационные методы – планирование и организация исследования, эмпирические методы – тестирование, интерпретационные методы – уровневый и корреляционный анализ результатов исследования, статистические методы – метод описательной статистики (среднее арифметическое значение), корреляционный анализ. В качестве метода сбора данных применялись следующие диагностические методики: методика К. Л. Вилсона «Цикл управленческих умений» с целью диагностики управленческих компетенций руководителей; методика CPI – с целью диагностики личных качеств руководителей.

Результаты исследования

Анализ результатов исследования включал в себя оценку профиля управленческих компетенций, оценку профиля личных качеств, оценку взаимосвязи управленческих компетенций и личных качеств руководителей исследуемой группы.

Результаты изучения профиля управленческой компетентности показали, что у руководителей территориальных органов ОВД в целом имеет место достаточный уровень управленческих компетенций ($M = 6,3$) с доминированием стиля управления на командную работу ($M = 6,5$), в основе которой лежит доверие подчиненных ($M = 6,5$) (рис. 1).

К слабым сторонам относятся элементы попустительского стиля управления: недостаточный интерес к подчиненным ($M = 4,9$) и мотивации цели ($M = 4,8$), возможно хороший уровень делегирования полномочий в кризисных ситуациях, но недостаточный для обычных условий ($M = 4,7$). У 22 % (4 чел.) руководителей выявлена проблемная управленческая ситуация в сфере управления и отношений с подчиненными, у 17 % (3 чел.) – умеренно проблемные ситуации, связанные с недостаточным уровнем компетенции в различных ситуациях управленческого взаимодействия (рис. 1).

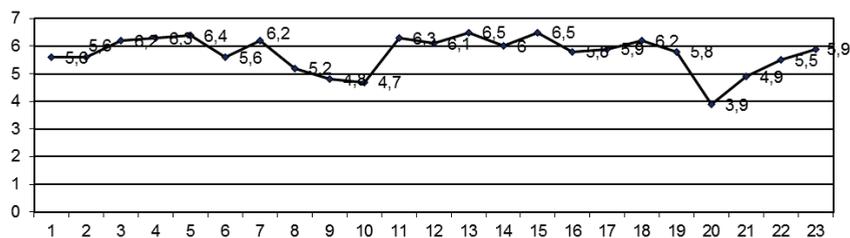

Рис. 1. Групповой профиль управленческой компетентности руководителей ОВД.

- Показатели: 1 – разъяснение целей и задач; 2 – взаимоотношения с подчиненными; 3 – тщательное планирование рабочего процесса; 4 – управленческие компетенции; 5 – обеспечение необходимыми условиями работы; 6 – обратная связь; 7 – контроль времени; 8 – контроль деталей; 9 – мотивация цели; 10 – делегирование полномочий; 11 – поощрение за хорошо выполненную работу; 12 – ориентация на людей; 13 – создание команды; 14 – заинтересованность в профессиональном росте подчиненных; 15 – доверие подчиненных; 16 – включенность в работу; 17 – профессиональная компетентность подчиненных; 18 – сплоченность группы; 19 – благоприятные условия для должностного роста; 20 – уровень напряженности; 21 – отношение к людям; 22 – социально-психологический климат; 23 – качество работы

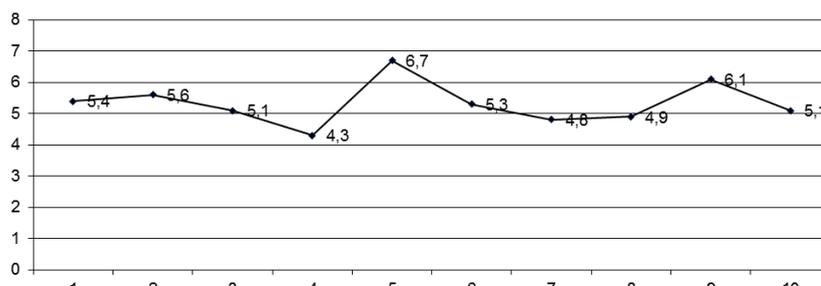

Рис. 2. Групповой профиль личных качеств руководителей ОВД.

- Показатели: 1 – мотивация лидерства и достижения; 2 – интеллектуальная эффективность; 3 – организаторские способности; 4 – эмоциональная стабильность; 5 – коммуникативная направленность; 6 – социальная ответственность; 7 – трудолюбие, добросовестность; 8 – терпимость, дружелюбие; 9 – независимость, самостоятельность; 10 – понимание и сопереживание

Результаты исследования профиля личных качеств руководителей ОВД представлены на рисунке 2.

Ведущими личными качествами руководителей ОВД являются коммуникативная направленность ($M = 6,7$) с проявлением самостоятельности и независимости ($M = 6,1$). На второй позиции – интеллектуальная эффективность ($M = 5,6$). Менее выражены такие личные качества руководителей, как терпимость ($M = 4,9$), добросовестность ($M = 4,8$) и эмоциональная стабильность ($M = 4,3$) (рис. 2).

Исследование взаимосвязи управленческой компетентности и личных качеств руководителей ОВД с помощью корреляционного анализа показало, что чем выше мотивация достижения и лидерства, тем выше показатели поощрения подчиненных за хорошую работу ($r = 0,618$), чем выше интеллектуальная эффективность, тем выше показатели компетенции обратной связи с подчиненными ($r = 0,686$). Социальная ответственность руководителей имеет прямую связь с компетенциями, определяющими взаимоотношения с подчиненными ($r = 0,798$) и ориентацию на людей ($r = 0,688$) (табл.).

**Взаимосвязь управленческих компетенций
и личных качеств руководителей ОВД**

Показатели	Поощрение за хорошо выполненную работу	Обратная связь	Взаимоотношения с подчиненными	Ориентация на людей
Мотивация лидерства и достижения	0,618			
Интеллектуальная эффективность		0,686		
Социальная ответственность			0,798	0,688

Обсуждение результатов исследования

Полученные результаты позволили выявить слабые стороны личных качеств и управленческих компетенций руководителей исследуемой группы. К слабым сторонам относятся элементы попустительского стиля управления, недостаточный уровень делегирования полномочий, эмоциональной стабильности, добросовестности и терпимости. Выявлена взаимосвязь управленческих компетенций и личных качеств руководителей, согласно которой социально ответственный и интеллектуально эффективный руководитель ориентирован на взаимоотношения с подчиненными, на поощрение подчиненных за хорошую работу и построение системы обратной связи в процессе решения управленческих задач. Полученные результаты подтвердили выдвинутую в ходе исследования гипотезу, что имеет важное практическое значение в процессе расстановки управленческих кадров и формирования кадрового резерва руководителей.

Выводы

Оценка степени сформированности управленческой компетентности во взаимосвязи с оценкой личных и деловых качеств руководителей ОВД является основой для прогноза профессиональной успешности и может рассматриваться в качестве критериальной оценки различия успешных и неуспешных руководителей в процессе расстановки кадров и формирования кадрового резерва руководителей правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Беляцкий Н. П. Управление персоналом : учеб. пособие. Минск, 2000. 320 с.
2. Базаров Т. Ю. Технология центров оценки персонала: процессы и результаты. М., 2016. 37 с.
3. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования // Высшее образование в России. 2005. № 4. С. 23–30.
4. Клиланд Д., Кинг В. Системный анализ и целевое управление. М., 1974. 280 с.
5. Кхол Й. Эффективность управленческих решений. М., 1975. 195 с.
6. Mintzberg, H. 1973, The Nature of Managerial Work, Prentice Hall, New Jersey.
7. Петров А. В., Федулов Ю. Г. Подготовка и принятие управленческих решений. М., 2000. 241 с.

---

8. Филякин А. Ю. Социально-психологические особенности развития управленческой компетентности будущих руководителей подразделений МВД России по борьбе с экономическими и налоговыми преступлениями : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 23 с.

9. Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека : учеб. пособие. М., 1996. 320 с.

10. Шайкова И. М. Психолого-правовые аспекты исследования личности руководителя правоохранительных органов // Альманах современной науки и образования. 2009. № 7–2. С. 157–160.

УДК 378.6:343.8-051

**80 ЛЕТ ИСПОЛНЯЕТСЯ
ЗАСЛУЖЕННОМУ РАБОТНИКУ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ДОКТОРУ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ
ПОЛКОВНИКУ ВНУТРЕННЕЙ СЛУЖБЫ В ОТСТАВКЕ
НИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ ТЮГАЕВОЙ**

Уважаемая Нина Алексеевна!

Коллектив Академии ФСИН России сердечно поздравляет Вас с 80-летием!

Ваша жизнь – яркий пример служения выбранному в юности делу, преданности Отечеству, принципиальности и упорства в достижении поставленных целей.

Вы являетесь несомненным образцом личности педагога – профессионала с безупречной репутацией, с Вас берут пример Ваши многочисленные ученики, последователи и коллеги в разных уголках нашей Родины и за ее пределами.

Желаем Вам здоровья и бодрости, творческого воплощения всех планов, счастья и благополучия на долгие годы!

С красивым юбилеем!

Нина Алексеевна Тюгаева родилась 17 ноября 1939 г. в с. Чекан Татарской АССР. С 1957 по 1962 год обучалась в Мелекесском государственном педагогическом институте, по окончании которого ей было присвоено звание учителя математики.

В соответствии с государственным распределением была направлена на работу в район Крайнего Севера нашей страны и назначена учителем математики в школу № 3 г. Дудинка Красноярского края, спустя 6 лет переведена в среднюю школу № 9 г. Мелекес Ульяновской области. С 1968 по 1975 год – учитель математики средней школы № 21 исправительно-трудовой колонии строгого режима УВД Ульяновского облисполкома (г. Димитровград).

Научно-педагогическая деятельность Нины Алексеевны с середины 1970-х годов тесно связана с нашей образовательной организацией. С 1975 по 1983 год Н. А. Тюгаева – научный сотрудник, старший научный сотрудник лаборатории по исследованию проблем перевоспитания осужденных Рязанской высшей школы МВД СССР. В 1977 г. в Научно-исследовательском институте общих проблем воспитания АПН СССР защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук на тему «Адаптация осужденных к учебной деятельности в школе при ИТК как условие их перевоспитания» (специальность 13.00.01 – общая педагогика, теория и история педа-

гоики). После защиты диссертации целиком переключается на научно-педагогическую деятельность. С 1983 по 1995 год она доцент кафедры исправительно-трудовой педагогики и психологии Рязанской высшей школы МВД СССР, с 1995 по 1998 год – доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Рязанского института права и экономики МВД России. В 1998 г. в Академии управления МВД России защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора педагогических наук на тему «Общее и профессиональное образование осужденных в воспитательной системе исправительных учреждений» (специальность 13.00.01 – общая педагогика, теория и история педагогики). С 1998 по 1999 год – начальник кафедры юридической психологии и педагогики Рязанского института права и экономики Минюста России. В 1999 г. ей присвоено ученое звание профессора по кафедре юридической психологии и педагогики. С 1999 года по настоящее время состоит в должности профессора кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России.

За многие годы работы Н. А. Тюгаевой создана научная школа «Образование осужденных, воспитательная работа с ними, подготовка сотрудников для УИС», охватывающая разные направления педагогических знаний, обеспечивающая решение проблем исправления, воспитательной работы с различными категориями осужденных, общего и профессионального образования лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы и без изоляции от общества, использующая зарубежный опыт исправления заключенных, технологий пенитенциарной социальной и социально-педагогической работы, осуществляющая подготовку преподавателей и научно-педагогических кадров для образовательных организаций ФСИН России, а также высококвалифицированных специалистов для органов и учреждений ФСИН России, МВД России и других министерств и ведомств. Область знаний научной школы – методология общей педагогики, теория педагогики, история педагогики и образования, сравнительная педагогика, пенитенциарная педагогика, социальная педагогика, педагогическая антропология, педагогическая психология, педагогика высшей школы. Н. А. Тюгаева является последователем и единомышленником доктора психологических наук, профессора В. Ф. Пирожкова (научный консультант по кандидатской диссертации), доктора педагогических наук, профессора М. П. Стуровой.

Научная деятельность всегда занимала и занимает особое место в жизни и деятельности Нины Алексеевны. Под ее непосредственным руководством подготовлено и защищено двадцать диссертаций на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Ученики Н. А. Тюгаевой занимают высокие государственные должности в сферах образования, государственного и муниципального управления, науки, обеспечения безопасности и социального обеспечения населения в разных регионах России и за рубежом.

Многолетний усердный труд профессора Н. А. Тюгаевой по достоинству оценен многочисленными наградами: Почетной грамотой Министерства просвещения РСФСР и Республиканского комитета профсоюза работников просвещения высшей школы и научных учреждений РСФСР (1974), медалями «Ветеран труда» (1986), «За безупречную службу» III степени (1985), «За безупречную службу» II степени (1990), «Ветеран уголовно-исполнительной системы» (2000), серебряной медалью «За вклад в укрепление уголовно-исполнительной системы России» (2009). Ей присвоены почетные звания: «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2014); «Заслуженный профессор федерального казенного образовательного уч-

реждения высшего образования „Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний”» (2015).

Признанием значительного вклада Нины Алексеевны в научно-педагогическую деятельность стало присвоение ей Указом Президента Российской Федерации звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

Н. А. Тюгаевой опубликовано свыше 150 учебных изданий и научных трудов, основные из них:

Тюгаева Н. А. Адаптация осужденных к учебе в школе при ИТК : учеб.-практ. пособие. Рязань, 1978. 49 с.;

Исправительная (пенитенциарная) педагогика : учеб. для слушателей и курсантов учеб. заведений МВД РФ / М. П. Стурова [и др.] ; под ред. А. И. Зубкова, М. П. Стуровой. Рязань, 1993. 398 с.;

Тюгаева Н. А. Исправительные программы для осужденных к лишению свободы: зарубежный и отечественный опыт : учеб. пособие для курсантов и слушателей образовательных учреждений ФСИН России / Н. А. Тюгаева, С. Е. Тарабрина. Рязань, 2007. 113 с.;

Тюгаева Н. А. Научно-педагогический кадровый потенциал вузов: подходы и концепции развития : монография / Н. А. Тюгаева, А. В. Кириллов, Е. А. Соколова. Рязань, 2007. 209 с.;

Общее образование осужденных как средство их ресоциализации : монография / Н. А. Тюгаева [и др.]. Рязань, 2008. 139 с.;

Профессиональное образование осужденных как фактор их ресоциализации : монография / Н. А. Тюгаева [и др.]. Рязань, 2010. 131 с.;

Тюгаева Н. А. Пенитенциарная педагогика : курс лекций / Н. А. Тюгаева, М. П. Стурова. Рязань, 2010. 424 с.;

Тюгаева Н. А. Профессиональное самовоспитание курсантов и слушателей вузов ФСИН России : монография / Н. А. Тюгаева, В. Н. Котляр. Рязань, 2010. 109 с.

Тюгаева Н. А. Педагогические основы воспитательной работы с условно осужденными : учеб. пособие / Н. А. Тюгаева, О. Н. Чистотина. Рязань, 2011. 107 с.

Тюгаева Н. А. Формирование коммуникативных способностей курсантов и слушателей вузов ФСИН России при изучении русского языка и культуры речи : монография / Н. А. Тюгаева, Н. П. Тюменева. Рязань, 2011. 124 с.

Образование осужденных: концепции, проблемы и перспективы : монография / Н. А. Тюгаева [и др.]. Рязань, 2011. 140 с.

Тюгаева Н. А. Нравственное воспитание слушателей учебных центров ФСИН России: монография / Н. А. Тюгаева, С. И. Афанасьева. Рязань, 2012. 112 с.;

Тюгаева Н. А. Профессионально-нравственное воспитание курсантов и слушателей образовательных организаций ФСИН России : монография / Н. А. Тюгаева, С. И. Афанасьева, В. Н. Котляр. М., 2017. 103 с.

Отличительной чертой Н. А. Тюгаевой являются требовательность к себе и другим людям, поразительная работоспособность, сильная воля, творческий подход к решению научных и практических проблем.

*Коллектив кафедры юридической психологии и педагогики
психологического факультета Академии ФСИН России,
ученики, единомышленники, последователи, коллеги*

SCIENCE FORUM

Viktor Ivanovich Ignatenko, DSc (Law), Professor, Honored worker of the higher school of the Russian Federation, professor of the department of criminology and crime prevention organization, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: kioppapu@mail.ru

IS THE CATEGORY OF ANTI-SOCIAL LIFESTYLE NECESSARY FOR CRIMINOLOGY?

Recommended citation

Ignatenko, V. I. 2019, 'Is the category of anti-social lifestyle necessary for criminology?', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 3, pp. 288–294, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4). 3.288-294.

Abstract. The article is devoted to the category of anti-social lifestyle, its main characteristics and its classification. The antisocial way of life is referred to daily activities due to the age and psychological characteristics of the individual, the scope of which or one of them (educational, labor, family, industrial, leisure) received under the influence of the negative environment a certain deformation, which contributed to the formation of deviating from social and legal norms of behavior, including the commission of offenses. According to the results of the study, the author comes to the conclusion that the category of "anti-social lifestyle" needs a detailed study. Currently, the domestic criminal law system is aimed at counteracting crime and anti-social behavior. It is necessary to reorient it to the anti-social way of life generating the specified negative phenomena. This requires reform of the criminal law system itself, especially law enforcement agencies (changing the name "police" to "militia" does not change the essence of the case, crime continues to grow and becomes more aggressive and organized). The category of "antisocial lifestyle" must be included in the curriculum for the course "Criminology", the basis of which should not be the fight against crime, but the prevention of anti-social lifestyles as a cause of crime. In this way, a new approach to crime prevention will be developed, which is proactive and focuses not on the fight against the consequence (crime), but on the prevention of anti-social lifestyles, that is, the cause of crime.

Keywords: lifestyle, antisocial lifestyle, deformation, features, leisure, prevention, teenager, crime.

References

- Schneider, G. J. 1994, *Criminology*, Moscow.
- Butenko, A. P. 1978, *Socialist way of life: problems and judgments*, Moscow.
- Revaykin, A. S. 1989, *Living standards of the population (methodology and problems of regional research)*, Moscow.
- Antonyan, Yu. M. 1981, 'Anti-social lifestyle as a criminological problem', *Soviet State and Law*, iss. 3, pp. 68–76.
- Kuznetsova, N. F. 1984, *Problems of criminological determination*, Moscow.
- Dement'ev, S. I. 2004, *Crimes of the century (political and legal analysis)*, Krasnodar.
- Avanesov, G. A. 2004, 'Criminology: experience, modern problems and prospects of development', *Criminological journal*, iss. 1(6), pp. 3–9.

Ignatenko, V. I. 1988, 'Counteracting the antisocial lifestyle of adolescents is an important area of juvenile crime prevention', in *Crime control issues*, vol. 47, pp. 181–182.

Ignatenko, V. I. 1993, *Fundamentals of preventing anti-social lifestyle and recidivism of juveniles: (criminological and penal aspects): PhD thesis (Law)*, Moscow.

Salikh Khabibovich Shamsunov, DSc (Law), Professor, chief researcher, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID 0000-0002-1194-6905, e-mail: shamsunov46@mail.ru;

Rustam Mukhamedovich Zhilyaev, head of department, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID0000-0002-7246-4299, e-mail: gili-aev_rustam@mail.ru

RETURNING TO THE ISSUE OF COUNTERACTING RECIDIVISM OF FOREIGN CITIZENS

Recommended citation

Shamsunov, S. Kh. & Zhilyaev, R. M. 2019, 'Returning to the issue of counteracting recidivism of foreign citizens', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 3, pp. 295–299, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.295-299.

Abstract. The article is based on the results of the research work "Legislative measures aimed at counteracting recidivism of illegal migrants" (paragraph 9.5.2 of the research plan of the Scientific Research Institute of the FPS of Russia for 2017). The initiator of the specified research work was organized by the Directorate for execution of sentences and special asset of the Federal Penitentiary Service of Russia. The initiator of the research work was tasked to formulate scientifically-based proposals to improve the current legislation aimed at counteracting the recidivism of illegal migrants. In the course of the work the author's team analyzed the Federal laws and Regulations governing the issues related to the problem of recidivism of foreign citizens. The main international legal acts, separate decisions of the Supreme courts of the Russian Federation and international courts on the issues related to the research topic are considered. The main problems reducing efficiency of fight against recidivism of illegal migrants, and also the criminal legislation of some foreign countries containing regulations on application to foreign citizens (including illegal migrants) of special types of punishments are defined and systematized. Questionnaires have been developed and a sociological survey of convicted foreign citizens and stateless persons serving sentences in correctional institutions of the penitentiary system of the Russian Federation (including those who were illegally in the territory of the Russian Federation before the crime was committed) has been conducted. A criminological portrait of a foreign citizen sentenced to imprisonment and a stateless person illegally staying in the territory of the Russian Federation, whose recidivism of crimes has been recognized by the court, has been drawn up. Proposals for legislative problems solution of efficiency increasing of counteraction of recidivism of irregular migrants were prepared. In preparing the proposals, the materials of the Scientific Research Institute of the FPS of Russia conducted in 2016 were used to improve the legislation governing the expulsion of foreign citizens, who have served a sentence of imprisonment for intentional crimes, from the Russian Federation.

Keywords: foreign citizens, migrants, convicts, recidivism, counteraction, proposals.

References

Gir'ko, S. I., Pervozvanskiy, V. B. & Strogovich, Yu. N. 2017, *Legislative measures aimed at counteracting the recidivism of illegal migrants*, Moscow.

Pervozvanskiy, V. B. & Strogovich, Yu. N. 2017, *Characteristics of convicted foreign citizens*, Moscow.

Drozdova, E. A. & Kudryashov, O. V. 2018, 'Problems of prevention of recidivism among convicted foreign citizens and stateless persons', *Gaps in Russian legislation*, iss. 2, pp. 84–86.

Bogorodskaya, E. M. 2014, 'In Moscow mortality from tuberculosis significantly reduced', *Trud.ru*, viewed 6 May 2019, http://www.trud.ru/article/04-04-2014/1310390_v_moskve_znachitelno_sokratilas_smertnost_ot_tuberkuleza.html.

Nevinnaya, I. 2014, 'Patients ask the pharmaceutical company to reduce the price of drugs for HIV and AIDS', *Russian gazette*, 8 мая, viewed 6 May 2019, <http://www.rg.ru/2014/05/08/lekarstvo-site-anons.html>.

Pervozvanskiy, V. B. & Strogovich, Yu. N. 2018, 'Expulsion from the Russian Federation as an alternative to deprivation of liberty', *Gaps in Russian legislation*, iss. 3, pp. 296–298.

ABROAD

Aleksey Alekseevich Chistyakov, DSc (Law), Professor, professor of the department of criminal law, criminal procedure and criminology at the Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: sauber60@yandex.ru;

Tkhi Tkhu Khyong Nguen, PhD (Law), deputy head of the department of the Institute of public security of the Ministry of public security of Vietnam, Ho Chi Minh city, Socialist Republic of Vietnam, e-mail: nguyenthithuhuongdhan@gmail.com;

Khyu Tin' Khuin', master student of the department of criminal law, criminal procedure and criminology at the Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: huutinh.tv84@gmail.com

CERTAIN PROVISIONS OF INTERNATIONAL ACTS GOVERNING THE CONDITIONS OF SUSPECTS AND ACCUSED PERSONS' DETENTION**Recommended citation**

Chistyakov, A. A., Nguen, T. T. Kh. & Khuin', Kh. T. 2019, 'Organized crime and counteracting it in the Socialist Republic of Vietnam', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 3, pp. 300–305, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.300-305.

Abstract. The article is devoted to the problems of organized crime and its prevention in Vietnam. The relevance of the study is determined by the current situation, as well as trends in the development of organized crime, the criminal situation that poses a threat to public security in Vietnam. Comparing the materials of the Ministry of public security of Vietnam, the authors draw attention to the fact that for the period from 2014 to 2018 the number of crimes committed by organized groups decreased by 1.07 times. But at the same time the number of criminals increased by 1.33 times compared to the period 2010–2013. The authors propose some rec-

ommendations for the prevention of the studied type of crime, including socio-economic and legislative, as well as measures to improve the efficiency of law enforcement agencies counteracting organized crime.

Keywords: organized crime, prevention of organized crime, criminal group, counteracting organized crime, crime in Vietnam.

References

Nguyen, F. Kh. 2005, 'Discussion of the concepts of organized crime and transnational organized crime', *Juridical journal*, iss. 3, pp. 92–93.

Vu, K. Kh. & Nguyen, V. Ch. 2014, 'Organized criminal groups in Vietnam and ways to eliminate them', *Actual problems of the Russian law*, iss. 9, pp. 2036–2043.

Moc, T. n.d., *The Criminal Police Department summarizes the year of prevention*, viewed 10 January 2019, <http://bocongan.gov.vn/tin-noi-bat/cuc-can-h-sat-hinh-su-tong-ket-cong-tac-nam-2018-trien-khai-nhiem-vu-nam-2019-t24605.html>.

Vietnamese Government, Plan on strengthening the fight against organized crime in the new situation, 2014 № 03/KH-BCA.

Ministry of Public Security of Vietnam, Scheme on prevention of organized crimes and transnational crimes, 2017 № 02 / ĐA-BCA.

Nguyen, H. n.d., *Trial of billion VND gambling case: Nguyen Thanh Hoa was proposed from 7 years 6 months to 8 years in prison*, viewed 10 January 2019, <http://baovanhoa.vn/phap-luat/artmid/622/articleid/13163/xet-xu-vu-an-danh-bac-nghin-ti-nguyen-thanh-hoa-bi-de-Comfortu1607-nam-6-thang-den-8-nam-tu>.

Tran, H. U. n.d., *Fighting against and preventing organized crime and transnational crimes in international economic integration*, viewed 10 January 2019, <http://www2.hvcsnd.edu.vn/vn/Home/Phap-luat/84/799/Dau-tranh-phong-chong-toi-pham-co-to-chuc-va-toi-pham-xuyen-quoc-gia-trong-hoi-nhap-kinh-te.aspx>.

Series of Nam Cam n.d., viewed 10 January 2019, <https://baomoi.com/nam-cam-ky-1-hanh-trinh-tro-thanh-ong-trum-giang-ho-sai-gon/c/25271700/epi>.

Denis Andreevich Dobryakov, PhD (Law), assistant of the department of judicial power, law enforcement and human rights activity at the Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: den-dobryakov@yandex.ru

ON THE ISSUE OF PRIVATE PRISONS IN THE UNITED STATES OF AMERICA AND THE REPUBLIC OF KOREA

Recommended citation

Dobryakov, D. A. 2019, 'On the issue of private prisons in the United States of America and the Republic of Korea', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 3, pp. 306–309, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.306-309.

Abstract. This article provides a comparative legal analysis of the experience of the United States of America and the Republic of Korea in the creation and operation of private penitentiary institutions (prisons) as an extreme form of implementation of the idea of public-private partnership in the activities of the penal system. The differences in the scale and specific fea-

tures of the activities organization of such institutions in these countries are considered, the requirements for their employees are compared. The article also analyzes the experience of the Republic of Korea in the creation of a private prison by a non-profit Foundation for non-commercial (actually charitable) purposes, which seems to be progressive and suitable for the participation of private legal entities in the execution of punishments.

Keywords: deprivation of liberty, penitentiary institution, private prison, penal system, public-private partnership.

References

Radchenko, E. P. 2013, 'International experience in the formation and functioning of private prison systems', *Baikal Research Journal*, iss. 2, p. 2.

Smorgunova, A. L. 2007, 'Strategies of crime control in the United States and the United Kingdom: privatization of prisons', *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, iss. 46, pp. 149–158.

Timofeeva, E. A. 2018, 'Private prisons abroad: historical, legal and economic aspects of functioning (USA, France, UK, Japan)', *Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia*, iss. 2(42), pp. 267–271.

'Private Prisons in the United States', *The Sentencing Project*, 2 August 2018, viewed 13 May 2019, <https://www.sentencingproject.org/publications/private-prisons-united-states/>.

Romashov, R. A. & Tonkov, E. N. 2014, *The prison as "The city of the earth"*, St. Petersburg.

Shane, Bauer 2016, 'My four months as a private prison guard', *Mother Jones*, viewed 13 May 2019, <https://www.motherjones.com/politics/2016/06/cca-private-prisons-corrections-corporation-inmates-investigation-bauer/#correction-two>.

소망교도소홈페이지, viewed 20 May 2019, <http://somangcorrection.org/>.

범죄백서 2016년: 통권제33호. - 법무연수원, 2017. 733면.

재범 0%에도전한다...아시아최초민영교도소 1000일 // 중앙일보, viewed 13 May 2019, <http://news.join.com/article/12451594>.

재단법인아가페소망교도소착공, 크리스천투데이, viewed 20 May 2019, <http://www.christian-today.co.kr/news/193390>.

Countries that have not ratified this Convention, Information System on International Labour Standards, International Labour, viewed 12 May 2019, http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:11310:0::NO::P11310_INSTRUMENT_ID:312174

TIME LENS

Larisa Ivanovna Belyaeva, DSc (Law), Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Professor of criminal policy department, Academy of management of the MIA of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: beliaeva_055@mail.ru

ON DEPRIVATION OF LIBERTY, AS A MEASURE OF PUNISHMENT, AND THE ORDER OF SERVING SUCH PUNISHMENT (TEMPORARY INSTRUCTION): A LOOK THROUGH THE CENTURY

Recommended citation

Belyaeva, L. I. 2019, 'On deprivation of liberty, as a measure of punishment, and the order of serving such punishment (Temporary instruction): a look through the century', *Man: crime and punishment*, iss. 3, pp. 310–323, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.310-323.

Abstract. The article is devoted to the circumstances that led to creation of a Temporary instruction ("On deprivation of liberty as a measure of punishment, and the order of its serving"), its content and impact on law enforcement practice are analyzed. The inclusion of a significant number of archival sources in the scientific circulation and their comparative analysis made it possible to characterize the features of such a legal document and show the consequences of its application in practice. It is noted that the Temporary instructions played the role of a stabilizer, which allowed suspending the collapse of correctional institutions and criminal lawlessness. In the context of the destruction of the old and the formation of the new state apparatus, it allowed practitioners to determine professional and personal lines of conduct, as it explained what was required of the staff, how to treat prisoners, what measures to apply and when. The temporary instruction established although general, but quite formal requirements for the behavior of prisoners and expressed views on the nature and content of the deprivation of liberty, the peculiarities of its execution and serving. The temporary instruction was the first legal act to consolidate the system of institutions executing the penalty of deprivation of liberty, and the general beginning of their activities, laid the foundations for the development of the places system of deprivation of liberty, which later moved from prison-type institutions to educational institutions.

Keywords: deprivation of liberty, punishment, temporary instruction, places of detention, means of education, organization of work, vocational training, training, individual approach, violators of the regime, assistance to the released from prison

References

- Soviet state*, 1913, iss. 7.
- Kuritsyn, V. M. 1972, *The transition to NEP and the revolutionary legitimacy*, Moscow. *State archive of the Russian Federation*.
- Dril', D. A. 1907, 'Care of juvenile delinquents, "morally spoiled" and street children and teenagers in Russia', in *Public and private charity in Russia*, pp. 100–112, St. Petersburg.
- Belyaeva, L. I. 2007, *Education of juvenile offenders in Russia*, in 3 vols, vol. 1, Moscow.
- Detkov, M. G. 1992, *The content of the penitentiary policy of the Russian state and its implementation in the system of execution of criminal punishment in the form of imprisonment in the period 1917–1930*, Moscow.
- Veselov, A. N. 1955, *Lower vocational education in the RSFSR*, Moscow.
- Ivanovich, K. A. 1958, *Agricultural education in the USSR*, Moscow.
- Professional education in the USSR*, 1961, Moscow.
- Bastyshev, A. S. (ed.) 1981, *Essays on the history of professional education in the USSR*, Moscow.
- Khrstianovich, A. 1902, 'School and professional training in prison', *Prison bulletin*, iss. 3, pp. 244–252.
- Krzhivetskiy, B. 1913, 'Domestic work and handicraft labour (for the exhibits of the 2nd all-Russia handicraft exhibition in Saint-Petersburg)', *Prison bulletin*, iss. 5, pp. 839–871.
- Tsvetkov, I. 1916, 'Sewing and repairing boots in the prison shoe shop', *Prison bulletin*, iss. 11, pp. 1095–1097.

- Gradusov, V. 1916, 'Railway work of prisoners', *Prison bulletin*, iss. 6–7, pp. 657–672.
- Terziev, N. 1916, 'Professional training of pets in educational and correctional institutions', *Prison bulletin*, iss. 6–7, pp. 679–699.
- Dril', D. 1990, 'Prison and preventive education', *Journal of the Ministry of justice*, iss. 3, pp. 30–54.
- Belyaeva, L. I. 2001, *Patronage in Russia*, 2nd edn, Voronezh.
- Akimov, V. 1896, 'Patronage as a tool to combat crime', *Journal of the Law society at the Imperial St. Petersburg University*, vol. 9 (November), pp. 75–90
- Barantsevich, E. 1914, *Patronage in the life of Russia*, Tomsk.
- Gogel', S. 1906, *The role of society in counteracting crime*, St. Petersburg.
- Kurlyand, I. 1898, *The idea of patronage as an idea of internal management*, Yaroslavl.
- Demchenko, G. 1912, *Patronage societies. Their origin, structure and activity*, Kiev.
- Lyublinskiy, P. 1908, 'Current status and objectives of patronage societies', *Law*, iss. 10, pp. 552–562.
- Malinin, F. 1905, 'Prison patronage', *Prison bulletin*, iss. 8.
- Poznyshhev, S. 1915, *Essays of prison science*, Petrograd.
- Fel'dshteyn, G. 1900, *Patronage. Its necessity and principle of organization*, St. Petersburg.
- Lyublinskiy, P. I. 1908, 'State aid to societies of patronage', *Prison bulletin*, iss. 11, pp. 710–730.
- Report of the Moscow society of craft and agricultural colonies for persons released from prison in 1912*, Moscow.
- 1st Petrograd agricultural colony to imprisonment in 1922*, Petrograd.
- The prison business in the RSFSR. The report of the Central Punitive Department of people's Commissariat of justice, VII Congress of Soviets in 1920*, Moscow.
- Prison case in 1920. Report of the People's Commissariat of justice on the Central Punitive Department of the VIII all-Russian Congress of Soviets in 1920*, Moscow.

MANAGEMENT VECTOR

Aleksandr Vladimirovich Parshkov, PhD (Law), head of the research center, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: parshkov_78@mail.ru;

Eduard Saidovich Rakhmaev, PhD (Law), Associate Professor, deputy head of economics faculty, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: academ-05@mail.ru;

Andrey Aleksandrovich Nuzhdin, PhD (Law), senior lecturer of the department of criminology and crime prevention organization, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0001-8761-140X, e-mail: aanuzhdin@mail.ru

CRIMINOLOGICAL STUDY OF THE LEVEL OF CORRUPTION AMONG EMPLOYEES OF THE PENITENTIARY SYSTEM

Recommended citation

Parshkov, A. V., Rakhmaev, E. S. & Nuzhdin, A. A. 2019, 'Criminological study of the level of corruption among employees of the penitentiary system', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 3, pp. 324–329, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.324-329.

Abstract. The article presents the results of a corruption crime study, the level of corruption and possible corruption risks that arise among employees of the penal system. The aim of the study was to study the possible corruption risks and the effectiveness of counteracting corruption in the activities of bodies and institutions of the penal system. The subject of the study was the objective and subjective characteristics of the current state of corruption in the implementation of assigned functions among employees of the penal system and their dynamics. The object of the study was identified units of territorial bodies, institutions directly subordinate to the Federal Penitentiary Service. As the main method of the study was a sociological survey among employees of the penitentiary system. The objectives of the study were: to assess the prevalence of corruption violations; to identify factors conducive to corruption; to identify factors that counter corruption; to assess the effectiveness and sufficiency of the legislative framework for counteracting corruption; to assess the effectiveness and sufficiency of measures taken by the management of the department and the relevant institution of the penal system to counteract corruption. On the basis of the conducted research it is established that the Russian legislation defines the basic principles of anti-corruption, legal and organizational bases of corruption prevention and fight against it, minimizing and liquidating consequences of corruption offenses. Corruption is one of the main threats to the security of the country. Many scientists and officials speak about the spread of corruption, its existence in all spheres of society. Every year, a significant number of officials of the bodies and institutions of the penal correction system are held accountable for various mercenary crimes committed using their official position. So, if the share of bribery in the volume of all registered crime in the Russian Federation in recent years did not exceed 0.6 %, the share of bribery in the total number of all crimes committed only by employees of the penal system is 25 %. At the end of the study, it was concluded that the majority of the interviewed employees of the penal system have a negative attitude to the problem of corruption and believe that it should be counteracted. The main reason for corruption is that the activities of corrupt officials actually stay unpunished, there are no strict measures against corrupt officials.

Keywords: corruption, anti-corruption policy, corruption risks, bribery, corruption factors, corruption coverage, respondent.

References

Grishin, D. A. 2017, 'Procedural aspects of cooperation in crimes investigation', *Justice and law*, iss. 12, pp. 98–101.

Nuzhdin, A. A. 2016, 'The structure of tactical operations carried out in order to suppress crimes with the use of telecommunication systems in correctional institutions', *Justice and law*, iss. 10, pp. 125–126.

Peremolotova, L. Yu. 2018, 'Analysis of the characteristics of the employees' identity in the penal system and their views on corruption risks arising from the implementation of the assigned functions', *Criminal proceedings: problems of theory and practice*, iss. 1, pp. 61–65.

Rakhmaev, E. S. & Parshkov, A. V. 2018, 'Results of monitoring the implementation of control and supervisory (including permissive) functions by employees of correctional institutions and pre-trial detention centers, carrying out the regime and supervision of the behavior of suspects, accused, convicted persons', *Bulletin of Samara law Institute*, iss. 5, pp. 58–62.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Vladimir Ivanovich Akimochkin, PhD (Law), Associate Professor, head of the law office №77/3-1751, Moscow Chamber of Lawyers of, Moscow, Russian Federation, e-mail: 9230194@rambler.ru

ON THE ISSUE OF IMAGINARY DEFENSE AND FACTUAL ERRORS IN CRIMINAL LAW

Recommended citation

Akimochkin, V. I. 2019, 'On the issue of imaginary defense and factual errors in criminal law', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 3, pp. 330–334, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.330-334.

Abstract. This article presents a comparative study of imaginary defense in Russian criminal law, as well as in criminal law and in the criminal legislation of some foreign countries. An attempt is made to analyze the criteria of actions legality of the defending person in the state of imaginary defense (when in objective reality there is no socially dangerous encroachment) and to compare this fact with a legal error. Some changes to the current legislation of the Russian Federation were proposed.

Keywords: necessary defense, imaginary defense, the validity of the attack, the criteria of legality, a mistake in criminal law.

References

Verina, G. V. 2006, 'Conceptual bases of the modern russian criminal legislation: contradictions and ways of their overcoming', *Bulletin of the Saratov state Academy of Law*, iss. 6, pp. 101–105.

Klyuev, A. A. 2016, *Practice of application by courts of the Russian Federation of provisions on the circumstances excluding crime of act*, Moscow.

Pipiya, A. G. 1993, *Institutions of the general part of modern foreign states' criminal law (France, Spain, USA, Germany, Italy)*, Moscow.

Uchitel', S. Yu. 2004, *Necessary defence and its role in law enforcement activity*, Moscow.

Durmanov, N. D., Gel'fer, M. A., Grishaev, P. I. & Zdravomyslov, B. V. (eds) 1961, *Soviet criminal law: circumstances excluding public danger and illegality of the act. General part*, iss. 9, Moscow.

Valentina Nikolaevna Kufleva, PhD (Law), Associate Professor of criminal law and criminology department, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, e-mail: val_swatch@mail.ru;

Daniil Vladimirovich Sobolev, student of the law faculty, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation;

Vladislav Valer'evich Firsov, student of the law faculty, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

PROBLEMATIC ASPECTS OF CRIMES QUALIFICATION WITH THE USE OF UNMANNED VEHICLE

Recommended citation

Kufleva, V. N., Sobolev, D. V. & Firsov, V. V. 2019, 'Problematic aspects of crimes qualification with the use of unmanned vehicle', *Man: crime and punishment*, iss. 3, pp. 335–342, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.335-342.

Abstract. The technology of an unmanned vehicle has a significant number of shortcomings and technological gaps that create conditions of public danger. However, on the other hand, it becomes clear that this technology is the future. Its conceptual aspects make it possible to restructure the whole sphere of public life; do not forget that the transport infrastructure today is the epicenter of human communication and the basis of international migration. New safety standards can reduce the number of road accidents by several times, and a well-coordinated, unified traffic management system will create completely new conditions for the productivity and economic efficiency of states using it. Despite the relatively short period of mass use of unmanned vehicles, trends have already emerged in future statistics, which will soon become the leitmotif of the policy of integrating autopilots into our lives. The article deals with the problematic issues of qualification of crimes and the definition of the responsible person for a road accident using an unmanned vehicle. The review of cases with lethal outcome is carried out, and also potential possible ways of application of unmanned vehicles as the weapon and means of crime are given, the emphasis on conflict moments is made. The ways of possible solution of the existing problems by making changes in the criminal legislation of the Russian Federation are indicated.

Keywords: unmanned vehicle, autopilot, traffic accident, artificial intelligence, Tesla, AutoNet, automation, robotics.

References

Fatal Tesla crash in China, and once again Autopilot, viewed 10 January 2019, <https://www.2000.ua/novosti/za-rulem/smertelnoe-dtp-tesla-v-kitae---i-vnov-autopilot.htm>.

'Chinese two years suing Tesla because of the death of his son', *Popular Mechanic*, viewed 10 January 2019, https://www.popmech.ru/vehicles/412602-kitaec-dva-goda-sudit-sya-s-tesla-iz-za-smerti-syna/?utm_source=twitter&utm_medium=social&utm_campaign=targetings-PopMechanics&utm_content=rssnewsvehicles&utm_term=20180301-412602-tw#0_8_4122_14149_705_182894591.

'Tesla autopilot found innocent in a fatal crash', *3DNews Daily Digital Digest*, viewed 10 January 2018, <https://3dnews.ru/946196>.

'It was inevitable: the drone caught up with a new victim', *Gazeta.ru*, viewed 12 January 2019, https://www.gazeta.ru/auto/2018/03/20_a_11689327.shtml.

'Uber drone hit a woman in Arizona because of the features of the program. Autopilot spotted her, but kept moving.', *Meduza*, viewed 14 January 2019, <https://meduza.io/news/2018/05/08/bespilotnyy-uber-sbil-zhenschinu-v-arizone-iz-za-osobennostey-programmy-avtopilot-zametil-ee-no-prodolzhil-dvizhenie>.

'FBI warns driverless cars could be used as "lethal weapons"', *The Guardian*, viewed 14 January 2019, <https://www.theguardian.com/technology/2014/jul/16/google-fbi-driverless-cars-lethal-weapons-autonomous>.

'Terro-drones: how criminals using drones wanted to blow up the MIA and the FSB', *RIA-Novosti*, viewed 16 January 2019, <https://ria.ru/incidents/20180207/1514160209.html>.

'Robots must be criminally responsible', *Hightech*, viewed 10 January 2019, <https://hightech.fm/2017/04/04/intelligence-systems>.

'Road traffic injuries', *United Nations world health organization*, viewed 10 January 2019, <http://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/road-traffic-injuries>.

Marina Vladislavovna Minster, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of criminal law department, Novosibirsk law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: mminster1@yandex.ru

SOME CONDITIONS CONDUCIVE TO THE COMMISSION OF CRIME RECIDIVISM BY FEMALE PERSONS

Recommended citation

Minster, M. V. 2019, 'Some conditions conducive to the commission of crime recidivism by female persons', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 3, pp. 343–351, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.343-351.

Abstract. The article is devoted to some conditions conducive to the commission of crime recidivism. An analysis of the norms of international instruments (the Standard Minimum Rules For The Treatment Of Prisoners (Nelson Mandela Rules, 2015), the International Covenant on civil and political rights, the Rules on the treatment of women prisoners and non-custodial penalties for female offenders (Bangkok rules)), as well as domestic legislation, showed that a set of corrective measures during the period of serving the sentence is an important component of social rehabilitation of convicts, the result of which is a law-abiding and independent life after release. On the basis of the study of the practice of women preparing for release from correctional institutions, and subcultures of women sentenced to deprivation of freedom, and the analysis of statistical data, it can be concluded that the greatest negative impact on the commission of recidivism have inefficiencies in the process of re-socialization of women and the negative influence of antisocial subculture. Antisocial subculture determines their behavior, crime and criminal processes occurring in correctional institutions, negatively affects the moral deformation of the personality, enhances the sphere of criminality and represents a concentrated negative phenomenon affecting the lower results of resocialization. In addition, the criminality of the family and close environment, the negative attitude of society to women who have served a sentence of imprisonment, represent an additional problem of adaptation in freedom and inevitably lead to negative consequences. In order to reduce recidivism, it is necessary to improve programmes to prepare convicted women for release, to provide effective assistance in solving their post-penitentiary problems, and to create conditions for the restoration of useful social ties.

Keywords: crime recidivism, convicted women, imprisonment, resocialization, criminal subculture.

References

Babaev, M. M. 2015, 'Criminal policy and crime as interaction', in *Modern problems of criminal policy: proceedings of the VI International scientific and practical conference*, in 2 vols, vol. I, pp. 29–38, Krasnodar.

Telegina, E. G. 2010, *Problems of prevention of crime recidivism committed by women: PhD thesis (Law)*, Saratov.

Walmsley, R. 2017, *World Female Imprisonment List*, 4th edn, Institute for Criminal Policy Research, London.

Struchkov, N. A. 1984, *Course of correctional labor law. Problems of the general part*, Moscow.

Shmarov, I. V. 1974, *Prevention of crimes among the released from punishment. The problem of social adaptation*, Moscow.

Ospanova, Zh. B. 2007, *Legal regulation of labor of convicts, sentenced to imprisonment, in modern conditions (based on the materials of the Republic of Kazakhstan): PhD thesis (Law)*, Chelyabinsk.

Luk'yanova, E. 2005, 'Implementation of the principle of convicts equality before the law in the sphere of work', *Crime and punishment*, iss. 3, pp. 26–28.

Minster, M. V. 2017, 'Subculture of women sentenced to imprisonment and its impact on correction', *Penal law*, vol. 12(1–4), iss. 4, pp. 433–442.

Zautorova, E. V. 2010, *Introduction to art as a mean of pedagogical correction of value orientations of young convicts*, Vologda.

Baburin, S. V. & Chirkov, A. M. 2018, 'Systemogenesis of stress adaptation of convicted persons', *Psychopedagogics in law enforcement bodies*, iss. 1(72), pp. 40–46.

Mental Health Promotion in Prisons: Report on a WHO meeting 18–21 November 1998, Hague, Netherlands 1999, World Health Organization Regional Office for Europe, Penal Reform International, Copenhagen.

Naumov, A. V. 2009, 'Criminal policy in the appointment and execution of punishment: contradiction between the legal ideal and practice', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, iss. 5, pp. 3–9.

Global Prison Trends 2018, Penal Reform International, Thailand Institute of Justice, London, Bangkok.

Pavlova, K. M. 2009, 'Socio-pedagogical support and subculture of juvenile inmates of the penitentiary institution', *Social policy and sociology*, iss. 10, pp. 393–404.

Shnayder, G. Y. 1994, *Criminology*, translation from German, Moscow.

Chernyshkova, M. P. & Debol'skiy, M. G. 2016, 'Criminal subculture among juveniles in prison, and prevention of its spread', *Applied legal psychology*, 2016, iss. 2, pp. 41–47.

Ramil' Rashitovich Rakhmatullin, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of criminal procedure and criminalistics at law faculty, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation, e-mail: ramil_crim@mail.ru

PRIVATE FORENSIC THEORY OF CRIME DETECTION AS AN IMPULSE FOR IMPROVEMENT OF CRIME DETECTION

Recommended citation

Rakhmatullin, R. R. 2019, 'Private forensic theory of crime detection as an impulse for improvement of crime detection', *Man: crime and punishment*, iss. 3, pp. 352–358, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.352-358.

Abstract. The category “disclosure of crimes” is currently actually outside the legal field, neither the current Penal code of the Russian Federation nor the interdepartmental normative acts of law enforcement agencies provide a definition or any other clear interpretation of the disclosed crime. The needs of both science and practice dictate the need for scientific rethink-

ing of the concept and essence of crime detection in order to ensure a uniform perception of this category in science and practice. In essence and in content, discovery of crimes is the crime category, and there is long overdue a need for the development of private criminalistic theories of crime detection.

Keywords: criminology, theory, crime detection, operational investigative activities, investigation, concept, situation, system, paradigm.

References

- Belkin, R. S. (ed.) 1986, *Criminalistics*, Moscow.
- Gerasimov, I. F. 1991, 'About prospects of development and structure of criminalistics', in *Prospects of development of criminalistics: interuniversity collection of scientific works*, pp. 3–13, Sverdlovsk.
- Belkin, R. S. 2001, *Criminology course*, 3th edn, in 3 vols, vol. 3, pp. 282–283, Moscow.
- Drapkin, L. Ya. 2017, 'Situational approach in forensic theory and practice of law enforcement activity', in *Problems of modern criminology and the main directions of its development in the XXI century: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 60th anniversary of the Department of criminology of the Ural State Law University (October 6, 2017)*, pp. 115–131, Yekaterinburg.
- Belkin, R. S. 2001, *Criminology course*, Moscow.
- Mishin, A. V. 2007, 'Adversarial and the role of the court in identifying and solving crimes', *Scientific notes. Collection of scientific works of the Institute of State and Law*, iss. 8, pp. 62–68.
- Belkin, R. S. 1988, *Criminology: problems, trends, prospects. From theory to practice*, Moscow.
- Vinogradov, A. A. 2018, *Forensic support of car thefts investigation: PhD thesis (Law)*, Moscow.

Evgeniya Anatol'evna Permilovskaya, senior lecturer of criminal law and procedure department, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Russian Federation, e-mail: e.permilovskaya@narfu.ru

CORRELATION OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF RESTRICTION OF FREEDOM WITH OTHER MEASURES OF STATE COERCION

Recommended citation

Permilovskaya, E. A. 2019, 'Correlation of criminal punishment in the form of restriction of freedom with other measures of state coercion', *Man: crime and punishment*, iss. 3, pp. 359–365, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.359-365.

Abstract. As a result of the change in the legal content of criminal punishment in the form of restriction of freedom, the issue of determining its legal nature has become controversial. Scientific sources have repeatedly pointed to the substantial similarity of this punishment with other measures of state coercion. The article deals with the correlation of restriction of freedom with such measures of criminal-legal nature as conditional conviction and compulsory measures of educational influence, a measure of restraint in the form of house arrest, administrative supervision carried out in cases established by law in respect of persons released from places of deprivation of liberty. According to the author, the restriction of freedom differs in its legal nature and

social purpose from these measures of state coercion, and has sufficient punitive and corrective potential to maintain the status of criminal punishment. In this regard, the author formulates a number of proposals to improve the relevant provisions of the criminal and penal legislation.

Keywords: criminal punishment, punishment without isolation from society, restriction of freedom, conditional sentence, house arrest, administrative supervision.

References

Dyad'kin, D. 2010, 'Competition of rules on sentencing in the form of restriction of freedom with the rules on probation', *Penal law*, iss. 3, pp. 34–37.

Vorogushina, N. A. 2016, 'Restriction of liberty and suspended sentence: together or separately?', *Judge*, iss. 4, pp. 34–36.

Zvonov, A. V. 2016, 'The ratio of probation and punishment to alternative isolation from society', *Legal science and law enforcement practice*, iss. 4(38), pp. 106–111.

Borsuchenko, S. A. 2009, 'The ethical and legal nature of probation', *Justice*, iss. 3, pp. 32–37.

Kuz'mina, T. Yu. 2014, 'The ratio of restriction of liberty to probation', *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, iss. 6(101), pp. 187–191.

Pudovochkin, Yu. E. 2017, '12 questions about the release of juveniles from criminal liability with application of compulsory measures of educational influence', *Criminal proceeding*, iss. 8, viewed 21 December 2018, <https://e.ugpr.ru/article.aspx?=573805>.

Astakhova, A. O. 2015, 'Criminal law consequences of administrative supervision and restriction of freedom', *Bulletin of Omsk University. Series Law*, iss. 2(43), pp. 230–232.

Teplyashin, P. V. 2011, 'Administrative supervision of persons released from places of detention', *Legality*, iss. 10, pp. 16–19.

Sergeev, D. N. 2014, 'Legal nature of post-penitentiary administrative supervision', *Actual problems of Russian law*, iss. 8(45), pp. 1709–1715.

Ponyatovskaya, T. G. 2013, 'Crime prevention: security measures, administrative supervision', *Criminological journal of Baikal National University of Economics and Law*, iss. 3, pp. 98–103.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Nina Alekseevna Tyugaeva, DSc (Pedagogy), Professor, Honored worker of the higher school of the Russian Federation, professor of legal psychology and pedagogy department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

TEACHING METHODS, PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES: ESSENCE, DEVELOPMENT TRENDS

Recommended citation

Tyugaeva, N. A. 2019, 'Teaching methods, psychological and pedagogical technologies: essence, development trends', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 3, pp. 366–379, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.366-379.

Abstract. Socio-economic changes in Russia, globalization and democratization, scientific and technological progress, dynamism and complexity of modern information processes have

led to the need to modernize Russian education. One of the main tasks of the reforms, in accordance with the National doctrine of education in the Russian Federation until 2025, was the training of highly educated specialists capable of professional growth and professional mobility in the conditions of Informatization of society and the development of science-intensive technologies. Implementation of this task is possible through the search for new forms, methods and means of training, providing greater opportunities for development, self-development and self-realization of the individual. Thus, in the center of the concept of modern education are the personality of the teacher and students. In this regard, the study of the educational process, the development and implementation of teaching methods and psychological and pedagogical technologies in educational institutions are of particular relevance. The article deals with the important concepts: “training”, “teaching methods”, “technology”, also an attempt to define the concepts of pedagogical technology, teaching technology, psychological and pedagogical technology, their relationship and interaction was made. The content characteristics of these and other concepts are updated (manifested) and gradually improved in psychological and pedagogical activity. In addition, various classifications of teaching methods and technologies are analyzed. The article is based on the results of theoretical research and empirical work carried out by the author with teachers, adjuncts and graduate students directly involved in the educational process of the Academy of the FPS of Russia. The issues of improving the quality of education in various educational organizations were discussed in the study. Respondents concluded that the main factor contributing to the improvement of the educational process is the development and application of various methods and technologies in their totality. The great importance is the level of methodological and methodical preparedness of teachers. According to respondents, it is necessary to pay special attention to the clear organization of the educational process, the maximum provision of conditions for research work, the passage of pedagogical practice and leisure. Thus, the article sets out the basic psychological and pedagogical concepts, formulates their definitions, presents different points of view, identifies trends and prospects for the development of the problem.

Keywords: method, teaching methods, technology, pedagogical technology, teaching technology, psychological and pedagogical technology, algorithm of actions, structure and features of technology.

References

- Nechaev, V. V. & Dar'in, A. V. 2001, 'Intelligence is a strategic resource of the information society', *Problems of Informatization*, iss. 1, pp. 37–41.
- Dolyatovskiy, V. A., Mazur, O. A. & Meleshko, E. N. 2003, *Measurement and quality management of specialists with higher education*, Rostov-on-Don, Nevinnomyssk.
- Korotov, V. M. 1980, *Educational training*, Moscow.
- Shatskiy, S. T. 1965, 'Improving the quality of the lesson', in *Pedagogical works*, in 4 vols, vol. 4, Moscow.
- Lerner, I. Ya. 1981, *Didactic bases of teaching methods*, Moscow.
- Grebenyuk, O. S. 1996, *General pedagogy: a course of lectures*, Kaliningrad.
- Sociological encyclopedic dictionary* 1998, Moscow.
- Pedagogical technologies in higher education: abstracts of the interuniversity conference, January 24-25, 1995*, Ryazan.
- Yanushkevich, F. 1986, *Technology of education in the system of higher education: translation from Polish by O. V. Dolzhenko*, Moscow, (in Russ.).
- Okolelov, O. P. 1994, 'Modern technologies of education at the University. Essence, design principles, development trends', *Higher education in Russia*, iss. 2, pp. 45–49.

Selevko, G. K. 1988, *Modern educational technologies*, Moscow.

Klarin, M. V. 1989, *Pedagogical technology in the educational process. Analysis of foreign experience*, Moscow.

Dzhul'etta Al'bertovna Kitova, DSc (Psychology), Professor, leading researcher of the laboratory of personality psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID 0000-0002-8185-3974, ResearcherID E-4003-2019, e-mail: j-kitova@yandex.ru;

Akhmed Mussalievich Shakov, PhD (Psychology), Associate Professor, Higher School of Business Technologies, Moscow, Russian Federation, e-mail: shakov78@mail.ru

ATTITUDE TO CORRUPTION BEHAVIOR IN THE STRUCTURE OF MODERN YOUTH PERCEPTIONS

Recommended citation

Kitova, D. A. & Shakov A. M. 2019, 'Attitude to corruption behavior in the structure of modern youth perceptions', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), vol. 27(1–4), iss. 3, pp. 380–389, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.380-389.

Abstract. Corruption damages not only the political, economic and legal systems of the state, but also distorts the legal consciousness of the population and manifests itself in the structure of social activity of the individual. In the theoretical part of the work it is shown that in the system of dominant human relations are reflected worldview, beliefs, expectations and claims of the individual. In the empirical part of the study revealed the views of young people about the determinants of corruption behavior, the initiators of bribery and their motives. It is shown that the evaluation of corruption behavior occurs from a psychological point of view, through an appeal to culturally conditioned ideas about normative behavior and the desire to thank others for their assistance. Ordinary students' ideas about corruption and corruption offenses do not fully reflect the legal reality, which can lead to incorrect assessments of signs of corruption behavior and subsequent severe punishment.

Keywords: psychology of corruption behavior, personality, attitude, bribery, motives, determinants, legal assessment.

References

Abul'khanova-Slavskaya, K .A. 1991, *Life strategy*, Moscow.

Kitova, D. A. & Kayasheva, O. I. 2015, *Actual problems of social psychology and psychology of professional activity*, St. Petersburg.

Aprelikova, N .R. & Kitova, D. A. 2018, 'The structure of the needs of students in knowledge of psychology', *Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, vol. 3, iss. 2(10), pp. 110–133.

Balova, D. Yu. & Kitova, D. A. 2011, 'Psychological features of students' ideas about creating a family', *Applied psychology and psychoanalysis*, iss. 1, p. 9.

Basov, M. Ya. 1975, *Selected psychological works*, Moscow.

Bekhterev, V. M. 1999, 'Objective study of a personality', in V. M. Bekhterev, *Selected works on personality psychology*, in 2 vols, vol. II, Moscow.

Garaganov, A. V. & Kitova, D. A. 2016, 'Methodological principles of research needs as the basis of social activity of the personality', *Bulletin of University of Russian Academy of Education*, iss. 2, pp. 104–107.

Garmaev, Yu. P. & Kitova, D. A. 2015, 'Economic and legal competence of a person: problems of formation in the conditions of market transformations', *Humanities and Education in Siberia*, iss. 9, pp. 56–58.

The Prosecutor General's office announced the damage from corruption crimes in 2018, viewed 15 May 2019, <https://ria.ru/20190409/1552499622.html>.

Grot, N. Ya. 2013, *Essays*, in 4 vols, vol. 1, Melitopol.

Dyshekov, B. N. & Kitova, D. A. 2011, 'Formation of psychological readiness of the person to legitimate business activity', *Psychology in Economics and Management*, iss. 1, pp. 29–35.

Egizov, U. S. & Kitova, D. A. 2015, 'Psychological characteristics of young people's corruption views', *Bulletin of University of Russian Academy of Education*, iss. 4, pp. 50–54.

Zhuravlev, A. L. & Kitova, D. A. 2017, 'Global processes as an object of social and psychological research', *Human factor: social psychologist*, iss. 2(34), pp. 307–314.

Zhuravlev, A. L. & Kitova, D. A. 2017, 'Socio-psychological determinants of the development of the global information network', *Science. Culture. Society*, iss. 3–4, pp. 10–21.

Zhuravlev, A. L. & Yurevich, A. V. 2012, 'Corruption in modern Russia: the psychological aspect', *Knowledge. Understanding. Skill*, iss. 2, pp. 56–65.

Kitova, D. A. 2016, 'Perceptions of corruption in the minds of high school students', *Humanization of education*, iss. 6, pp. 131–140.

Kitova, D. A. 2016, 'Psychological aspects of the public's attitude to corruption', *Bulletin of University of Russian Academy of Education*, iss. 5, pp. 91–97.

Kitova, D. A. 2016, 'The public's attitude to corruption and corruption offences: an empirical analysis', *Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, vol. 1, iss. 4, pp. 145–167.

Kitova, D. A. 2012, 'Economic psychology of the subject of life: theory, methodology, practice', in A. H. Лебедев (ed.), *Economic psychology in the modern world: collection of scientific articles*, pp. 148–161, Moscow.

Lazurskiy, A. F. 2016, *General and experimental psychology*, Moscow.

Myasishchev, V. N. 1957, 'The problem of human relations and its place in psychology', *Questions of psychology*, iss. 5, pp. 142–155.

Naymanova, B. A. & Kitova, D. A. 2016, 'Legal aspects in students' ideas about ways to achieve economic well-being', *Bulletin of University of Russian Academy of Education*, iss. 1, pp. 87–91.

Nestik, T. A., Sosnin, V. A., Kitova, D. A. & Yurevich, A. V. 2017, 'Mass consciousness and behavior as objects of research in social psychology', *Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, vol. 2, iss. 4(8), pp. 71–105.

Poznyakov, V. P. 2016, 'Human psychological relations: history of development and current state of research', *Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, vol. 1, iss. 3, pp. 24–47.

Problems of social conflicts in modern psychology: essence, determinants, regulation 2018, Moscow.

Zhuravlev, A. L., Shikhirev, P. N. & Shorokhova, E. V. (eds) 1988, *Joint activity: methodology, theory, practice*, Moscow.

Sosnin, V. A., Kitova, D. A., Zhuravlev, A. L. & Yurevich, A. V. 2017, 'Corruption as an object of social and psychological research: state and prospects', *Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, vol. 2, iss. 3, pp. 6–38.

Zhuravlev, A. L., Kitova, D. A. & Sosnin, V. A. 2017, *Socio-psychological studies of corruption*, Moscow.

Spenser, G. 1996, *Sociology as a subject of study*, St. Petersburg.

Troitskiy, M. M. 2012, 'The science of the spirit. General properties and laws of the human spirit', in M. M. Troitskiy, *Collected works*, in 2 vols, vol. 1, Moscow.

Uzdenov, T. M. & Kitova, D. A. 2009, 'Students' views on the goals and means of achieving economic well-being', *Humanization of education*, iss. 3, pp. 129–133.

Formation of economic consciousness of youth as a strategic factor in the development of modern society 2011, Karachayevsk.

Khubieva, R. T. & Kitova, D. A. 2009, 'Psychological readiness of young people to economic relations in modern conditions', *Humanization of education*, iss. 1, pp. 104–109.

Yurevich, A. V. & Zhuravlev, A. L. 2014, 'Psychological factors of corruption', *Sociological studies*, iss. 7, pp. 63–71.

Yurevich, A. V., Sosnin, V. A., Kitova, D. A. & Zhuravlev, A. L. 2017, 'Corruption in the subject field of psychological research', in A. L. Zhuravlev, V. A. Kol'tsova (eds), *Fundamental and applied research of modern psychology: results and prospects of development: collection of scientific articles*, pp. 1981–1989, Moscow.

Corruption Perceptions Index 2018, viewed 17 May, 2019, <https://www.transparency.org/cpi2018>.

Lascomes, P. & Tomescu-Hatto, O. 2008, 'French Ambiguities in Understandings of Corruption: Concurrent Definitions', *Perspectives on European Politics and Society*, vol. 9, iss. 1, pp. 24–38.

Rabl, T. 2011, 'The Impact of Situational Influences on Corruption in Organizations', *Journal of Business Ethics*, iss. 100, pp. 85–101.

Valentina Ivanovna Reutova, senior inspector on special assignments of the department of psychological work organization and moral and psychological support organization, Department of Public Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: valreu@mail.ru

INTERRELATION OF MANAGERIAL COMPETENCES WITH PERSONAL QUALITIES OF HEADS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Recommended citation

Reutova, V. I. 2019, 'Interrelation of managerial competences with personal qualities of heads of Internal Affairs bodies', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 3, pp. 390–395, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.390-395.

Abstract. The article presents the results of the study of personal qualities and managerial competencies correlation in the structure of professional success of heads of Internal Affairs bodies, which was conducted among the heads of territorial bodies of internal affairs male aged

32 to 48 years, experience in law enforcement – from 10 to 16 years. The research methods are testing, level and correlation analysis, and the method of descriptive statistics. In the process of collecting data the methodology of C. L. Wilson's "the cycle management skills in order to diagnose the managerial competencies of the leaders of the CPI methodology to diagnose the personal qualities of the leaders" was used. The analysis of the results of the study included the assessment of the profile of managerial competencies, the profile of personal qualities, the relationship of managerial competencies and personal qualities of the leaders of the study group. The results revealed the weaknesses of personal qualities and managerial competencies of heads of the study group. As the main conclusion of the study, it is noted that the assessment of the degree of formation of managerial competence in relation to the assessment of personal and business qualities of heads of Internal Affairs bodies is a necessary basis for the forecast of professional success and can be considered as a criterion for distinguishing between successful and unsuccessful leaders in the process of placement and formation of the personnel reserve of heads of law enforcement agencies.

Keywords: Internal Affairs bodies, managerial competences, K. L. Wilson's methodology, CPI methodology, formation of personnel reserve.

References

- Belyatskiy, N. P. 2000, *Personnel management*, Minsk.
- Bazarov, T. Yu. 2016, *Technology of personnel assessment centers: processes and results*, Moscow.
- Zeer, E. F. & Symanyuk, E. 2005, 'Competence-based approach to modernization of professional education', *Higher education in Russia*, iss. 4, pp. 23–30.
- Kliland, D. & King, V. 1974, *System analysis and target management*, Moscow.
- Kkhol, Y. 1975, *Efficiency of management decisions*, Moscow.
- Mintzberg, H. 1973, *The Nature of Managerial Work*, Prentice Hall, New Jersey.
- Petrov, A.V. & Fedulov, Yu. G. 2000, *Preparation and adoption of management decisions*, Moscow.
- Filyakin, A. Yu. 2009, *Socio-psychological features of the development of managerial competence of future heads of the departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia to counteract economic and tax crimes: PhD thesis (Psychology)*, Moscow.
- Shadrikov, V. D. 1996, *Psychology of activity and abilities of a person*, Moscow.
- Shaykova, I. M. 2009, 'Psychological and legal aspects of the study of the personality of the head of law enforcement agencies', *Almanac of modern science and education*, iss. 7–2, pp. 157–160.

PERSONALIA

80 YEARS ANNIVERSARY OF THE HONORED WORKER OF THE HIGHER SCHOOL OF THE RUSSIAN FEDERATION, DOCTOR OF PEDAGOGICAL SCIENCES, PROFESSOR, COLONEL OF INTERNAL SERVICE IN RETIREMENT NINA ALEKSEEVNA TYUGAEVA

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*
Корректор *Т. Н. Русакова*
Перевод *О. Р. Белозерова*
Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*
Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 26.06.2019. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 8,75. Усл. печ. л. 8,14. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1